

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Шенин

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XL

ИИМК(3)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XL

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1951

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. Л. МОНГАЙТ

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ АРХЕОЛОГИИ

(Доклад, прочитанный на Пленуме ИИМК, состоявшемся в г. Тарту в мае 1951 г.)

Археология — наука очень молодая. Конечно, это можно утверждать, если мы говорим не о ведении раскопок (они велись уже тысячи лет назад), а о науке, обладающей определенными методами и приемами. XIX век в археологии, как и в других науках, был отмечен значительными успехами. Выдвинулись крупные ученые, заложившие основы научного подхода к археологическим материалам. Так, например, важным этапом в анализе археологических данных был геологический подход к ним. Эпохи и периоды, установленные Мортилье, вводили определенную систему, связывавшую историю человечества с периодами истории земли. Его классификация первобытных древностей была основана на эволюционной теории. Другим важным этапом был формально-типологический метод Монтелиуса и его последователей. При переходе от «антикваризма», от собирательства коллекций к созданию науки, основанной в какой-то мере на изучении вещей, важно было эти вещи систематизировать, датировать, и формально-типологический метод вполне оправдывал себя.

Эволюционистская школа в этнографии и археологии в XIX в. обладала многими недостатками, но все же сыграла положительную роль в развитии науки. Эволюционисты рассматривали явления культуры вне их связи, строили какую-то мировую культуру, не имеющую национальных форм. Они не изучали отдельную культуру, а, вырывая из общего комплекса те или иные элементы культуры, искали их варианты в любых культурах. Но все же, пользуясь методом сравнения явлений культуры разных народов, эволюционисты близко подошли к пониманию единства законов развития всего общества. Когда в начале XX в. представители так называемой культурно-исторической школы предложили за распределением типов вещей и их комбинаций во времени и пространстве видеть некие культурные и этнические общности, это тоже звучало как прогрессивная идея, но в ее разработке с самого начала были заложены порочные черты.

В XX в. переживающее острый кризис буржуазное общество уже не могло выдвинуть передовых идей. И даже прогрессивные идеи XIX в. превратились в свою противоположность. Возьмем, например, формально-типологический метод. Он очень важен как вспомогательный метод, но становится вредным, если его рассматривают как единственный или основной. А между тем формальная типология становится пределом, которого достигают в своих исследованиях многие западноевропейские и американские

ученые. Достаточно вспомнить имя Нильса Оберга, в работах которого формальная типология доведена до абсурда. Он утверждал, например, что типологический метод дал возможность постигнуть закономерности в развитии древностей. Эти закономерности, по его утверждению, сходны с закономерностями развития животного мира, установленными Дарвином.

Формальная типология придает вещам силу саморазвития. Вещь развивается независимо от общественной среды, вопрос о вещи рассматривается внеисторически, она оторвана и от своего создателя и от своего потребителя. Вещь развивается как некая общечеловеческая идея о вещи, и законы саморазвития вещей не зависят от конкретной истории человечества. Этот идеалистический подход буржуазных археологов заводит формально-типологический метод в тупик. А ведь на основе этого метода прогрессивная буржуазная археология создала ряд классификаций археологического материала, наиболее ценными из которых мы пользуемся до сих пор. Советские археологи не отрицают формально-типологические сравнения как вспомогательный метод. Если эти сравнения связаны с историей развития общества, они становятся важным материалом исследования. Если их отрывают от истории общества, они превращаются в бесполезную схему. Так прогрессивный метод, созданный выдающимися буржуазными учеными XIX в., в руках у буржуазных ученых XX в. превратился в мертвую идеалистическую схему, препятствующую развитию науки.

Особые задачи были поставлены перед буржуазной археологией в эпоху империализма. Наука о древностях превращается в одну из самых тенденциозных, политически заостренных наук, служащих задачам сегодняшнего дня. Поиски древней родины на территории, занятой другим народом, должны были оправдать империалистическую агрессию. Той же цели служили рассуждения о расовом и национальном неравноправии народов, якобы определяемом биологическими данными и проявившемся еще в древние археологические эпохи.

Одной из наиболее влиятельных в буржуазной науке XX в. была так называемая культурно-историческая школа в этнографии Гребнера, Анкермана и Шмидта.

Большая роль в идеологической подготовке фашистской агрессии принадлежала и близко примыкавшей к ней в археологии школе Siedlungsarcheologie К. Шумахера — Густава Коссина. Эта школа изучала последовательность культурных кругов, т. е. культурных единств, занимающих в определенный период жизни определенные, строго очерченные территории. Элементы культурной жизни, по мнению этой школы, всегда связаны между собой в единое целое. Особенности каждого культурного круга и их исторические судьбы определяются расово-этнологическими особенностями народа, носителя данной культуры. Культурные круги вследствие народных передвижений распространяются по земле, сталкиваются и влияют друг на друга. Творческая роль народа в развитии культуры исключается. Народ не создает своей культуры, а лишь осваивает мигрирующие раз и навсегда данные культурные явления. Эта школа пыталась современные этнические группировки представить как извечно существовавшие категории биологического порядка. Это ей в значительной мере принадлежит теория мигрирующих народов — носителей и распространителей высшей культуры. Густав Коссина, один из основателей и главарей этой школы, настойчиво проводил мысль о высшем предназначении, о высшей исторической роли избранной германской расы. Эта школа объективно служила интересам фашистов, она вплотную примыкала к фашистской геополитике. Деятели этой школы стали видными гитлеровцами. Используя «теории» культурно-исторической школы, немецкие фашистские «ученые» постарались археологию, как и другие отрасли науки,

превратить в орудие человеконенавистнической политики нацистского режима. Эту отрасль науки больше, чем другие, использовали для националистической пропаганды, для утверждения принципов расизма и агрессии, направленной против свободлюбивых народов. При помощи фальсифицированной археологии доказывалось не только превосходство северной арийской расы, но и исконные права немцев на славянские и другие земли, якобы принадлежавшие в древности германцам.

Советская археология всегда вела активную борьбу против культурно-исторической школы и школы *Siedlungsarcheologie*, разоблачая их империалистическую сущность, показывая, что они служат интересам фашистов.

Крах гитлеризма должен был, казалось, послужить концом реакционных теорий, служивших идеологической подготовке фашизма. На деле это не так. Американско-английский империализм, подготавливая третью мировую войну, внушая немцам в Западной Германии и Австрии реваншистские идеи, стремится возродить реакционную археологию в Европе. Отсюда стремление возродить культурно-историческую школу, отсюда лозунг «Назад к Коссине!». Реакционные идеи Коссины объявляются неким идеалом, от которого якобы отошли немецкие археологи в годы нацизма. Осуждая на словах нацистскую лженауку, они по существу стремятся возродить ее основы. К сожалению, среди некоторых ученых Германской демократической республики, действительно враждебных нацизму, еще существуют заблуждения, способствующие распространению реакционных идей. Эти ученые считают, например, что лозунг: «Назад к Коссине!» намечает пути прогрессивного развития германской археологии. Такое утверждение имеется в недавно вышедших книгах Мартина Яна и Фридриха Бена. Мартин Ян в учебном пособии для высшей школы¹ утверждает, что основы современной немецкой праистории, которая еще пребывает в стадии строительства, заложены Густавом Коссиной. Характеризуя замкнутые культурные общности Коссины, которые мигрируют и исчезают, растут и стареют, Ян не вскрывает того факта, что по Коссине в основе этих общностей лежат явления биологического порядка, т. е. не вскрывает расизм Коссины. Ф. Бен² также считает, что важнейшей задачей археологов является возврат к *siedlungsgeschichtliche* методу, разработанному Г. Коссиной. Вся книга Бена, изданная в 1948 г., пронизана националистическими и расистскими идеями. На стр. 41 дана карта расселения германцев на их «прародине» по Коссине. Германцы занимают на ней только Ютландский полуостров, Ганновер, Мекленбург, Рюген и узкую полосу шведского южного побережья. Потом они двинулись отсюда в поисках новых земель для расширения своего «жизненного пространства». На карте показано, как германцы постепенно занимают земли за Вислой, далеко на Восток, а в комментариях указано, что эта германизация новых земель является важнейшим фактором европейской истории. Устремления германцев в поисках «жизненного пространства» приводят к непрерывному их расселению из прародины, что и составляет основу исторического процесса. Так как уже в гальштатское время в Европе не оставалось свободной, никому не принадлежащей земли, то всякое переселение сопровождалось военными действиями, всякое переселение было завоеванием. Правда, не всегда триумфальное шествие германцев удачно. Их родина в Северной Ютландии в результате выселений из нее пустеет. Ф. Бен замечает: «Здесь в первый раз в истории германского народа выступает перед

¹ Martin Jahn. Allgemeine Vorgeschichte. Berlin — Leipzig, 1948.

² Friedrich Behn. Vor- und Frühgeschichte. Grundlagen, Aufgaben, Methoden. Wiesbaden, 1948. См. рецензию А. Монгайта в № 1 Вестника древней истории за 1951 г., стр. 192—194.

нами трагедия переселенцев и колонистов: передовой отряд обречен на гибель, но он пролагает дорогу и завоевывает жизненное пространство для следующих за ним». Это, очевидно, должно служить утешительной эпитафией на могилах немецких солдат, посланных на убой фашистскими правителями «для завоевания жизненного пространства».

Неужели проф. Бен, возмущающийся использованием науки для «партийно-политической пропаганды», не видит, что «теории», которые он излагает и принимает, состояли на вооружении у гитлеровской партии? Нет, он, конечно, прекрасно знает, что лозунги войны и покорения славянских земель обосновывались как якобы исконными правами немцев на эти земли, так и необходимостью завоевать жизненное пространство. Почему же теперь, когда мир и дружба германского народа с народами Восточной Европы являются основой мира во всем мире, в настоящее время, когда договором между Польшей и Германской демократической республикой установлена твердая граница, почему сейчас проф. Бен возрождает старые фашистские бредни под видом «объективной» науки? Чьим интересам может служить такая «наука»? Интересам американско-английских империалистов, но не германского народа.

Подготовленные националистическими и расистскими высказываниями автора, мы не удивляемся, когда встречаем в книге апологию войны.

Так как, по мнению Ф. Бена, культура представляет собой единство, свойственное отдельным народам и несвойственное другим (автор не допускает, что у двух народов, находящихся на одинаковой ступени социального развития, могут быть сходные явления в культуре), то культуры как целое переносятся только благодаря переселениям народа и навязываются другим народам. Торговля не распространяет культуру. Истинным способом распространения высшей культуры является война. В этом позитивная, созидательная сторона войн. Ни одно из переселений народов не протекало мирно. А так как переселения являются основой мирового прогресса, следовательно война является основой мирового прогресса. К этому выводу проф. Бена, как говорится, комментарии не требуются. В наши дни, когда все передовое человечество ведет борьбу за мир, когда высшим законом Германской демократической республики является борьба за длительный мир, апология войны в ученом труде служит на руку злейшему национальному противнику немецкого народа — американскому империализму. Понятно, почему Ф. Бен, будучи профессором Лейпцигского университета, издает свои книги в Западной Германии, т. е. там, где американско-английские империалисты пытаются возродить немецкий милитаризм и фашизм как оружие борьбы против мира и демократии.

Научная сторона вопроса о переселениях так же ясна, как и сторона политическая. Советская наука провела решительную борьбу против господствовавшей в буржуазной науке теории миграций. Мы не отрицаем переселений вообще, мы отрицаем лишь их ведущую роль в мировой истории. Мы считаем, что нужно изучать культуру с учетом всех ее созидательных факторов, а не только переселений. Прежде чем проследить переселенческие движения, нужно рассмотреть культуру как определенное проявление местных хозяйственных и культурных потребностей. Из вышеприведенных высказываний Ф. Бена мы видим, как легко эта ложная «теория» миграций превращается в основу для политической программы поджигателей войны.

В борьбе против теории миграций некоторые советские ученые допустили существенные ошибки. Под влиянием ошибочных установок «школы Марра» пришли к гипертрофированной автохтонности, к полному отрицанию миграций. Подобное предположение искажает подлинный исторический процесс, в котором миграции явление частое и распространенное. Мы отрицаем, еще раз повторяю, не миграции вообще, а их ведущую роль в

историческом процессе. Приведенные выше высказывания некоторых буржуазных ученых показывают, что борьба с этими теориями еще не снята с повестки дня.

Миграционизм с неизбежностью ведет к расистским выводам, так как явления материальной культуры закрепляет за теми или иными расами. Путем миграций высшая избранная раса — «культуротворец», как ее называет Шухгардт в своей «Алтегора» — распространяет во всем мире свое господство. Поэтому задачей праисторика якобы является изучение миграций для доказательства ведущей роли господствующей расы еще в глубокой древности.

Особенно откровенно расистские идеи возрождаются в современной австрийской археологии. Так, например, Роберт Эндрес главу об индогерманцах в своей книге¹ начинает со слов: «Хотя мне угрожает опасность прослыть распространителем националсоциалистских идей, я все же утверждаю и утверждал это независимо от лжеученых нацистов и до них»... и т. д. Таким образом, австрийский ученый в 1948 г. спорит о приоритете в расистских высказываниях с нацистами. Что же доказывает Эндрес? Он утверждает, что единственным народом, в чистом виде унаследовавшим расовые черты древнего нордического народа, являются германцы, которые остались сидеть на территории прародины индогерманцев. Кроме германцев, все индогерманские народы, выселяясь из древней прародины, расово смешивались и утрачивали свои первоначальные черты. Склонные к переселениям северные люди еще в неолите заложили расовые и культурные основы позднейшей индогерманизации Европы².

Основы расовой теории заключаются в том, что ее сторонники утверждали, что расовый тип не есть продукт развития, расы извечны и лишь смешиваются и деградируют. По Коссине, индогерманцы еще в мезолите обладали теми же расовыми признаками, которые существуют и теперь. Мы видим, что на позициях расизма стоят и в настоящее время австрийские ученые. И не только они. В других буржуазных странах также культивируется расистская лженаука, причем часто она скрывается за реакционными теориями школы Коссины. Об этом свидетельствует археологическая литература Швеции³, Дании и других стран. Не остались в стороне от расистских идей археологи Англии: Эллиот Смит и Перри и в особенности лорд Раглан, которые считают, что все прогрессивное развитие человечества основано на борьбе рас. Но наибольшего развития расистские, как и другие реакционные, идеи достигли в американской археологии.

В соответствии с той активной ролью, которую сейчас играет во всем мире реакционная буржуазия США, буржуазные американские ученые становятся передовым отрядом реакционной науки. Расизм, как известно, принадлежит к наиболее старым чертам «американского образа жизни». Расовая дискриминация и порождаемые ею расовые «теории» стали распространяться в США с тех пор, как началось истребление индейцев и порабощение негров. С наступлением эпохи империализма пропаганда расовых теорий в американской историографии еще более усилилась.

Расизм в англо-американской социологии, этнографии и антропологии провозглашен как официальная доктрина. Разоблачая реакционный смысл англо-саксонского расизма, товарищ Сталин указывает: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только немцы представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль

¹ Dr. Robert Endres. Geschichte Europas und des Orients. Wien, 1948.

² R. Endres. Ук. соч., стр. 58—59 и примеч. 4, стр. 630—631. Несколько менее откровенен, но также на позициях культурно-исторической школы стоит Питтиони. См. Richard Pittioni. Die urchenzeitlichen Grundlagen der europäischen Kultur. Wien, 1949.

³ См., например, Eric Oxenstierna. Die Urheimat der Goten. Stockholm, 1948.

начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира»¹.

Конечно, учитывая, что гитлеровский вариант расовой теории с его «нордическим мифом» окончательно скомпрометирован в глазах народа, ученые расисты маскируют его, говоря о нации, а не о расе, но понимают нации как расы, т. е. как биологические общности людей.

Как американско-английский расизм выражается в археологии? Утверждают, что только один центр в мире — античный средиземноморский — являлся центром культурного развития. Развитие остальных народов и соответственно археологических культур было лишь результатом влияния этой цивилизации. Это развитие передалось западноевропейским народам, а также американцам, которые являются единственными наследниками этой мировой цивилизации. Крөбер пишет, что примитивные народы воспринимает всякие изменения туго, медленно, так как у них нет организованных поисков технических усовершенствований и научных знаний, — все эти свойства присущи только народам западной культуры. Тэйлор пишет: «Культура является наследием прошлого, и культурное содержание может накапливаться. Причина того, что некоторые цивилизации процветали больше, чем другие, заключается в том, что они получили больше, в них влились более разработанные культурные потоки»². За этим следует вывод, что для отдельных «примитивных» народов современная «высшая» цивилизация остается навсегда недостижимой. Из признания колониальных народов неполноценными вытекает отношение буржуазных археологов к этнографическим параллелям. Они считают этнографические параллели пригодными лишь для решения материальных или технических вопросов, например для выяснения применения тех или иных вещей. Что же касается духовной области, то она имеет различные основы у современных «примитивных» народов и у народов, существовавших тысячи лет назад. Древние примитивные культуры находились в непрерывном развитии, современные «дикари» — в состоянии застоя или даже деградации. Итак, для современных «примитивных» народов навсегда закрыт путь к развитию. Они обречены быть рабами людей «высшей цивилизации», обречены на вымирание. Это определено накоплением у них культурных навыков и может быть доказано на археологических материалах. Таковы рассуждения империалистических колонизаторов и их «ученых» помощников.

Таким образом, и в археологических материалах и в данных так называемой праистории ищут доказательства неполноценности одних народов и расового превосходства других.

Уже давно прошло то время, когда буржуазная археология ограничивала сферу своей деятельности областью истории искусства и архитектуры, собирания и изучения вещей. Ее роль как важной политической дисциплины прекрасно оценена хозяевами науки. У нас несколько отсталое представление о буржуазных археологах как коллекционерах-вещеведах. Есть и такие, в особенности среди французских археологов. Но большинство склонно на археологических материалах строить исторические исследования, склонно даже к теоретическим обобщениям. Иное дело, какова эта теория, какова методология исследований.

Прежде всего буржуазную археологию, так же как и историю, отличает крайний идеализм. Он проявляется и в признании культуры нематериаль-

¹ «Правда» от 14 марта 1946 г.

² W. W. Taylor. A study of archeology, American Anthropologist, vol. 50, N 3, Part 2, Memoir N 69, July 1948. Published by the American Anthropological Association, стр. 64.

ной, и в отрицании объективных исторических закономерностей, и в теории непознаваемости исторического процесса.

Сама идея закономерности общественного развития органически враждебна буржуазии. Буржуазная философия и социология изображают историю человечества как хаос разрозненных фактов. Миром руководят слепые случайности. Буржуазная наука боится признания прогрессивности исторического процесса. На историзм в подходе к явлениям общественной жизни нападают все враги передовой науки, от папы римского до американских социологов. На неокантианских (вернее, риккертских) философских позициях отрицания объективных исторических закономерностей стоят и буржуазные археологи. Поскольку нет никаких законов развития, а есть лишь множество разрозненных фактов, постольку невозможно их сопоставить, постигнуть и разъяснить. Картину прошлого восстановить невозможно. Не следует делать попыток подобной реконструкции. Ведь основой истории, по мнению буржуазных ученых, является не история социальных отношений, а история идей. Но мы никогда не узнаем идей первобытного человека. Поэтому никогда праистория не станет подлинной историей¹.

Тэйлор утверждает, что «метод археологического исследования является методом постепенного приближения, так как полная достоверность или точное знание прошлого вне пределов достигаемого»². Исходя из того же убеждения об отсутствии закономерностей исторического развития, А. Гольденвейзер выступал против попыток исторических реконструкций на основе археологического материала. «Очевидно, что человеческая история на протяжении последних нескольких тысяч лет слишком богата вариантами, чтобы предполагать более простую и менее богатую историю человечества до того, как человек начал оставлять письменные документы для профессиональных историков»³. А раз это так, то мы никогда не сможем ни понять, ни тем более описать всей сложной истории первобытного человека. Не следует и пробовать этим заниматься.

Задачей археолога (или, как чаще всего их называют буржуазные ученые, праисторика) является собирание, анализ и критика эмпирических данных и расположение этих данных в хронологической последовательности. Вот предел исторического исследования. Однако даже эта ограниченная задача не может быть решена до конца. Сам исторический факт внушает сомнение, поскольку мы не можем его наблюдать и воспринять так, как воспринимали его современники. За этим обычно следует рассуждение о неточности всех общественных наук, так как социальный эксперимент невозможен, а точная наука начинается якобы там, где возможна проверка лабораторным путем. Наконец, история определяется не как конкретные факты прошлого, а как распространенная современная мысль о конкретных фактах прошлого, объединенная в одно целое с точки зрения культурного человека и временной последовательности. Так утверждает «теоретик» американских археологов В. Тэйлор⁴. Еще дальше идет английский историк Коллингвуд. Он утверждает, что история — это только история идей. Историк только восстанавливает мысли прошлого, и притом восстанавливает их лишь в контексте имеющихся у него собственных знаний. Для Коллингвуда исторический факт — это не более чем умственное заключение о нем⁵. Это полное отрицание объективной истории вообще.

¹ G. E. Daniel. A hundred years of archaeology. London, 1950, стр. 322.

² Ук. соч., стр. 105.

³ A. Goldenweiser, Anthropology, стр. 631.

⁴ W. W. Taylor. Ук. соч., стр. 36. См. А. Л. Монгайт. Американская археология на службе империализма. «Вопросы истории», 1949, № 5.

⁵ R. G. Collingwood. The Idea of History. Oxford. Clarendon Press, 1946, стр. 133.

Но археология, по мнению этих ученых, не является частью даже этой лишенной рациональных основ науки — истории. Археология — это автономная наука; она состоит из метода и ряда специальных технических приемов для собирания или «создания» информации о культуре.

Поскольку важнейшей задачей археолога является не создание истории народа, а лишь «создание информации о культуре», то понятием «культура» определяется и самый предмет археологической науки. Оказывается, археологическая культура также нематериальна, даже если она выражается в комплексе самых материальных признаков. Тэйлор, а вслед за ним Дэниел и другие утверждают, что культура представляет собой духовное явление, состоящее из содержания умов, а не из материальных предметов или наблюдаемого поведения. Культура состоит из идей, которые сами по себе не могут наблюдаться, но могут объективизироваться в виде материальных предметов (например, каменный топор) или в виде внешних действий человека (песня, танец и т. п.). Но каменный топор, песня, танец — это не элементы культуры, а о веществе элементов культуры. Элементы культуры не могут наблюдаться, а должны выводиться из их о веществе. Из этого следует, что понятие «материальная культура» ложно, культура не может быть наблюдаема, она нематериальна. Целью археолога является написание праистории. Но праистория сводится к распределению предметов производства и других культурных явлений во временной последовательности. Так как культура ненаблюдаема, то и праистория — это лишь описание материальных воплощений культуры, и в историю человеческого общества так же невозможно проникнуть, как и в историю его культуры.

Когда Тэйлор в 1948 г. выступил со своей идеалистической концепцией культуры для археологии, можно было предположить, что это, хотя и поддержанное крупнейшей научной буржуазной организацией (американским антропологическим обществом), но все же одно из многих мнений буржуазных ученых. Однако с тех пор среди буржуазных ученых не раздалось ни одного голоса протеста против этой идеалистической чепухи. Наоборот, археологи в разных странах поддержали эту теорию. Дэниел, говоря об итогах развития археологии и ссылаясь на Тэйлора, пишет: «Археологи имеют дело не с действительно реальными культурными различиями, а лишь с различными образцами, которые Тэйлор называет „материальным воплощением культуры“». Таким образом, идеалистические теории, изображающие общество как продукт развития сознания, господствующие в буржуазной науке, полностью проникли в археологию. Буржуазные археологи перестали быть эмпириками, коллекционерами фактов. Они занялись теорией. Но какая это теория! Она враждебна подлинной науке. Она жалка по сравнению со стройной системой марксистско-ленинской философии.

В работах классиков марксизма полностью разоблачена несостоятельность буржуазной науки об обществе.

Материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей. Что же касается духовной жизни общества, то она представляет собой не что иное, как отражение этой объективной реальности в сознании людей. Источник формирования духовной жизни общества нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах и т. д., а в общественном бытии.

Советские ученые рассматривают любую археологическую находку как результат трудовой деятельности человека. Изучая вещь, мы познаем историю человеческого общества. Вещь — это объективно существующая реальность, созданная трудом человека, а вовсе не метафизическое о веществе идеи, как думают буржуазные археологи. Советская археология

анализирует археологические факты с целью воссоздания материальных условий жизни общества, общей картины исторического процесса и его закономерностей. Археология есть составная часть исторической науки, изучающая прошлое человечества по вещественным историческим источникам. Для советского ученого не существует понятия праистория или доистория, так как развитие человеческого общества представляется в виде целостного процесса, происходящего по определенным научно выясняемым законам. Поэтому материальная культура в какой-то мере отражает этот процесс и дает основы для исторических реконструкций. Советские ученые не занимаются отвлеченными понятиями «культуры»; они изучают конкретные культуры и стараются связать их с определенными историческими народами. Мы рассматриваем понятие «археологическая культура» как комплекс памятников, появляющийся в результате территориального обособления племенных групп населения на определенном отрезке времени. Археологическая культура конкретна, реальна, а вовсе не является материальным воплощением культурной идеи.

Антиисторичность в подходе к общественному явлению выражается у буржуазных археологов не только в признании культуры нематериальной. Они идут дальше. Они отрицают необходимость изучения отдельных археологических культур, за которыми скрываются древние племена и общества. Этническая интерпретация археологической культуры, по мнению американских археологов, — это европейская отсталость. Англо-американская школа археологов считает культуру единой. Еще А. Гольденвейзер исходил из принципа, что «цивилизация (культура) есть сплошное..., которое должно изучаться как органическое единство». К тому же заключению приходят Круконг и Келли. В. Тэйлор считает, что данная конкретная «культура» есть «исторически развившаяся система элементов культуры, которая является более или менее отделимым сегментом от того целого, что есть культура». Итак, местные культуры — это лишь сегменты некоей искусственно конструируемой мировой культуры. Что же изучает, по их мнению, археология? Бессмысленно изучать отдельные конкретные культуры. Нужно изучать стадии развития мировой культуры и их местные воплощения. Эти стадии, в свою очередь, являются стадиями развития мирового духа, накопления общечеловеческих идей. Археологи якобы злоупотребляют понятием культура, прилагая его к местным вариациям материальных предметов. Кларк сводит все значение археологии как науки «к изучению в прошлом распределения культурных черт во времени и в пространстве и к изучению факторов, управляющих этим распределением»¹.

Таким образом протаскивается идеалистическая и космополитическая идея мировой культуры. Американский космополитизм требует от народов самоотречения во имя интересов империализма. Их лишают даже права на собственную историю. Не может быть истории отдельных народов, ее не было в прошлом, она не нужна. Не может быть культуры отдельных народов. То, что мы видим, — это лишь местные воплощения мировой культуры.

Итак, отказ от изучения местных культур — важнейшая задача археологов. Дэниел в книге «Сто лет археологии», изданной в Лондоне в 1950 г., в главе «Итоги и перспективы» (стр. 310) так и пишет: «Главная перемена, которая предстоит в будущем археологии, заключается в том, что она перейдет от изучения культур к изучению культуры»².

Советские археологи ставят перед собой задачу прямо противоположную. Мы признаем право каждого, даже самого маленького народа на свою

¹ J. G. D. Clark, *Antiquity*, 1933, стр. 232.

² Ук. ссч., стр. 318.

историю. Поэтому задачей советских археологов является изучение деятельности тех древних сообществ, которые отражают археологические культуры, включение племен и народов, которые скрываются за термином «культура», в общий исторический процесс, который протекал на обширных территориях нашей Родины.

Одним из главных реакционных направлений в археологии следует считать направление, утверждающее, что географические факторы являются основной причиной развития древних культур. Флур и Фокс в Англии, Элсворт Гантингтон и Грифитс Смит в Америке прослеживают географические факторы в распределении первобытных поселений и в передвижениях народов. Географический детерминизм воспринят и Гоксом (профессором европейской археологии Оксфордского университета) и другими ведущими буржуазными английскими археологами. На тех же позициях стоит норвежский археолог Брёггер. Эти ученые, таким образом, пытаются вынести социальные явления за пределы исторических категорий, за пределы человеческого общества и объяснять их только влиянием географической среды.

Буржуазная археология поставлена на службу империализма. Этой цели служат и идеалистические теории, и расизм, и космополитические построения. В своей практической раскопной деятельности буржуазные археологи также служат империалистическим целям своих правительств.

Так, американские археологи, наряду с раскопками в своей стране, развернули огромную раскопную деятельность за ее пределами. Только музей университета в Пенсильвании ведет археологические исследования в Ираке, Иране, Турции, на Кипре и в Британском Гондурасе. Экспедиционная работа служит удобным прикрытием для шпионажа и так называемого «культурного проникновения» в пределы исследуемой страны. Особенно ярким примером подобного использования «науки» в качестве прикрытия для шпионажа является пресловутая экспедиция Смита на гору Арарат на границе с СССР для поисков «Ноева ковчега». За своим старшим партнером тянутся и англичане. Ими открыты британские археологические институты в Анкаре, Афинах, Риме, Иерусалиме и Багдаде. Но археологические исследования требуют больших расходов, и они не под силу другим «маршаллизованным» странам. В особенности заметен упадок археологии во Франции. Обедневшая и колонизированная американцами Франция не в состоянии вести значительные археологические исследования ни внутри страны, ни тем более за ее пределами. Во Франции очень мало выходит книг по археологии. Попрежнему там большинство раскопщиков — это не ученые, а любители из людей разных профессий, как их характеризует один из руководящих деятелей французской археологии: «подобные праисторики — это коллекционеры, такие же симпатичные, как коллекционеры бабочек, почтовых марок и т. п.».

Несмотря на определенные задачи, поставленные перед буржуазной археологией ее хозяевами, бешеная подготовка к войне требует экономии денежных средств. Стремление сократить расходы сказывается на методике раскопок. Впрочем, в отсталости методики раскопок буржуазных археологов повинна не только экономия. Порочная теория исследований порождает и порочную методику. Нужно оговориться, что отсталая методика раскопок применяется главным образом в изучении первобытной археологии. Раскопки античных и древних восточных городов ведутся гораздо более современными методами и приносят интереснейшие результаты. В новейших руководствах по проведению раскопок — английском Эткинсо-

¹ Salin E. Manuel de fouilles archéologiques. I. Les fouilles de sepultures du V au VIII siècle. Paris, 1946.

на и французском Салена¹ — рекомендуются исследования поселений при помощи траншей и сбор не всего комплекса вещей из погребений, а выборочно, по усмотрению исследователя. Эткинсон¹ разработал целую систему траншей, которую он рекомендует применять. Советские ученые давно уже отказались от исследований при помощи траншей и ведут раскопки большими площадями. Траншея разрушает археологический комплекс, вырывает вещи из комплекса и препятствует историческому изучению археологических данных.

Английский археолог Вилер² летом 1950 г. выступил с речью, в которой доказывал необходимость копать на небольших площадях, так как стратиграфия — это основное в археологическом исследовании, накопление же материалов с большой площади раскопок только препятствует их изучению. Таким образом по существу он выступил за исследования при помощи шурфов. Очень примитивные и отсталые методы рекомендует руководство по раскопкам Леруа-Гурана³. Он утверждает, что большинство французских археологов ведут раскопки ненаучно: 90% раскопок плохих, 60% обнаруженных предметов утрачено, 99% данных по стратиграфии оставлены в пренебрежении. «У нас [во Франции], — пишет Леруа-Гуран, — многие копают гораздо более научным методом, чем раньше, но все же методом, давно уже употребляемым иностранцами». Теоретические основы методики раскопок с очаровательной наивностью изложены в следующем параграфе: «Наиболее опасным является момент действительно крупного открытия; возбуждение может привести к тому, что археолог забудет половину правил, издаст восторженный крик и слишком поздно спохватится, что документация у него неполная; будет действительно хорошо, если у вас хватит мужества сесть и закурить папиросу, чтобы обдумать» (стр. 7).

Не лучше, чем с методикой раскопок, обстоит дело с методикой музейной экспозиции. Археологические музеи часто являются либо музеями истории искусств, либо собраниями редкостей. В краеведческих музеях нет стремления показать на местном материале историю человека. Музеи не являются центрами научной пропаганды. Они больше рассчитаны на показ своей экспозиции иностранным туристам. На последнее обстоятельство в особенности жалуются французы. Они с горечью восклицают: когда, наконец, французские провинциальные музеи будут рассчитаны на просвещение нашего населения, а не на развлечение иностранных туристов.

Делаются еще попытки международного общения археологов. Так, в августе 1950 г. в Цюрихе состоялся международный конгресс пра- и протисториков (как его назвали организаторы конгресса)⁴. Конгресс этот охватил лишь незначительную часть археологов, так как в нем не участвовали советские археологи и археологи стран народной демократии. Программа работ конгресса заключалась в мелких, второстепенных вопросах, а дискуссии шли лишь по вопросам датировок и хронологии отдельных археологических культур.

Когда мы касаемся практической деятельности буржуазных археологов, мы видим, как теоретический тупик мешает успешному завершению больших работ. Когда же мы касаемся их попыток разрабатывать теоретические вопросы, мы особенно ясно видим, что буржуазная археология переживает острый кризис. Теоретический тупик, в котором находится буржуазная археология, в значительной мере общий для всех социальных

¹ R. J. C. Atkinson. Field archaeology. London, 1946.

² R. E. M. Wheeler. What matters in archaeology? Antiquity, N 95, september 1950.

³ A. Leroi-Gourhan. Les fouilles préhistoriques (Technique et méthodes). Paris, 1950.

⁴ Jahrbuch Schweizerischen Gesellschaft für Urgeschichte, vol. XI, 1949—1950.

наук в капиталистическом мире. Но мы не можем согласиться с характеристикой, данной археологам Гутеном, который утверждал, что археологи — это дряхлые шуты науки, которые копаются в мусорных ящиках античности и не обращают никакого внимания на то, нужно ли это для современности. Это не так. Современные буржуазные археологи служат политическим целям своих правительств. В особенности это видно на примере американской археологии. В связи с той новой активной ролью, которую взяла на себя американская буржуазия в качестве вождя мирового империализма, она требует активности и от своих ученых. Они повернулись к современности. Ведь в основе построений американских и английских археологов лежит философия одной из наиболее реакционных философских школ — прагматизм, «инструментализм» Дьюи. Они утверждают, что объективной истины, так же как и объективного исторического факта, нет. Истинна та теория или гипотеза, которая практически полезна. Поэтому задача науки состоит не в отыскании объективной истины, а в создании идей, которые могли бы быть сегодня полезны. Английские археологи, обращаясь к студентам, говорят: «Побольше воображения! Для исторической интерпретации археологических находок главное — ясное сознание цели и воображение. Для исторического понимания ученый должен быть и поэтом и артистом. Отбросьте научные обоснования. Объективной истины не существует; истинно то, что полезно для сегодняшнего дня!» Таким образом археологи присоединяются к общим установкам буржуазной историографии. Их четко сформулировал президент Американской исторической ассоциации Коньерс Рид, определивший историческую науку как простое перенесение современных политических идей в области прошлого. Буржуазный археолог, как и историк, находит в прошлом то, что он ищет, т. е. то, что является желательным для его политических хозяев. Чет, современные буржуазные археологи — это уже не дряхлые шуты науки, это передовой отряд реакции, с которым мы ведем и будем вести ожесточенную борьбу.

Огромны успехи советской археологии.

Партия и правительство проявляют исключительную заботу об археологических исследованиях. Благодаря этому только за последние годы были организованы сотни археологических экспедиций, охвативших весь Советский Союз, проникших в самые труднодоступные его части — на Памир, на северо-восток Азии, в пустыни Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Этими экспедициями осуществлены раскопки важнейших памятников прошлого — стоянок древних охотников на мамонта, охотников и рыболовов неолитической эпохи, поселков первых земледельцев и скотоводов, развалин античных и средневековых городов Крыма, Кавказа и Средней Азии, древнерусских городов и среди них таких, как Киев, Новгород, Псков, Владимир и древняя Москва. На основании Сталинского закона об охране памятников культуры разворачиваются археологические исследования на Великих стройках коммунизма, открываются сотни важнейших памятников прошлого.

Результаты этих работ отражены во множестве археологических изданий — сборников, монографий и экспедиционных материалов, выпускаемых Академией Наук СССР, союзными академиями и рядом музеев и местных исследовательских институтов.

Эта археологическая литература, лучшие образцы которой удостоены Сталинских премий, ясно показывает, что советская археологическая наука на протяжении всего своего пути развивалась как наука историческая, ставящая перед собою задачи исторического исследования археологических материалов с целью создания древнейшей истории народов нашей Родины.

Из вспомогательной исторической дисциплины археология превратилась в науку, способную решать отдельные исторические проблемы. Работы советских археологов на целые тысячелетия углубили историю нашей Родины. В особенности большое значение эти работы имели для создания истории народов, у которых не было своей письменности и вследствие этого не было письменной истории (например, у народов советского Севера). Советская археологическая наука внесла свой вклад в общее дело борьбы прогрессивных ученых против буржуазной науки, в частности против отвратительного порождения капитализма — расистской «теории» буржуазных идеологов. Этих бесспорных успехов советская археология смогла добиться лишь благодаря глубокой принципиальности нашей науки, благодаря тому, что для советских ученых руководящей является величественная и стройная система марксистско-ленинской философии.

Ученые стран народной демократии много сделали, чтобы идейно вооружиться, чтобы ведущиеся ими исследования основывались на марксистско-ленинской теории. Они учатся у советских ученых и успешно учатся. В Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии и даже в маленькой Албании раскопки и издаваемая литература по археологии растут с каждым днем. Особенно радостны и значительны достижения в области археологии демократического Китая.

Успехи советской археологии заставляют буржуазных ученых внимательно прислушиваться и присматриваться к тому, что происходит у нас. Уже невозможно игнорировать советскую науку. И хотя пытаются писать историю европейской археологии, стараясь забыть о том, что граница Европы и Азии проходит на Урале, а не на Рейне или Шпрее, но все чаще даже враждебные нам ученые вынуждены обращаться к достижениям советской науки. Так, например, в «Antiquity» была напечатана статья о палеолитических жилищах, открытых Ефименко и Замятниным. Издатель журнала снабдил статью злобным выпадам против советских ученых и добавил: «но мы вынуждены напечатать эту статью, так как здесь речь идет об единственных пока открытых палеолитических жилищах». Об единственных, так как только советская методика раскопок обеспечивает возможность подобных открытий.

Но среди буржуазных ученых не только наши идейные противники. Есть прогрессивные ученые, друзья нашей страны, великолепно понимающие всемирное значение советской науки. Таков, например, среди английских археологов Гордон Чайлд. Чайлду еще не удалось преодолеть многие заблуждения буржуазной науки. Но он искренне стремится рассматривать все проблемы с позиций материализма. Он понимает, что научная правда — в лагере социализма, и не стыдится называть себя учеником советских археологов. И враги наши и друзья ясно представляют себе всемирное значение советской науки. Каждый наш успех — это удар по лагерю буржуазной реакции. Советские ученые осознают ту высокую ответственность, которую налагает на них участие в сражении на передовом участке идеологического фронта. Мы должны активно бороться против буржуазной науки; это будет ценным вкладом советских археологов в дело борьбы за мир.

А. П. СМ И Р Н О В

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СЛОЖЕНИИ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР

Вопрос происхождения волжских болгар теснейшим образом связан с проблемой происхождения народов Поволжья и в первую очередь казанских татар и чувашей.

За последние годы в трудах некоторых историков наблюдается тенденция не связывать волжских болгар с приазовскими и отрицать факт прихода болгар в Среднее Поволжье в VI—VII вв.

Эта точка зрения наметилась в 1946 г. на сессии Отделения истории и философии, посвященной происхождению казанских татар. Уже тогда Н. Ф. Калинин отметил, что «приход болгарских племен с Юга, можно думать, происходил путем постепенного просачивания в течение многих веков. Прямых указаний на переселение болгар в наш край в VI—VII вв. мы не имеем. Этот длительный процесс ассимиляции болгар с аборигенами края вылился в форму сложения исторически известных болгарских племен Волго-Камья, явившихся главными компонентами татарской народности».

Менее четкую позицию заняли авторы «Истории Татарской АССР». В этом исследовании единовременный приход болгар в VII в. сначала признается, а в последующем изложении отрицается. «Таким образом, на основе аборигенного населения, к составу которого постепенно примешивались пришельцы из других областей, на территории края к началу I тысячелетия нашей эры начали складываться отдельные союзы племен, которые к концу тысячелетия приобрели большую устойчивость. В Западном Закамье и южной части Предволжья, на основе местных оседлых племен с сильным влиянием степного населения постепенно сложились волжско-камские болгарские племена, которые впоследствии явились основой при формировании народности казанских татар...»¹ «...Среди пришельцев с юга обращают на себя внимание племена, получившие наименование болгарских. О каком-либо единовременном, организованном переселении, о крупных военных событиях, сопровождавших проникновение болгар на Среднюю Волгу, нет никаких исторических известий. Булгары просачивались в край постепенно в течение ряда столетий и сливались здесь с аборигенным населением, внося в язык и культуру его весьма значительные изменения. Об этом говорит большое число селищ и городищ, находящихся в Куйбышевском, Кузнецкиинском, Алексеевском и Алькеевском районах Закамья ТАССР, в культурных слоях которых сохранились ясные при-

¹ История Татарской АССР. Казань, 1950, стр. 79.

знаки многовекового (от VI до X столетия) процесса слияния аборигенного населения с пришельцами. В нижних слоях здесь господствует культура аборигенов, в средних и верхних к ней присоединяются элементы болгарские, количество которых постепенно становится все большим и большим. Резкой границы между добулгарскими и болгарскими слоями нигде не замечается»¹.

Здесь нельзя не отметить, что отсутствие резкой разницы между добулгарскими и болгарскими слоями на селищах и городищах не является свидетельством постепенного просачивания болгар. Этот факт свидетельствует о том, что в крае не произошло смены населения, что исконные жители края продолжали жить в этих же местах вместе с пришлыми болгарскими. Увеличение болгарских элементов в более поздних слоях вполне закономерно в связи с развитием городской жизни и распространением ремесленной продукции среди сельского населения. Все большее распространение ремесленных изделий среди сельского населения отнюдь не свидетельствует об увеличении числа пришлых болгар.

Систематические исследования городища Великие Болгары и другого крупного города Болгарского царства — Суvara дали огромный вещевой материал, позволивший уточнить вопросы происхождения болгар.

Особенно значительные данные получены раскопками последних лет. Эти исследования коснулись многих районов городища Великие Болгары, позволили наметить этапы роста города и выявили его стратиграфию. Можно считать установленным, что культурный слой городища состоит из напластований, хорошо различающихся по цвету, составу и структуре. Первый слой — слой современной деревни, дал смешанный комплекс находок как нашего, так и более раннего времени; второй слой принадлежит русской деревне конца XVI—XIX вв., третий — эпохе Казанского ханства; четвертый — золотоордынскому времени; пятый слой хорошо датируется русскими вещами XII в.; шестой слой — XI—X вв. — прослежен на отдельных участках городища, а седьмой — середины I тысячелетия — выделен пока только на Бабьем Бугре. Этот слой особенно интересен тем, что соответствует догородскому времени и характеризует небольшое поселение, каких было, повидимому, немало на территории, вошедшей позднее в состав города Болгара. Этот поселок исследован отрядом Объединенной болгарской экспедиции в 1948 г. и дал находки, позволяющие сопоставить его с поздней стадией городищной культуры. Слой характеризуется находками грубой толстостенной посуды серо-желтого цвета с шероховатыми стенками, лепленной из плохо промешанной глины с примесью дресвы и крупнозернистого песка (рис. 1). Днища сосудов плоские, несколько выступающие за линию стенок, стенки слабовыпуклые или почти прямые; край сосуда слегка отогнут и в нескольких случаях орнаментирован косыми насечками. Этот же слой содержал и другую, крайне незначительную группу керамики — тонкостенную, из хорошо отмученной глины с пористыми стенками, с орнаментом в виде полосы косых вдавлений. Эта керамика, аналогичная пьяноборской, встречена в виде небольших фрагментов, не позволяющих судить о форме сосудов².

В том же слое был открыт каменный жертвенник, покрытый пеплом. Его значительные размеры (свыше 5 м в диаметре), сильная прокаленность, солидная каменная кладка заставляют видеть в нем жертвенный очаг³. Аналогичный жертвенник известен на Алексеевском городище, близ Саратова.

¹ Там же, стр. 82.

² З. А. Акчуряна, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Раскопки Великих Болгар. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 75.

³ Там же.

Следует отметить, что керамика городецкого типа очень близка керамике Армиевского селища и могильника и верхних слоев рязанских городищ, в частности Троице-Пеленицкого, где эта группа керамики тесно связана с предшествующей гладкой, сопровождаемой посудой с рогожной орнаментацией. Если признать верной датировку городищ городецкой культуры IV—V вв., то посуду, найденную в VII слое болгарского городища, можно считать принадлежащей тем же городецким племенам на следующей стадии развития.

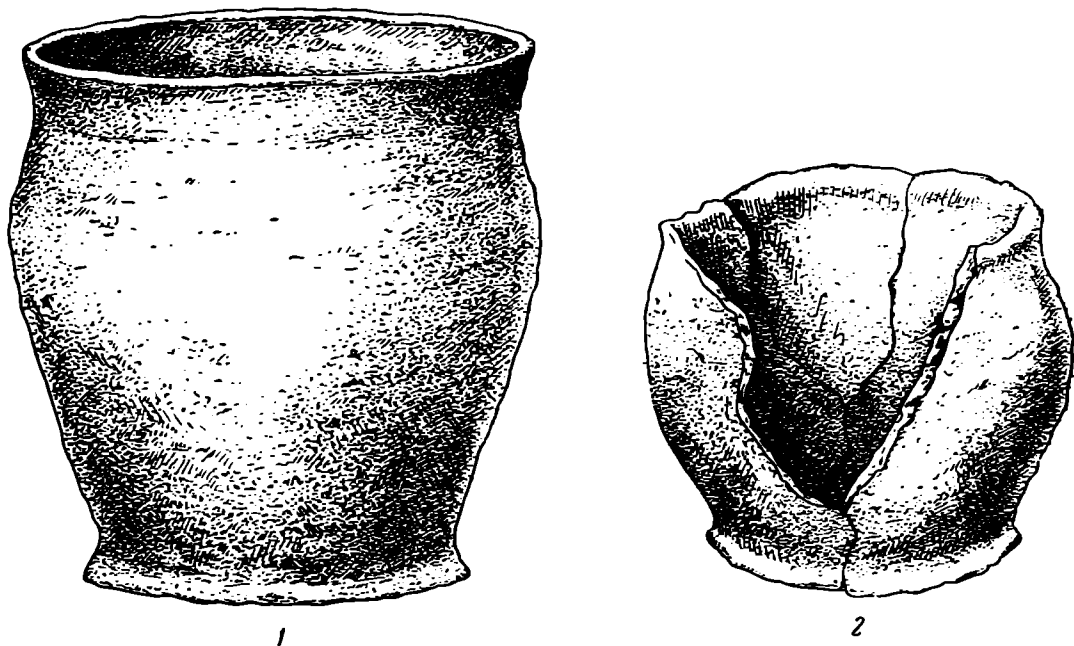

Рис. 1. Сосуды из VII слоя селища Бабий Бугор (Болгары).

В V—VI вв. н. э. поселки городецкой культуры широко распространяются по левому берегу Волги, примером чего может служить поселок на Бабьем Бугре, а также многие городища и селища на пространстве от Майны до Ульяновска, где они зарегистрированы Куйбышевской экспедицией Академии Наук СССР близ села Батьмы, Малое Палицыно, Березовский починок, Нижняя Урень¹. Такие же памятники раскопками Н. Ф. Калинина открыты в районе рек Ахтая и Бездны. На левобережье Волги рассмотренные памятники не связаны с предшествующими культурами и являются здесь чуждыми. На левобережье в эпоху раннего железа — в ананьинскую эпоху — проходила слабо заселенная пограничная зона между ананьинской и савроматской культурой, занявшей территорию срубно-хвалынской. Отдельные памятники ананьинской культуры заходят и в эти районы. В 1950 г. А. В. Збруева в низовьях р. Утки открыла Гулькинский могильник, давший ряд погребений VII—VI вв. до н. э. Позднее здесь получила распространение пьяноборская культура, характеризующая следующий этап развития ананьинских племен.

Появление на левом берегу городецких племен стоит в связи с дальнейшим развитием земледелия, повидимому с переходом к плужному земледелию.

Напомню, что сошники тяжелого типа с резаками известны в культуре полей погребения (Шмырево) и в правобережном Цимлянском городище.

¹ А. П. Смирнов, В. А. Тихомирова. Археологические памятники левобережья Волги. Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 188.

относящемся к салтово-маяцкой культуре¹. Несколько иного типа сошники были найдены П. Д. Степановым на городище Ош-панда², относящемся приблизительно ко второй половине I тысячелетия н. э.

Весь этот материал дает основание говорить о значительных сдвигах в земледелии и связать расселение племен городецкой культуры в черноземной полосе Заволжья с развитием плужного земледелия. Были и благоприятные условия для такого расселения. К началу нашей эры отношения между племенами лесной и лесостепной полосы настолько обострились, что послужили причиной сложения союза племен, охватившего как племена Прикамья, так и правобережного Поволжья. Под защитой этого племенного союза началось расселение, стали возникать поселки на открытых местах — сложились условия для дальнейшего развития хозяйства. Не следует забывать и о существовании предпосылок к объединению племен. Можно констатировать, что уже к первым векам нашей эры взаимопроникновение племен правобережья и левобережья Средней Волги содействовало установлению близких отношений. О наличии союза племен можно судить по некоторым косвенным данным. На значительной площади западного Поволжья и Прикамья в погребениях встречаются вещи одних и тех же типов. На это обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание. П. П. Ефименко отметил в Кошибеевском могильнике сочетание вещей, свойственных рязанским могильникам, с восточными камского типа. К этой последней группе относятся гривны, проволочные, гладкие; головной убор, включающий трубочки, кольчужки и плоские бляшки, а также наконечники пьяноборского типа. Общими являются и крупные бляхи-застежки³.

Сходство пьяноборских могильников с группой кошибеевского типа так велико, что в литературе утвердился взгляд, относящий все эти могильники к одной пьяноборской культуре⁴. Это неверное положение основано на сходстве только некоторых категорий вещей, но не всего комплекса. Пьяноборские и кошибеевского типа могильники резко отличаются прежде всего по керамике и по ряду украшений. Вместе с тем устойчивость сходства некоторых украшений не оставляет сомнений в какой-то общности в области общественных отношений. Здесь можно предполагать наличие союза племен, организация которого была вызвана враждебными отношениями со степняками. Принадлежность к одному союзу племен позволила отдельным патриархальным семьям свободно расселяться по своей территории, осваивая богатые черноземные почвы. Во второй половине I тысячелетия племена городецкой культуры широко распространились по этим землям. Поэтому позднегородецкие культурные напластования непосредственно предшествуют болгарским или составляют их нижние горизонты⁵. Так, на Бабьем бугре, на позднегородском слое прослежен домонгольский слой. На «Коптеловом бугре», как называется выступающий мыс болгарского городища, где первоначально возникло укрепление, нижний горизонт относится к той же культуре.

Заслуживает внимания тот факт, что на некоторых селищах доболгарского времени наряду с грубой керамикой встречается посуда, восходящая к керамике ананьинско-пьяноборского типа. Это тонкостенная пористая посуда, часто с примесью толченой раковины, почти всегда гладкая, без орнамента. Эта последняя группа доживает до очень позднего времени и

¹ КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 33, рис. 20.

² СЭ, III, М., 1950.

³ Материалы по этнографии, т. III, в. 1. Л., 1926, стр. 83.

⁴ Древности Камы по раскопкам А. А. Сплицына в 1898 г. Л., 1933, стр. 16; П. А. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 53.

⁵ КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 76.

встречается в виде отдельных экземпляров даже на болгарских городищах до XIV в., сосуществуя вместе с гончарной высококачественной посудой. Так, на Суварском городище, исследованном экспедицией ГИМ и ИИМК, в 1933—1937 гг. было найдено около 70 обломков такой посуды черного цвета, лепленной без гончарного круга из глины с примесью раковины, украшенной обычным для этого рода керамики зубчатым и веревочным орнаментом. Узор обычно располагался в верхней части сосуда в виде нескольких рядов веревочки или зонами из парных линий и наносился или простой, или перевитой веревочкой, образуя узор, напоминающий елочку. Нередки узоры зигзага или ромба¹. На Болгарском городище, помимо отдельных обломков посуды этого типа, была найдена невысокая миска с широким горлом, со слегка закругленным дном, напоминающая по форме древнюю посуду ананьинско-пьяноборского времени². Эта чаша украшена по краю зигзаговой линией зубчатого орнамента (рис. 2—1). Напоминая по форме, орнаменту, составу теста древнюю местную посуду, она тем не менее не может быть датирована ананьинской или пьяноборской эпохой. Ее грубость, несколько иные пропорции выдают ее позднее происхождение. Вместе с тем она отличается в деталях и от керамики Камско-Вятско-Чепецкого края, где древние формы посуды прекрасно сохранились до позднего времени.

Разобранная группа керамики неопровержимо доказывает участие местного населения, потомков пьяноборцев, в сложении болгарского государства и его культуры. Эту посуду нельзя смешивать с городецкой, ни ранней, ни поздней. Как известно, на городищах дьякова типа и городецкой культуры с самого раннего времени сосуществуют две группы керамики — первая, украшенная сеткой или рогожкой, и вторая — гладкая, встречающаяся сначала в единичных экземплярах, к концу эпохи вытесняет керамику с сеткой или рогожкой. Эта гладкая посуда продолжает существовать в предболгарский и позднеболгарский периоды.

Н. Ф. Калинин в своем интересном исследовании по истории первобытного общества Татарии спутал эту посуду с позднепьяноборской, считая, что тонкостенная керамика, имеющая глину с примесью толченой раковины, в более позднее время вытесняет посуду, покрытую отпечатками рогожки³.

Пьяноборская посуда сосуществует с позднерогожной. Такая посуда найдена, как указано выше, на Бабьем Бутре и в других местах Болгарского городища в слоях X—XIV вв. Интересен сосуд баночной формы с широким горлом, плоским отогнутым венчиком, найденный при раскопках Суварского городища, близко напоминающий керамику грунтовых могильников кошибеевского типа позднегородецких городищ⁴.

Рассмотренные две группы керамики, представленные значительным числом находок в болгарских слоях, наряду с гончарной ремесленной керамикой, доказывают существование в культуре городского населения старых традиций, восходящих к I тысячелетию до н. э. Эти материалы показывают участие местного населения, потомков ананьинско-пьяноборской и городецкой культур, в формировании волжских болгар.

Интересны и показательны в этом отношении и памятники прикладного искусства (рис. 3). В 1949 г. при раскопках на верхней площадке городища Великие Болгары была найдена небольшая костяная пластинка с вырезанной головой северного оленя. Пластинка небольшая, 2 × 2,5 см, разломана на две части (рис. 3—1). По стратиграфическим данным она

¹ А. П. Смирнов. Сувар. Труды ГИМ, вып. XVI, М., 1941, стр. 162.

² Собрание ГИМ, фототека № 52432.

³ Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948, стр. 88.

⁴ А. П. Смирнов. Сувар. Труды ГИМ, вып. XVI, 1941, стр. 162, табл. 1, рис. 15.

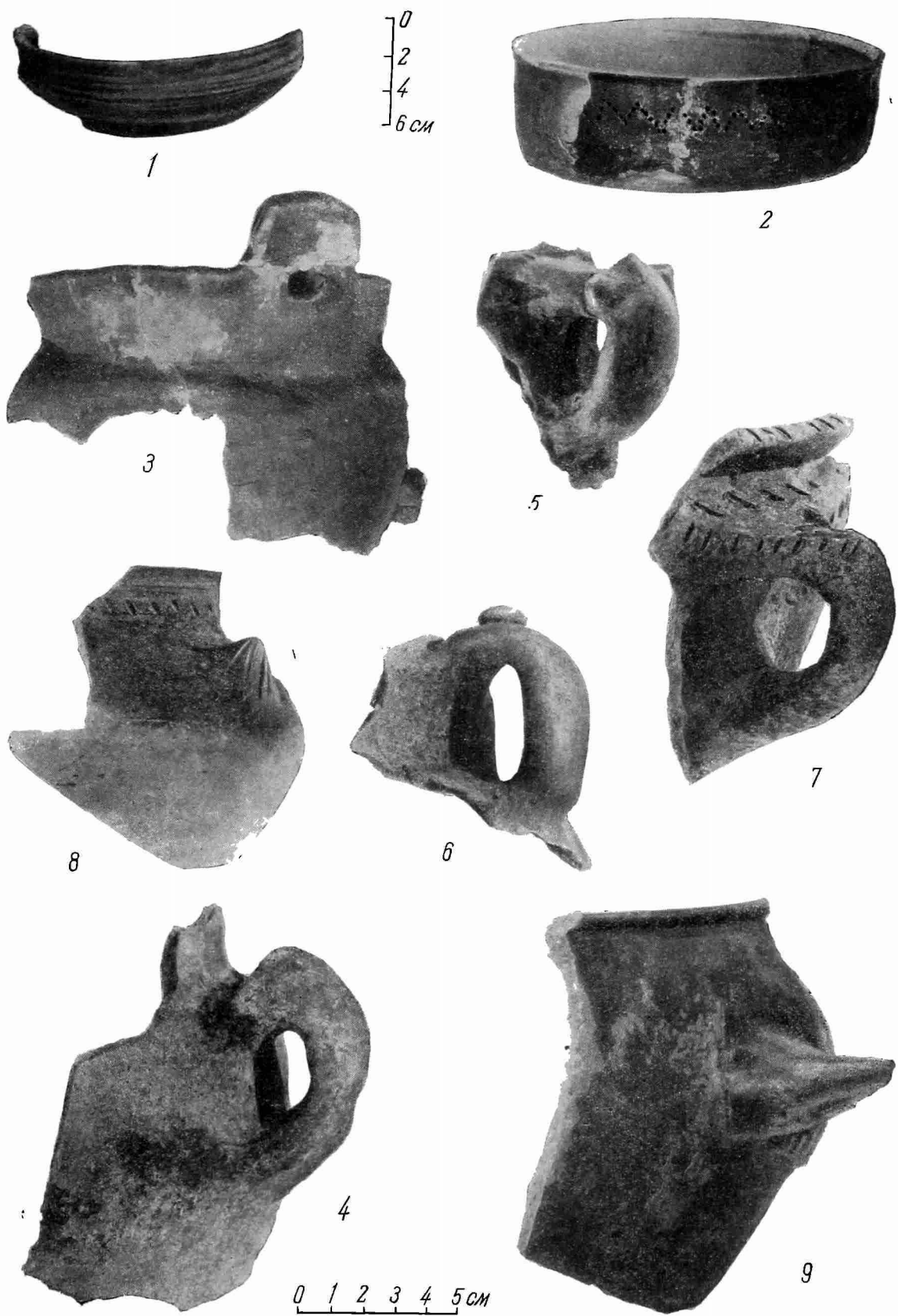

Рис. 2. Керамика Болгарского городища.

1 — миска; 2 — миска сарматской формы; 3 — обломок сосуда из Чкаловской обл. (раскопки Б. Н. Гракова 1926 г.); 4 — обломок сосуда с ручкой; 5, 6 — ручки сосудов; 7 — обломок сосуда с ручкой; 8 — обломок лепного сосуда; 9 — обломок сосуда.

относится к поздней стадии золотоордынского времени. Изображение головы оленя, несомненно, является продуктом развития местного реалистического искусства, к ранним стадиям которого принадлежат головка лося из Шигирского торфяника¹, голова лося с Анина острова², рог лося из Горбуновского торфяника³ и др. К более поздним произведениям того же

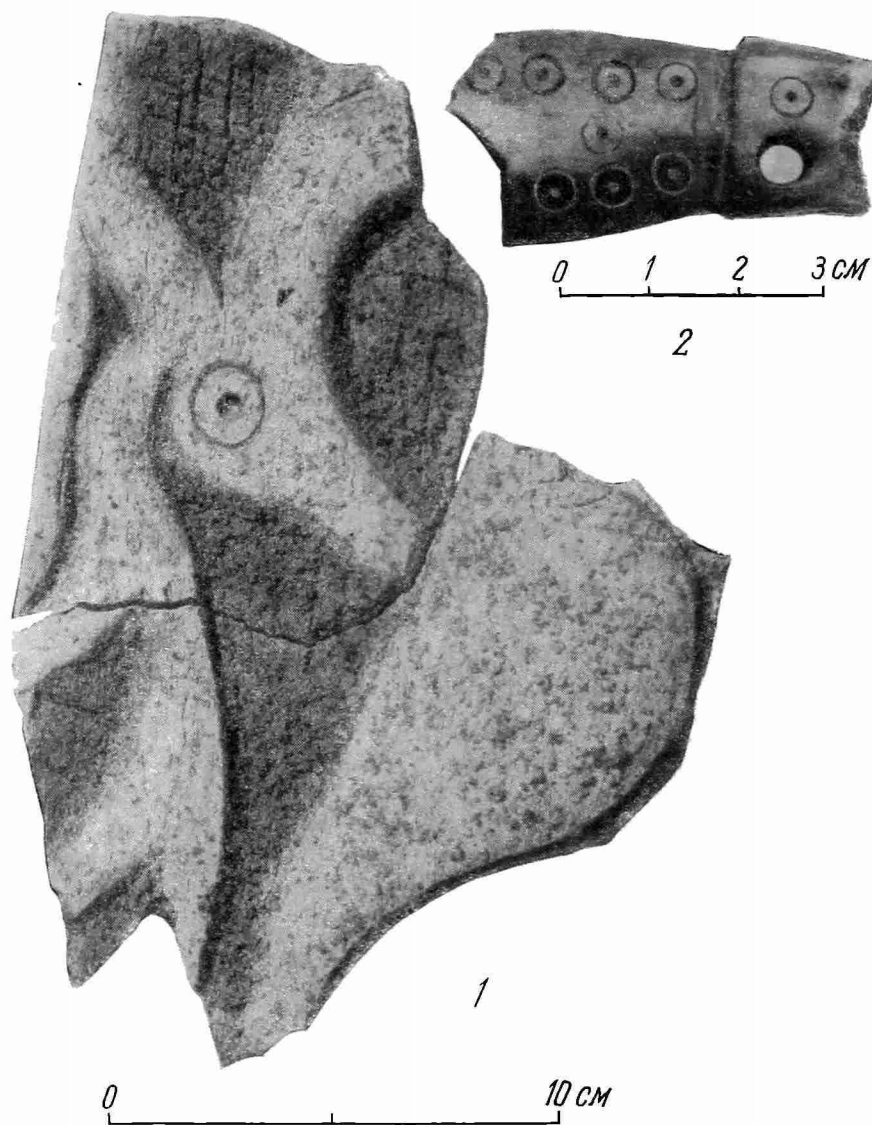

Рис. 3. Костяные изделия.

1 — пластинка с изображением оленя, 2 — обломок рукоятки.

направления относится головка лося из Пижемского городища, датируемая ранней пьяноборской эпохой⁴. Все изображения характеризуются весьма совершенной передачей формы животных. Найденная в Болгарах пластинка относится к числу рядовых, не художественных поделок. Самый контур головы вырезан ножом. Ненужные участки поверхности кости вырезались небольшими участками и удалялись кусочками. Следы подобной операции сохранились в виде прямых насечек на фоновой части пластинки. Глаз

¹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, 1940, стр. 52, 53.

² Там же, стр. 56.

³ Там же, стр. 59.

⁴ А. В. Збруева. Пижемское городище. Изв. ГАИМК, 106. 1935, стр. 287.

олени нанесен в виде циркульного орнамента. Техника изготовления, трактовка глаза не оставляют сомнения в позднем характере пластинки, генетически восходящей к скульптуре шигирской культуры и знаменующей закат этого искусства. Мусульманство неохотно допускало изображения животных, и хотя подобные сюжеты никогда не прекращали своего существования, все же большого развития подобный вид искусства у болгар не получил. Рассмотренная пластинка показывает глубину его местных корней.

Несмотря на схематизм и упрощенность в трактовке оленя, все же можно говорить о реализме этого направления, связанного со всей предшествующей историей местного населения.

Другого характера пластинка, найденная в 1948 г., представляющая обломок рукоятки ножа. Будучи заполирована, она с одной стороны покрыта двумя рядами циркульного орнамента. Вместо последнего кружка в нижнем ряду сделано круглое отверстие. Эта пластинка приобретает особый интерес при сравнении с ранними памятниками скифского искусства, где в плоской и круглой скульптуре передается изображение оскаленной звериной морды¹, нередко с вывернутыми губами.

Болгарская пластинка представляет крайнюю стилизацию и вырождение скифской трактовки оскаленной звериной морды. Скифское искусство оказало огромное влияние на сложение искусства племен Прикамья и создало у них условное направление с элементами стилизации, существовавшее в продолжение длительного времени наряду с реалистическим. Примером таких скифских традиций является кресало с изображением фигуры козла с повернутой назад головой, хорошо датированное X в. В болгарской пластинке только выемка в передней части заставляет вспомнить оскал пасти хищника; точно так же оскал пасти подчеркивает и круглое отверстие.

Время после XI в. в Среднем и Нижнем Прикамье характеризуется усилением элементов стилизации, чему в Болгарии содействовало мусульманское вероучение, стремившееся изгнать из искусства изображение человека и животных.

Этот скифский элемент в его савроматском варианте хорошо прослеживается и в других памятниках болгарской культуры, воспринявшей его по наследству от ананьинской и пьяноборской культур.

В керамическом материале городища Великие Болгары нередко можно встретить горшкообразные сосуды с прямым краем, заканчивающимся двумя вертикальными выступами с отверстиями. Эти сосуды, с одной стороны, напоминают скифские котлы, а с другой, повторяют форму глиняных сосудов курганов скифского времени Чкаловской области из раскопок Б. Н. Гракова в 1926 г. (рис. 2—3)². Нельзя также не вспомнить небольшие миски, напоминающие сарматские (рис. 2—2). Несомненно, что существовали традиции скифской и сарматской культуры. Первые, как отмечено выше, перешли от ананьинцев. Связь со вторыми была более тесной и не ограничивалась одними культурными связями. Сарматы в своих кочевьях заходили далеко на север: известен сарматский могильник у Кшишки на Белой, исследованный П. А. Дмитриевым³. В 1949 г. А. В. Эбруева зарегистрировала близ Елабуги курган, в котором была найдена пластинка III—IV вв. н. э., а также деформированный череп. Нельзя не отметить наличия на Средней Каме необычных для тех мест курганов, с вещами сарматского облика III—IV вв. н. э., к числу которых

¹ Богровка. Scythian art. 31 В.

² Фототека ГИМ, № 33072.

³ Архивные исследования в РСФСР 1934—1936. М., 1941, стр. 140—141.

надо отнести и некоторые вещи из погребений Харинских курганов и у селения Качка.

Особый интерес представляет группа лепной керамики, имеющей аналогии в керамике Северного Кавказа и Приазовья. Последняя область, по сведениям византийских писателей, была заселена болгарами, здесь находилась «Великая Болгария» и жили соплеменные болгарам котраги. Как видно из текста сообщений Никифора Грегора¹ и Феофана², болгары искони заселяли эти области и входили в число скифских или, вернее всего, меотских племен.

В группу лепной керамики входят крьинкообразные сосуды, широко распространенные в домонгольской Болгарии и восходящие по форме, фактуре и типу к сосудам салтовского типа и могильников Северного Кавказа, и горшки с округлым туловом. Особенно интересны сосуды с ручками, имитирующими форму животных. Эта манера была широко распространена у сарматских племен, населявших районы Прикубанья и Придонья. Кувшины таких форм встречаются и в грунтовых могильниках, принадлежащих синдо-меотским племенам Приазовья. В волжской Болгарии сосуды с подобными ручками изготовлялись и вручную, и на гончарном круге.

Трудно определить род животных на ручках болгарской керамики. В Приазовье встречаются фигуры баранов, кабанов и птиц, а также весьма схематично переданные фигуры, в которых можно разобрать только отдельные элементы животных³. Подобная манера украшать сосуды известна в единичных случаях и в других районах. Можно указать аналогичную находку в одном из курганов близ Саратова, в кургане № 24 близ г. Степного Астраханской области. Сосуды с ручками в виде животных известны и в Средней Азии⁴. К. М. Скалон в своем исследовании, посвященном изображениям животных на керамике, отметила, что наиболее ярко эти образы выступают в пределах Подонья, Северного Кавказа, Керченского полуострова и Нижнего Поволжья, где устанавливается известное этническое единство племен, обитавших в сарматское время. В более восточных и западных областях в художественном творчестве встречаются иные образы и иная трактовка⁵.

Все сосуды с изображениями животных, переданными в наиболее реалистической трактовке, относятся к раннему времени, а в схематической передаче — к более позднему. Интересно, что салтовская керамика почти не имеет ручек в форме животных. Поэтому естественно, что и в болгарском материале нет ручек в форме животных в реалистической трактовке, а встречаются только экземпляры, передающие общий контур животного и отдельные детали в крайне упрощенном схематическом виде. Такова часть стенки сосуда с ручкой, в сечении треугольной с едва заметным выступом в передней части, напоминающим голову животного. Общие контуры ручки позволяют предполагать в ней фигурку кабана (рис. 2—4). Другая ручка сохранила в передней части три выступа. Ее постановка отдаленно напоминает фигуру животного (рис. 2—5). И, наконец, значительную и наиболее позднюю категорию составляют ручки, принадлежащие почти исключительно гончарной посуде, украшенные сверху небольшими шишечками

¹ Nicephora Gregorae Byzantina historia cura Ludovici Schponi Bonnae 1829, стр. 26—27.

² Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1890.

³ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Труды Отдела истории первобытной культуры, вып. 1. Л., 1941, стр. 174.

⁴ Там же, стр. 210.

⁵ Там же, стр. 216.

(рис. 2—6). Для болгарской керамики крайне характерно украшение таких рукояток орнаментом. Довольно часто рукоятки в сечении в виде треугольника, повидимому передающие фигуру кабана, бывают покрыты насечками.

В верхней части ручка расширяется, — повидимому, это пережиток изображения широко расставленных передних лап животного (рис. 2—7). Большинство рукояток в форме животного относится к домонгольскому слою, но они продолжают существовать и позднее, повидимому до XV в.

Кроме фигурных рукояток болгарская культура хорошо связывается с Приазовьем другой значительной категорией керамических находок.

За последние годы в раскопках Фанагорийского городища неоднократно встречались обломки посуды, покрытые заштрихованными площадками, расположенными в шахматном порядке. По определению руководителя Фанагорийской экспедиции М. М. Кобылиной, эта керамика была найдена в слоях первых веков н. э. Такой орнамент в болгарской керамике получил весьма широкое распространение.

При раскопках 1950 г. в Болгарах был найден небольшой сосуд, сплошь покрытый такого рода орнаментом. В Суваре была найдена глиняная булава, орнаментированная точно так же. Значительное количество керамики этого типа, резко выделяющейся из местной керамики, позволяет говорить о связях с Приазовьем.

Нельзя не отметить и небольшие сосуды, украшенные по плечикам четырьмя коническими выступами с продольными насечками (рис. 2—8). Подобные выступы часто встречаются в скифской керамике. Однако такая деталь, как продольные насечки, позволяет говорить о связях с Северным Кавказом. Сосуд, близкий по форме, можно указать из кургана у ст. Марьинской¹. На Северном Кавказе такого рода орнамент встречается и в бронзовую эпоху, однако тогда по плечикам сосудов он расположен значительно чаще, чем в скифскую эпоху, когда число выступов сокращается до четырех.

К группе керамических находок, имеющих аналогии в материале Северного Кавказа, следует отнести и фрагменты сосудов с ручками в виде небольших горизонтальных плоских выступов (рис. 2—9). Такие сосуды встречаются довольно часто в памятниках скифской культуры, примером чего можно привести деревянный сосуд из Мордвиновского кургана². Однако чаще его можно видеть в памятниках Северного Кавказа, где такие сосуды известны, например, среди керамических находок Пашковского могильника³.

Наконец, не следует забывать, что гончарная красная керамика с линейным зональным орнаментом была широко распространена в гончарном ремесле болгар. Следует отметить, что в местном материале Прикамья эта керамика не имеет корней, но предшествующие ей типы можно указать в городской керамике средневековых городищ нашего юга. Таким образом, в материале волжских болгар можно выделить значительную группу керамики, не имеющую местной основы, но хорошо связываемую с материалом Северного Кавказа и Приазовья, где она своими корнями уходит в предшествующие эпохи.

Длительная устойчивость отмеченных элементов культуры не может быть объяснена торговыми связями — этот факт свидетельствует о единовременном приходе из Приазовья значительной племенной группы болгар, которая в новой обстановке в течение долгого времени не только

¹ ВДИ, № 2, 1949, стр. 216, рис. 33.

² Там же, рис. 32.

³ Собрание ГИМ — раскопки К. Ф. Смирнова.

удержала свои этнографические черты, но и оказала огромное влияние на культуру племен Прикамья. Помимо археологического материала, о приходе болгар с Северного Кавказа свидетельствует и лингвистический материал. В чувашском языке сохранились слова, общие с древнеармянскими, древнегрузинскими и осетинскими. В. Г. Егоров отмечает, что эти слова могли появиться только на Кавказе в аланской, армянской и грузинской среде. Наличие этих слов в чувашском языке свидетельствует о северокавказском компоненте в составе чувашей¹.

Чем можно объяснить приход болгар на Среднюю Волгу? Прежде всего следует отметить древние связи Прикамья с Северным Кавказом еще в раннюю железную эпоху. Это обстоятельство отмечал Тальгрэн, видевший в ананьинской культуре элементы культуры Северного Кавказа². В настоящее время значительный материал собрала А. В. Збруева, доказавшая тесные связи племен Прикамья с Северным Кавказом. В первые века нашей эры, как выше отмечено, сарматские племена появились в Прикамье. Таким образом, пути наметились давно, и Среднее Поволжье было хорошо известно племенам Приазовья. Кроме того, Среднее Поволжье — область лесостепи — представляло места, довольно близкие по почвенным данным Приазовью. Вынужденная силою политической обстановки покинуть свои места, часть болгар ушла на север, где уже кочевали близкие им племена. В течение нескольких веков они слились с местными племенами, окончательно перешли к земледелию и внесли достаточно высокий вклад в культуру местного населения предков казанских татар и чувашей.

В материальной культуре болгар сармато-аланский элемент сказывается в керамике и в ювелирных изделиях. В числе последних можно указать привески в виде круга или колесика с выступами по краям. Одни из этих привесок довольно простые, другие же более сложные, ажурные. К этой же категории относится плоский круг, украшенный точечным орнаментом и по внешней стороне четырьмя головками хищных птиц, — предмет, имеющий аналогии среди вещей аланской культуры Северного Кавказа. Близкие по форме вещи распространены и на территории самой Волжской Болгарии. Большое сходство некоторых типов сарматских украшений с современными татарскими заставляет заключить о связи этих категорий вещей.

В качестве примера можно привести курган близ слободы Гусевки, где в разграбленном погребении были найдены: золотая серьга с гранатами и зернью, ушко от значительного по размерам зеркала, черепки от сосуда и блюда с черной лощеной поверхностью. Несомненно, что некоторые татарские серьги XVIII—XIX вв. представляют позднейшие варианты, восходящие к этим прототипам. Наконец, нередкими в Нижнем Прикамье являются серьги аланского типа. Все это подтверждает сведения византийских историков о приходе на Нижнюю Каму болгар, входивших в состав аланских племен.

Эти черты перешли дальше в культуру Казанского ханства и, видоизменяясь, существуют в культуре современных татар. Болгарская культура в период X—XIV вв. впитала значительное культурное богатство древней Руси, сказавшееся в сильной степени в блестящем ювелирном искусстве болгар.

Подводя итоги, можно утверждать, что волжские болгары сложились на основе местных племен Прикамья пьяноборской и городецкой культур³.

¹ В. Г. Егоров. Этногенез чуваш по данным языка. СЭ, III, 1950, стр. 82—83.

² А. М. Tallgren. L'époque dite d'Alanino. Helsinki, 1919, p. 139, 146.

³ Саратовский вариант этой культуры, связываемой с буртасами, едва ли вошел в болгарское царство. Да и исторически известно, что буртасы и болгары были чаще всего во враждебных отношениях.

В первые века нашей эры на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья появляются сарматские племена.

В VI—VII вв. н. э. в Среднем Поволжье появился значительный массив болгарских племен, наложивший сильный отпечаток на культуру местного населения.

Связывать возникновение болгарского государства с приходом болгарских племен нельзя. Еще до прихода болгар местные племена переживали стадию распада первобытной общины и стояли уже на грани сложения классового общества. Мог ли приход болгар изменить некоторые детали формирования государства, по археологическому материалу установить нельзя.

•

•

•

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

О СКИФАХ-ПАХАРЯХ И БУДИНАХ ГЕРОДОТА

В настоящее время в нашей науке наблюдается оживленный и все возрастающий интерес к вопросам этнографии племен Скифии, упоминаемых Геродотом. Этот интерес вызван поисками корней славянства в племенных образованиях скифского времени. В разработке этих вопросов начинает широко применяться метод согласования сведений книги IV «Истории» Геродота с данными археологических исследований отдельных территориально-локальных групп скифской культуры, соответствующих определенным этнографическим особенностям племенных подразделений Скифии.

Основным узлом этой проблемы явился вопрос об этнокультурной принадлежности среднеднепровского круга скифских памятников, а в связи с этим — вопрос о локализации племен скифов-пахарей и нескифского племени будинов.

Широкую популярность в этом вопросе получила точка зрения М. И. Артамонова¹, развитая им в последних работах, согласно которой скифская культура Среднего Поднепровья считается принадлежащей будинским племенам, а область скифов-пахарей локализуется в верховьях Днестра и Буга, на территории распространения западнородольской группы скифских памятников, исследованных польским археологом Т. Сулимирским².

К такому выводу М. И. Артамонов приходит в результате анализа известной легенды, приведенной у Геродота, в которой говорится о переселении невров под натиском змей из своей страны в землю будинов, произошедшем за одно поколение до похода Дария³.

Раскрывая эту легенду как запечатленный в легендарную форму исторический факт передвижения древних невров — носителей лужицкой культуры — из прежней области их обитания, расположенной в бассейне Западного Буга и Нарева (летописной Нурской земли), в Невриду, на Вольту и связывая невров Геродота с носителями смешанной лужицко-скифской высококой культуры, М. И. Артамонов намечает тем самым западную окраину земли будинов. За восточные пределы расселения будинов, живущих, по указанию Геродота, «выше савроматов», принимается область

¹ М. И. Артамонов. Венеды, невры, будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, № 2, 1946, стр. 70 сл.; его же, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, № 3, 1947, стр. 68 сл.; его же, Этнография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, в. 13, 1949, стр. 129.

² T. Sulim irski. Scytowie na Zachodniem Podolu, Lwow, 1936.

³ Геродот, IV, 105.

Северного Донца и Дона. Соединяя в широтном направлении эти две координаты, М. И. Артамонов приходит к заключению, что вся данная территория принадлежала крупной группе будинских племен, включавших в себя, помимо гелонов, также андрофагов и меланхленов.

«Нахождение невров на Волыни,— пишет М. И. Артамонов,— требует помещения будинов по соседству с ними в Киевщине, а указание на будинов выше савроматов ведет нас в Харьковщину или Воронежскую область. Таким образом, имя будинов связывается с обоими концами: западным и восточным, всей среднеднепровской группы памятников скифского типа, т. е. со всей этой группой»¹.

Исходя из этого положения, М. И. Артамонов делает следующий вывод по вопросу о генетических корнях славянства в Скифии: «Поскольку... речь идет о происхождении среднеднепровских славян, в скифских предках их следует усматривать, как я старался выше обосновать, не собственно скифов Геродота, а его гелано-будинов»².

Принципиальная вольность такой постановки вопроса не вызывает сомнений, особенно если иметь в виду, что область Среднего Поднепровья является, наряду с Причерноморскими степями, одной из основных частей скифского мира, составляя как бы центральное ядро скифской земледельческой культуры.

Культурно-исторический вклад оседлых земледельческо-пастушеских племен Поднепровья, принимавших участие в формировании раннеславянской культуры «полей погребений», без преувеличения может быть назван наиболее важным.

Принимая положение о гелано-будинской принадлежности этого центрального как по положению, так и по значению района, автор приходит к фактическому отрицанию ведущего значения сложного и многогранного скифского мира в формировании раннего славянства.

Слабая сторона гипотезы М. И. Артамонова заключается в том, что она основана на попытке согласовать одно из самых противоречивых сообщений Геродота о местоположении земли будинов в связи с рассказом о переселении невров. Ради этого остающегося неясным места им отбрасывается ряд достаточно твердых положений этногеографии Скифии. В результате в предложенной трактовке Скифия представляется как бы периферией гелано-будинских племен, занимающих центральную область распространения скифской культуры.

Обратимся к источникам. Едва ли какие-либо из племен Скифии локализованы Геродотом более точно, чем скифы-пахари. Перечислив группу земледельческих племен калиппидов, алазонов, скифов-пахарей и невров, живущих по направлению от Ольвии в глубь страны, Геродот отмечает, что «все эти племена живут по реке Гипанису к западу от Борисфена»³. Этим он определяет их общее направление и особо интересующую нас восточную границу, которой является Борисфен — Днепр.

Южной границей между землями скифов-пахарей и алазонов служили горький источник и местность Эксампей. По словам Геродота: «Источник этот находится на границе земли скифов-пахарей и алазонов; название источника и местности, откуда он вытекает, по-скифски Эксампей, а на эллинском языке — Святые Пути»⁴.

Возвращаясь к описанию Эксампея, он дает еще одно весьма важное сведение относительно местоположения этого рубежа. «Мне лично показали

¹ М. И. Артамонов. Венеды, невры, будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, № 2, 1946, стр. 80.

² Там же, стр. 82.

³ Геродот, IV, 18.

⁴ Геродот, IV, 52.

следующее, — пишет он, — между реками Борисфеном и Гипанисом есть местность, называемая Эксампей, о ней я упоминал уже немного выше, говоря, что в ней есть источник горькой воды и что вытекающая из него вода делает воду Гипаниса непригодной для питья»¹.

Это последнее указание Геродота уточняет положение скифов-пахарей среди перечисленных им земледельческих племен, находящихся к западу от Борисфена, и указывает, что скифы-пахари жили не только по Южному Бугу — Гипанису, но распространялись на восток от него вплоть до Днестра, течение которого в этой полосе отклоняется на запад.

На современной карте горький источник Эксампей принято сопоставлять с одним из двух левобережных притоков Ю. Буга — Мертвоводом или Синюхой, несущих в него солоноватую жесткую воду. Следовательно, южную границу скифов-пахарей нужно искать на параллели этих рек. В первом из возможных случаев граница эта проходит по линии Вознесенск — Кировоград, а во втором несколько севернее, по линии Первомайск — Новомиргород. И в том и другом случае она проходит по южной окраине правобережной лесостепи.

На настоящем уровне наших знаний можно более определенно говорить и о северной границе земли скифов-пахарей. Данные топонимики подтверждают правильность локализации Геродотом земли невров к северу от верховья Днестра. Общепризнана принадлежность памятников высоцкой культуры или родственных ей культурных образований неврам. Северная граница распространения высоцкой культуры пока не установлена, и пределы Невриды не могут быть точно очерчены. Однако область смыкания памятников высоцкой культуры со скифской в Западной Подолии можно без натяжек принять за северо-западную границу между скифами-пахарями и неврами.

В свете этих данных скифы-пахари выступают не как сравнительно небольшая изолированная группа, а как крупный массив оседлых земледельческих племен Скифии, занимающих обширное пространство между Днестром и Ю. Бугом.

Как известно по сведениям Геродота, скифы-пахари «сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу»². На основании этого можно предположить, что в эпоху Геродота скифы-пахари вели торговлю с Ольвией, вывозя хлеб и получая в обмен продукты греческого производства.

Если мы обратимся к археологической карте Скифии с целью установить, население какой из областей скифской культуры в эпоху Геродота поддерживало самые оживленные меновые сношения с Ольвией и где, следовательно, сконцентрировано наибольшее число предметов ольвийского импорта конца VI — первой половины V в., мы совершенно безошибочно остановимся на той же области лесостепного Днепро-Бугского междуречья, и преимущественно на южных районах Правобережной лесостепи. Там, в верховьях Синюхи и впадающей в нее Выси, расположены известные курганы жуrowsко-тясминской группы, издавна удивляющие исследователей большим числом находимых в скифских погребениях предметов ольвийского импорта, относящегося непосредственно ко времени Геродота, именно к тому периоду, для которого им засвидетельствованы торговые связи Ольвии и скифов-пахарей.

Одна из этногенических легенд³, связанная с Таргитаем, сыном верховного скифского божества и дочери р. Борисфена, его сыновьями Арпоксаем, Липоксаем, Колаксаем и упавшими с неба золотыми священными

¹ Геродот, IV, 81.

² Геродот, IV, 17.

³ Геродот, IV, 5—7.

дарами: ярмом, плугом, секирой и чашей, по единодушному признанию исследователей, могла сложиться только в среде земледельческих скифских племен. В половине V в. эта легенда была настолько хорошо известна в Ольвии, что с большими подробностями передана интересовавшемуся вопросом происхождения скифов Геродоту. Естественно, что она могла быть заимствована от той племенной группы, с которой ольвиополиты были достаточно хорошо знакомы. Такими скифами во время Геродота являлись пахари, тесно связанные с Ольвией хлебной торговлей, в самом названии которых подчеркивается наиболее интенсивная форма древнего земледелия — плужного, пашенного. Этот же плужный характер земледелия находит свое яркое отображение и в легенде, рассказывающей об упавших на землю орудиях пашенного земледелия: ярме и плуге, о культе этих орудий и об особом земледельческом празднике, ежегодно справляемом в их честь¹.

По сведениям Геродота, народ, создавший эту легенду, называл себя сколотами, а имя скифов было перенесено на них эллинами². Нами подчеркивается, что сколотами называли себя не все скифы, а лишь определенная группа земледельческих племен, которая вошла затем в состав скифского объединения и в среде которой родилась данная легенда.

Такое понимание сколотов вытекает из всего контекста первой легенды о происхождении скифов. Название сколотов упоминается Геродотом всего один раз и только как общее название для родственных родоплеменных групп авхатов, траспиев, катиаров и паралатов, ведущих свое происхождение от трех героических братьев, связанных со священными земледельческими орудиями. После упоминания о сколотах следует рассказ о почитании священного золота и о празднестве в честь его.

Перенесение имени сколотов на всех скифов было бы неправильно и потому, что название «скифы» как этноним определенной кочевой группы, совершавшей походы в Переднюю Азию, засвидетельствовано восточными источниками в названиях «ишкуза», «ашгуза» «ашкеназ» задолго до начала сношения скифов с греками³.

О том, что скифы-царские соответствуют скифам ассирийских и библейских источников, свидетельствует рассказ Геродота о походе Дария. Внешним поводом для этого похода было желание отомстить скифам за их прежние вторжения в Мидию⁴. Вожди племен агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, тавров, отказавшие скифам в союзе против Дария, напомнили им об этом вторжении⁵. В борьбе против Дария, как видно из ответа Иданфирса Дарию, участвовали скифы кочевые, причем основные силы их составляли скифы-царские. По этому поводу Геродот говорит следующее: «Это [скифский отряд под командованием царя Скопасиса.— В. И.] была одна часть населения скифского царства, а две другие части царских скифов — большая под начальством Иданфирса и третья, подчиненная Таксакису, сойдясь вместе и соединившись с гелонами и будинами, должны были отступить, опережая персов на один день пути, не поддаваясь им и вообще действовать согласно принятому плану»⁶.

Поскольку скифы-царские явились основной силой в сложении крупного межплеменного объединения, этноним их, как господствующего племени, был перенесен на группу объединенных ими племен и союзов племен,

¹ М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, вып. 15, Л., 1948, стр. 3 сл.

² Геродот, IV, 6.

³ Н. Winckler, *Kimmerier, A'guzäer, Skythen*, *Altorientalische Forschungen*. I, 1897, стр. 448.

⁴ Геродот, IV, 1.

⁵ Геродот, IV, 119.

⁶ Геродот, IV, 120.

сохранявших наряду с общим собирательным именем скифов, под которым они выступают главным образом во внешних сношениях, и свои собственные племенные названия; некоторые из них, как алазоны, герры¹ и сколоты, были известны Геродоту.

Для нас важно, что Геродот называет сколотов в числе скифских племен и упоминает их в связи с вопросом о происхождении скифов. Следовательно, в перечисленных им земледельческих народах Скифии сколоты упоминаются под каким-то иным описательным именем. Ясно, что это не могли быть калипиды или алазоны. Едва ли можно видеть их в скифах-земледельцах. Скорее всего сколотская группировка могла быть названа Геродотом именно скифами-пахарями, на что указывает соответствие сколотской легенды названию пахарей, а также и тесная связь скифов-пахарей с Ольвией, объясняющая появление там этой легенды.

В археологическом отношении область Среднеднепровского Правобережья и Побужья с огромными городищами, на которых были открыты следы земледельческого культа в виде особых жертвенников с сожженными зёрнами пшеницы², как нельзя более соответствует представлению об области расселения скифских племен пахарей-сколотов.

Вывод о тождестве сколотов и пахарей и локализации их на Среднеднепровском Правобережье и большое значение их в сложении культуры полей погребений на основании анализа широкого круга источников был сделан А. Д. Удальцовым³.

Что касается будинов, то, за исключением не совсем ясного места о переселении невров⁴, локализация их Геродотом также довольно определена.

Будины и гелоны, отмеченные выше, не относятся к числу племен, граничивших непосредственно со скифами, так как они живут «выше савроматов», т. е. где-то к северу от них и к востоку от последнего граничившего со скифами с севера племени меланхленов⁵. В этом отношении Геродот достаточно точен и ясен. Называет ли он соседние скифам племена в их последовательности с запада на восток⁶ или с востока на запад⁷, он никогда не ошибается в локализации племен будинов и гелонов между меланхленами на западе и савроматами на юго-востоке. Описывая поход Дария, он отмечает, что в землю будинов персы вступили, миновав землю савроматов⁸. За землей будинов и простирающейся к северо-востоку от нее «пустыней» живут охотничьи племена тиссагетов и ирков⁹. Начиная от будинов, в глубь страны к подножию гор, у которых живут аргиппей-плешивые (т. е. к Уралу), тянулся торговый путь греков и скифов¹⁰.

Геродот описывает будинов как большое, многолюдное племя исконных обитателей страны, покрытой разнородными лесами. По его словам, будины ведут кочевой образ жизни и одни из местных племен питаются

¹ Геродот, IV, 71.

² В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья, Тр. XII, АС, т. 1, стр. 96, 99.

³ А. Д. Удальцов. Основные вопросы этногенеза славян, СЭ, VI—VII, стр. 3, сл.; его же. Древнейшее население Восточной Европы и проблема славянского этногенеза. Рефераты научн. иссл. работ АН СССР за 1947 г., ОИФ, стр. 32; его же. Проблема происхождения славян в свете современной археологии, Вопросы истории, № 2, 1949, стр. 17.

⁴ Геродот, IV, 105.

⁵ Геродот, IV, 100.

⁶ Геродот, IV, 100, 102.

⁷ Геродот, IV, 123, 125.

⁸ Геродот, IV, 123.

⁹ Геродот, IV, 22, 23.

¹⁰ Геродот, IV, 24.

сосновыми шишками¹. Это последнее указание подчеркивает некоторую примитивность будинов по сравнению с другими народами.

Многократные и совершенно определенные указания Геродота о местоположении будинов, так же как и характеристика их быта и образа жизни («кочевники»), находятся в самом прямом противоречии с тенденцией видеть границу их далеко на западе, в глубине распространения земледельческих скифских культур, начиная от района Винницы и Житомира.

Едва ли будет правильно отодвигать племена будинов и гелонов далеко за пределы распространения памятников скифской культуры, на восток, за Дон, на Волгу. Племена будинов и гелонов были тесно связаны со скифами и савроматами, входили с ними в непосредственный контакт, принимали участие в межплеменной торговле и важнейших внешних событиях, как было во время похода Дария.

Без боязни исказить Геродота можно искать местоположение будинов у Верхнего Дона и Донца, на Харьковщине и в Воронежской области, там, где определяет их восточную зону М. И. Артамонов. Отсюда происходят такие яркие и своеобразные памятники, как Частые и Мастюгинские курганы.

В силу всего вышесказанного мы не считаем возможным исключить правобережные лесостепные племена с их ведущей земледельческой скифской культурой из состава Геродотовой Скифии и относить их к нескифским, более низким по развитию племенам будинов, а тем более андрофагов.

Письменные источники и археологические данные вновь и вновь приводят к мысли, уже прочно завоевавшей себе место в науке, что здесь следует видеть крупную группировку племен скифов-пахарей и признать их ведущую роль в сложении раннего славянства на этой территории, ставшей колыбелью Киевской Руси.

¹ Геродот, IV, 103, 109.

М. М. ДЬЯКОНОВ

ОБРАЗ СИЯВУША В СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Таджикско-Согдийской археологической экспедицией под руководством А. Ю. Якубовского в 1947—1949 гг. на городище древнего Пянджикента раскрыто несколько зданий общественного значения, относящихся к десятилетиям, предшествовавшим арабскому завоеванию. Пянджикент был захвачен арабами в 20-х годах VIII в., и жизнь в нем, теплившаяся еще несколько десятилетий, прекратилась к 60-м годам того же века. Объект I (раскапывался в 1947—1949 гг. А. М. Беленицким) и объект II (раскапывался в 1948 г. А. И. Тереножкиным и в 1949 г. А. М. Беленицким) являются храмами, имеющими большие центральные четырехколонные залы, лишенные восточной стены и выходящие в обширные замкнутые дворы, окруженные, как это выяснено по крайней мере для здания I, различными вспомогательными помещениями. На стенах этих храмов имелась богатейшая сюжетная живопись, сохранившаяся в значительных фрагментах, особенно в здании II. Живопись имеется также в объекте III, который, по всей вероятности, являлся дворцом или комплексом дворцовых зданий местного правителя (исследования велись в 1949 г. М. М. Дьяконовым и в 1950 г. А. М. Беленицким и М. М. Дьяконовым)¹.

Открытые экспедицией в Пянджикенте росписи представляют совершенно исключительный интерес. Это памятники высокой культуры согдийцев, культуры древней и самобытной, в значительной мере разрушенной арабами-завоевателями. Это памятники своеобразного и высокого искусства, заслуживающие пристального внимания, меняющие наши представления о развитии изобразительного искусства народов Азии.

Росписи Пянджикента дают нам первоклассный материал для суждения о материальной и духовной культуре древних согдийцев, в частности об их религиозных представлениях. Найденные росписи несут нечто новое, заставляя нас пересмотреть многое из того, что казалось прочно установленным и незыблемым.

¹ О работах Таджикско-Согдийской экспедиции см. А. Ю. Якубовский. Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1947 г. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 48—53; его же. Живопись древнего Пянджикента. Сообщения Тадж. ФАН XX, 1949, стр. 13—17; М. М. Дьяконов. Работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1946—1948 гг. Сообщения Тадж. ФАН, X, 1948, стр. 47—50; Древний Пянджикент, Вестник АН СССР, № 6, 1949, стр. 135. Кроме указанных объектов, в Пянджикенте в 1948—1949 гг. исследовался некрополь оссуарных погребений в склепах-наусах. См. ст. Б. Я. Стависского, ведшего эти работы, в вып. XIX, 1949 г. Сообщения Тадж. ФАН. См.: А. Ю. Якубовский. Живопись Пянджикента, Изв. АН СССР, СИФ, т. VII, № 5; Труды Таджикско-Согдийской экспедиции, том 1, МИА СССР, № 15, 1950.

В настоящем сообщении я коснусь лишь одного частного вопроса, встающего в связи с изучением стенных росписей, открытых в Пянджикенте. Среди них особое внимание обратила на себя композиция (8×2 м), занимающая южную стену центрального зала храма II. А. М. Беленицкий дал свое толкование сюжета этой многофигурной композиции. Я не буду здесь останавливаться на всей этой сложной сцене, но коснусь лишь центральной ее части, поскольку она, как мне кажется, имеет непосредственное отношение к теме настоящего сообщения¹.

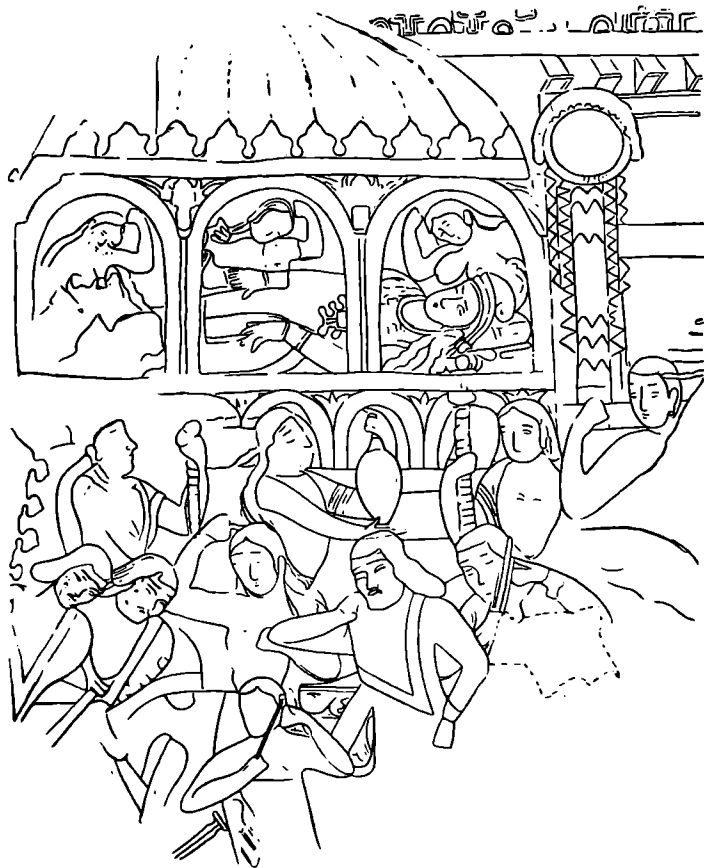

Рис. 4. Сцена оплакивания царственного юноши. Роспись южной стены храма II. Пянджикент.

Интересующая нас центральная часть росписи южной стены храма II изображает сцену оплакивания царственного юноши (рис. 4). Всего в композиции 14 фигур².

На фоне архитектурного пейзажа (крепостной стены?) расположен катафалк. Куполообразное перекрытие этого катафалка, повидимому, сделанное из ткани, натянутой на деревянный каркас, покоится на подставках, образующих три арки, причем в тимпанах арок расположены

¹ Эта роспись была открыта летом 1948 г. Раскопки производил А. И. Тереножкин. Тогда же была сделана первая зарисовка росписи художником С. В. Вознесенским. В 1949 г. производились работы по расчистке и укреплению живописи под руководством П. И. Кострова. Копирование этой росписи было начато Ю. П. Гремячинской. П. И. Костров сделал прорисовку центральной части, выявившую множество важных деталей. Приводимый нами рисунок сделан с прорисовки П. И. Кострова. Работа над росписью продолжалась в 1950 г., когда удалось снять живопись со стены и доставить ее в Ленинград, где она и изучается в настоящее время.

² Поскольку в данной связи нас интересует лишь сюжет, то я не касаюсь богатой красочной гаммы этой картины.

орнаменты, напоминающие бычьи головы. Арки, в свою очередь, опираются на второй ряд более мелких арок, которых, повидимому, должно быть восемь (часть из них закрыта головами персонажей). Справа от катафалка расположен столб, орнаментированный зигзагообразными линиями и кончающийся дискообразным навершием с зубчатым обрамлением.

На катафалке лежит юноша, видимый зрителю через проемы трех арок. Голова его видна в правой арке, руки в средней и ноги в левой. Безбородое продолговатое лицо с прикрытыми глазами с длинным разрезом, прямым носом и маленьким ртом повернуто к зрителю в три четверти и обрамлено прядями волос. На юноше головной убор сложной формы, отчасти напоминающий шлем с гребнем, и длинное платье с круглым вырезом у ворота. На груди украшение в виде прямоугольника с отходящими от него каплевидными элементами орнамента. Руки вытянуты вдоль туловища. Сзади юноши в каждом из арочных проемов расположена женская фигура с распущенными волосами, в скорбной позе, с рукою (в одном случае правой, в двух случаях левой), как бы поднятой для удара в грудь.

Перед катафалком, в непосредственной близости от него, заслоняя своими головами некоторые из малых арок, стоят три фигуры. Центральная, повернутая в профиль вправо, держит на вытянутых руках большой сферо-конический сосуд с невысоким цилиндрическим горлом. Правая и левая фигуры держат в руках длинные витые предметы, быть может, это факелы¹ или шесты, на которых несут катафалк. В этом же ряду, правее остальных, расположена еще одна фигура, поддерживающая столб с диском.

Передний план занимают шесть фигур, изображенных в позах скорби и оплакивания. Две слева изображены склоненными. Две следующие за ними расположены одна над другой. Верхняя — рвет на себе волосы, нижняя — отрезает пучок волос или ухо коротким тонким кинжалом. Правее дана мужская фигура, ударяющая себя правой рукой в грудь. И, наконец, крайняя правая из этой группы снова изображена отрезающей себе в знак скорби ухо или прядь волос. Сейчас мне нет необходимости подробно разбирать фигуры плакальщиков, их этнические типы², их ритуальные жесты, тем более, что этим вопросам много внимания посвятил в своем исследовании А. М. Беленицкий.

Нас интересует смысл сцены в целом. А. Ю. Якубовский и А. И. Тереножкин еще в 1948 г. высказали мнение, что она может изображать оплакивание эпического героя Сиявуша. Это предположение основывалось на известном месте из «Истории Бухары» Нершахи, где рассказывается о построении Сиявушем цитадели Бухары, о ссоре его со своим тестем Афрасиабом, о гибели и похоронах Сиявуша, о месте его могилы, о том, что на рассвете дня нового года каждый житель Бухары приносил в жертву Сиявушу петуха³. В конце этого рассказа говорится: «А у людей Бухары есть плачи⁴ об убиении Сиявуша, которые известны во всех обла-

¹ Такое предположение оправдывается некоторыми деталями других росписей Пянджикента.

² При первом же взгляде на картину видно, что художник изобразил здесь два различных этнических типа.

³ Этот рассказ Нершахи (изд. Шефера, стр. 21—22, перевод Н. Лыкошина, стр. 33) приводится часто, многими авторами, последний раз С. П. Толстовым в «Древнем Хорезме», стр. 204, поэтому полностью этот текст я приводить не буду. К интерпретации образа Сиявуша С. П. Толстовым я еще вернусь ниже. Мнение А. Ю. Якубовского о сюжете росписи см. Сообщения Тадж. ФАН XX, стр. 15.

⁴ Издание Шефера, стр. 21, внизу. В подлиннике стоит слово «навха», обозначающее плач-причитание профессионального плакальщика. В переводе Лыкошина это слово неправильно передано словом «песня», что искажает смысл фразы. Во втором случае («плач магов») в подлиннике «гористони мутон».

стях. Певцы создали к ним мелодию и поют, а сказители называют их «Плач магов...».

Сразу же вспомнилось и связываемое с Сиявущем место из Вей-цзе, где описывается обряд оплакивания и поисков божественного отрока, когда жители Самарканда «одеваются в черные одежды со складками: они идут босиком, ударяя себя в грудь и плача... Мужчины и женщины числом от 300 до 500 расходятся по полям, чтобы искать того божественного ребенка. На седьмой день обряд приходит к концу»¹.

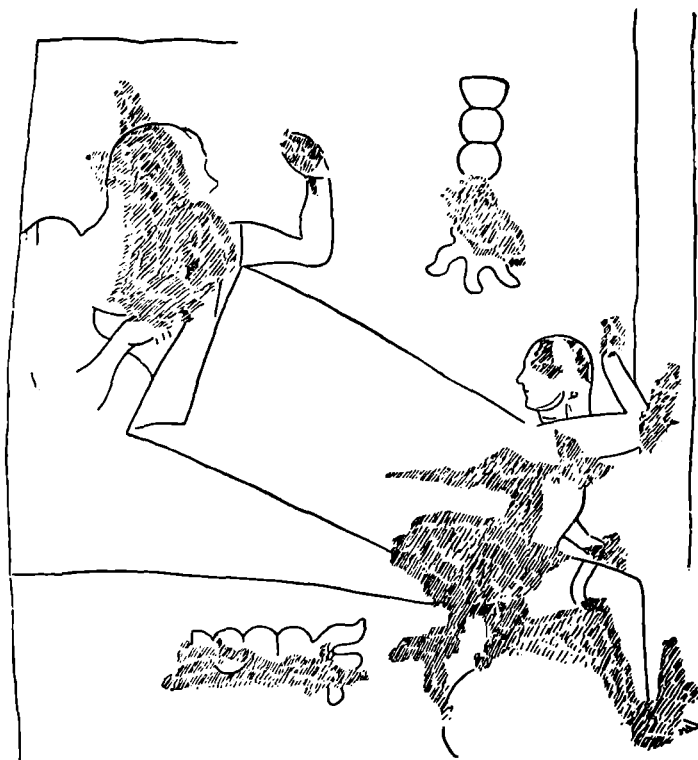

Рис. 5. Сцена из росписи северной стены помещения № 7 в здании III. Пянджикент.

В 1949 г. в здании III, в помещении № 7, была обнаружена большая роспись, первоначально, как видно, покрывавшая всю северную стену помещения, длиной 8,9 м и высотой не менее 5 м, но в настоящее время сохранившаяся лишь на части стены. Я остановлюсь на отдельной небольшой сцене, расположенной в левом нижнем углу композиции и, как мне представляется, помогающей расшифровать описанную выше сцену оплакивания (рис. 5)².

На ложе полулежит, опираясь на правый локоть, женщина, прикрытая покрывалом; за ее спиной видна продолговатая подушка. Лево́й рукой она как бы манит к себе юношу, который стремительно убегает вправо, подняв руки и обернув лицо к женщине. По обе стороны ложа высокие светильники на трех ножках, со стволами, как бы составленными из шаров, и с полусферическими чашечками для горячего наверху. Один светильник — на переднем плане — опрокинут убегающим юношей.

Ясно, что мы имеем здесь дело со сценой, где излагается тема, известная нам из эпоса различных народов. Это тема Беллерофонта и Антеи,

¹ См. E. Chavannes. Documents sur les tou-kiue (turcs) occidentaux, стр. 132; С. П. Толстов. Древний Хорезм. 1948, стр. 204.

² Рисунок сделан В. С. Сорокиным по кальке, снятой с подлинника автором этих строк. Сцена выполнена очень графично, фигуры и утварь белые с черными и красными контурами, фон желтый. Фигура юноши высотой 22 см.

Ипполита и Федры, Иосифа Прекрасного и жены Пентефрия, Юсуфа и Зулейхи. Ни один из этих сюжетов не мог быть, естественно, изображен в росписи дворца согдийского князя VII—VIII вв. Рассказ о Юсуфе и Зулейхе распространился в средневековой персидской и таджикской литературе¹ лишь после знакомства с кораном, заимствовавшим этот сюжет из библейского предания об Иосифе Прекрасном.

Но в эпосе иранских народов также есть аналогичный эпизод. Это рассказ о том, как злая мачеха Судабе пыталась соблазнить юного Сиявуша; встретив с его стороны суровый отпор, она оклеветала его перед отцом — царем Кей-Каусом.

Таким образом, мы снова вернулись к легенде о Сиявуше. Роспись, обнаруженная в 1949 г. в помещении 7 здания III, настолько характерна, что не может изображать ничего иного, кроме указанного выше момента из эпоса.

В свете открытий 1949 г. следует признать весьма вероятной высказанную А. Ю. Якубовским и А. И. Тереножкиным гипотезу о том, что в сцене на южной стене храма II мы имеем дело с оплакиванием Сиявуша. Необходимо рассмотреть во всей широте вопрос о Сиявуше в среднеазиатской мифологии.

* * *

Еще В. В. Бартольд в своей работе «К истории персидского эпоса»² настаивал на восточноиранском происхождении важнейших мотивов иранского эпоса, в частности отмечал, что «к Бухарской области была также приурочена легенда об Афрасиабе, Сиявуше и Кай-Хусрау»³. Безвременно погибший в 1942 г. молодой ученый Г. В. Птицын с блеском доказал в своей работе «К вопросу о географии «Шах-наме»»⁴, что события поэмы в основном разворачиваются в Хорасане и Мавераннахре. Особенно интересен в связи с разбираемым нами вопросом анализ, который дал Г. В. Птицын отрывку из «Мести за Сиявуша»⁵, и тот его общий вывод, что «...связь легенд и преданий, легших в основу поэмы, главным образом со Средней Азией и северо-восточным Ираном... лишней раз показывает, насколько глубока и органична была связь Фирдоуси именно с тем культурным и историческим кругом, который включал в себя прежде всего Среднюю Азию, Хорасан, Балх и верховья Аму-Дарьи»⁶.

В советской литературе наибольшее внимание Сиявушу уделил С. П. Толстов. В своей работе «Древний Хорезм» он неоднократно к нему возвращается, намечая, как мне кажется, правильный путь к пониманию этого сложного образа. Он настаивает на среднеазиатском, точнее — хорезмийском, происхождении этого мифологического, а позднее эпического образа⁷.

Таким образом, уже ряд советских ученых обращал внимание на образ Сиявуша и приурочивал создание и распространение связанного с ним цикла легенд к Средней Азии.

¹ Ср. поэмы Фирдоуси и Джами на эту тему.

² В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса, ЗВО, XXII, 1914, стр. 257—282. О восточноиранском, точнее — сакастанском, происхождении цикла сказаний о Рустеме говорил еще Т. Нельдеке; см. Grundriss der Iranischen Philologie, т. II, стр. 138—139. О Сиявуше как герое-основателе ряда среднеазиатских городов см. J. Markwart. Wehrot und Angang, 1938, стр. 150, прим. 2; см. также стр. 139—141 и 165.

³ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 272.

⁴ Г. В. Птицын. К вопросу о географии «Шах-наме», ТОВЭ, IV, 1947, стр. 293—311.

⁵ Шах-наме, изд. Mohl, IV, стр. 12—188.

⁶ Г. В. Птицын. Ук. соч., стр. 310.

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 203—205; его же. По следам древне-хорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 83—87.

Сведения о Сиявуше встречаются очень часто в сочинениях средневековых авторов — уроженцев Средней Азии, Хорасана, Фарса и Ирака. Это или подробные рассказы, или краткие упоминания, причем мы можем проследить несколько различных напластований мифа, постепенно перерабатывающегося в эпизод дружинного эпоса.

Наиболее ранним упоминанием Сиявуша следует считать упоминание его в священной книге зороастрийцев — Авесте.

Как известно, Авеста — памятник сложный, создававшийся постепенно и в дошедшем до нас виде несущий на себе печать значительной переработки даже в древнейших частях, быть может восходящих к середине I тысячелетия до н. э. Переработка эта, произведенная иранским жречеством, ставила себе целью подогнать старые религиозные представления иранских племен к нормам и требованиям догматической зороастрийской религии, ставшей государственной, господствующей в сасанидской державе III—VII вв. н. э. Поэтому в Авесте наряду с сохранившимися древнейшими образами существуют образы и представления, характерные уже для догматической, по существу уже монотеистической поздней религии сасанидского зороастризма.

Сказание о Сиявуше не входит органической частью в мифологию дошедшей до нас Авесты¹. Сиявуш упоминается несколько раз в так называемых Яштах, причем в поздних частях, содержащих трафаретные формулы молитвенных обращений к зороастрийским божествам². Упоминание о Сиявуше-Сияваршане в Авесте — это отголосок каких-то легенд, не вошедших в окончательную редакцию сасанидской Авесты, но, вероятно, известных первоначальным изводам, создававшимся на территории Средней Азии.

Религиозная и светская литература сасанидского времени на среднеперсидском языке (редакция некоторых из этих произведений относится, как известно, даже ко времени после падения державы Сасанидов), литература, пронизанная казенным зороастрийским благочестием, почти не знает Сиявуша, упоминая его, в основном, только как героя и основателя легендарного Канг-деза, а в одном случае и реального города — Самарканда³.

¹ В Авесте имя Сиявуша передается в древней форме «Сияваршана».

² Яшт IX (Гош), 18 и 22 [последний стих полностью повторяется в Яште XVII (Аши), 42]. В этих стихах Хаома и Кави Хусрава молятся о ниспослании им победы над убийцей Сияваршаны; Яшт XIII (Фарвардин), 132 в бессмысленной молитвенной формуле «Мы поклоняемся духу (фраваши) святого царя Сияваршаны...»; Яшт XIX (Замьяд), 71 о том, как божественная «слава» переходит с одного героя на другого, в числе которых упоминается и Сияваршана; XIX, 77 — единственный отрывок связанного эпизода из легенды о Сиявуше — рассказ о том, как Кави Хусрава пленил Франграсьяна и Кересавазду за убийство его отца Сияваршаны.

³ Сиявуш (иначе Сиявахш) упоминается как строитель Канг-деза в следующих пехлевийских сочинениях: Меноке Храд 27, 55 (West, Pahlavi Texts, III, 64); Бахман Яшт 3, 25—26 (Sacred Books of the East, V); Дадестане Деник 90, 5 (West, Pahlavi Texts, II, 257); Денкард, книга VII, 1, 38; перс. Бундахишн (Bundahishn ed. by T. D. Anklesaria, Бомбей, 1908, стр. 209, строка 4 сл. Это место любезно указано мне А. А. Фрейманом). Упоминания о Сиявуше имеются и в некоторых других местах этих сочинений; см. Markwart-Messina. A Catalogue of the Provincial Capitals of Franshahr. Рим, 1931, стр. 27—28; A. Christensen. Les Kayanides, Копенгаген, 1932, стр. 82—84. Кей-Каус и его сын Сиявахш упоминаются как строители Самарканда в Шатрестанехае Эран, см. Markwart-Messina, ук. соч., стр. 8: «В восточной области город Самарканд заложил Каус Каватан. Сиявахш Каусан его закончил».

Другие упоминания о Сиявуше в пехлевийской литературе ничтожны. Позднее сочинение (XVII в.) Сиявуш-намэ, изданное в Бомбее в 1873 г. и упоминаемое Юсти в его Iranisches Namenbuch, стр. 299, осталось мне недоступным.

В Бундахишне же (персидский Бундахишн, изд. Анклесарии, стр. 230 сл., индийский Бундахишн, изд. Веста, 31, 14—19) есть рассказ о дочери Афрасиаба Виспан-

В легендах города эти всегда указываются на Востоке, точнее в Средней Азии, так как даже волшебный Канг-дез, с чем бы его ни отождествлять, находился все же, по мнению писавших о нем, бесспорно в Средней Азии.

Сама легенда о Сиявуше становится нам известной лишь из средневековой литературы. В большинстве случаев авторы ссылаются на рассказ о Сиявуше как на что-то уже знакомое.

Всегда деятельность Сиявуша относится к Средней Азии. Снова и снова рассказывается об основании им Канг-деза¹ или другого легендарного города², а Нершахи говорит о Сиявуше как об основателе Бухары³. Бируни ведет от Сиявуша род Хорезмшахов и начало хорезмийской эры⁴, Табари и Мас'уди — род Ашканидов-Аршакидов⁵. Таким образом, Сиявуш является героем-основателем среднеазиатских городов, исторических или легендарных — безразлично, и родоначальником среднеазиатских династий — хорезмийских Сиявушидов и парфянских Аршакидов.

Все это говорит о какой-то совершенно особой роли этого героя в среднеазиатской мифологии.

Если же мы обратимся к самой легенде о Сиявуше, то найдем ее в наиболее полном виде в Шах-наме Фирдоуси⁶. Но здесь она предстает перед нами уже как эпизод дружинного эпоса, где с большим трудом мы можем различить следы более древних напластований.

В советской литературе совсем недавно было дважды дано изложение этой легенды⁷.

В этой легенде Сиявуш — типичный герой дружинного эпоса; от более ранних этапов развития мифа и трансформации его в эпическое предание почти ничего не осталось. Однако нам необходимо пробиться сквозь внешние покровы искусного рассказа Фирдоуси и постараться найти глубоко скрытые корни мифа о Сиявуше.

фрия (Фирагис у Фирдоуси), вышедшей замуж за Сиявуша и родившей ему Кей-Хосрова.

Описание Канг-деза по пехлевийским источникам см. у Кристенсена, ук. соч., стр. 83—84.

¹ Фирдоуси. Шах-наме, Тегер. издание, I, стр. 481 сл., Мас'уди, Мурудж, IV, стр. 74 и др. См. также Шахрастани, Китаб ал милад ва-н-нихал. Изд. Кюретон, 1846 (1923), стр. 198, пер. Хаарбрюкера, I, 298, где Канг-дез назван храмом и помещен, как и у Мас'уди, «на востоке Китая». У Б. Н. Заходера в комментариях к Сиасет-наме неправильно указано, что у Шахрастани говорится о храме огня, воздвигнутом в честь Сиявуша. См. Сиасет-наме, книга о правлении вазира XI столетия Низам аль-Мулька, М.—Л., 1949, стр. 294.

² Фирдоуси. Шах-наме, Тегер, издание I, стр. 486 — Сиявуш-гард; Са'алиби, перев. Зотанбера, стр. 207 — Сиявушабад.

³ История Бухары, изд. Шефера, стр. 21—22.

⁴ Бируни. Асар ал-бакийя, изд. Захау, стр. 35; см. еще Низами-Арузи, Чехар Макалэ, изд. Гиббовской, серии, стр. 248.

⁵ Табари, I, 710; Мас'уди, Мурудж, II, стр. 120; Ганбях, 95; Бируни, Асар, 114. Томашек, Маркварт, а за ним и С. П. Толстов, считают, что правители Бухары и других кангюйских городов тоже вели свое происхождение от Сиявуша. См. Markwart. Wehrot und Arang. 1939, стр. 150; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 204, прим. 3; также W. Tomaschek. Sogdiana, 1877, стр. 113.

⁶ Фирдоуси. Шах-наме, изд. Моля, II, стр. 194 сл.; Тегер. изд. I, стр. 411 сл.; довольно подробное изложение легенды о Сиявуше дают Табари, изд. де-Гуйе, I, 598 сл.; Са'алиби, пер. Зотанбера, стр. 171 сл.; Динавери, изд. Гиргаса, стр. 15, Низам аль-Мулька. Сиасет-наме, изд. Шефера, стр. 157—158; перевод Б. Н. Заходера, стр. 180—181, и другие авторы (Хамза Исфганский. Фарс-наме и т. д.).

⁷ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 203; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 85. См. также М. М. Дьяконов. Фирдоуси. М.—Л., 1940, стр. 76.

С. П. Толстов в своем «Древнем Хорезме» уже сделал очень много для раскрытия образа Сиявуша¹. Он показал, что под оболочкой эпического героя скрывается еще более древний лик умирающего и воскресающего земледельческого бога и образ героя-предка, героя-основателя городов и государств Средней Азии. С. П. Толстов правильно указал на связь Сиявуша — бога-всадника с конем-тотемом.

Попробуем и мы, руководствуясь нашим материалом, разобрать внимательнее некоторые из свидетельств письменных источников о Сиявуше и проследить в них более древнюю основу, чем та, которая лежит в легенде, рассказанной в Шах-наме Фирдоуси.

Авеста, казалось бы, древнейший источник, не дает нам самого древнего рассказа. По тем обрывкам, которые дошли до нас, видно, что Сиявуш фигурирует в Авесте уже как герой эпического сказания, а не как бог плодородия или герой-предок. Это говорит о позднем включении Сиявуша в дошедшую до нас литургическую часть Авесты, о чуждости мифологического образа Сиявуша сасанидской религиозной догматике.

В сасанидской и послесасанидской пехлевийской литературе, создававшейся в основном в Иране, Сиявуш известен как герой-основатель, но не иранских, а восточных среднеазиатских городов, т. е. в этой литературе отражен как бы древнейший этап трансформаций образа, причем сохраняется память о его восточном, среднеазиатском происхождении.

В рассказе Нершахи Сиявуш не только является в знакомом уже нам по многочисленным упоминаниям у разных авторов облике героя-предка — основателя города, но и в виде божества, причем божества, явно связанного с культом умирающей и воскресающей природы (жертвоприношение в день весеннего праздника Ноуруза). Кроме того, в рассказе Нершахи имеется намек на хтоническое происхождение анализируемого божества: в жертву ему приносится петух². Нершахи сообщает нам ценные сведения, говорящие об архаичности пережиточных форм идеологии, сохраняющихся до средневековья. Как правильно указал уже С. П. Толстов, эти же представления об умирающем и воскресающем боге встречаются в рассказе о базаре Мах, где дважды в год продавались идолы в присутствии царя³. На этот рассказ обратил внимание еще В. В. Бартольд, который связывал слово Мах с согдийским названием Луны⁴.

Таким образом, в Бухаре в X в. еще помнили легенды о Сиявуше как умирающем и воскресающем боге растительности, еще была жива память о культе этого божества, о статуэтках, продававшихся дважды в год в присутствии царя, повидимому в праздники Ноуруз и Михраган, связанные с земледельческим годом.

Эти факты по-иному освещают отдельные детали рассказов о Сиявуше, дошедшие до нас уже в поздней обработке в виде эпизодов дружинного эпоса, причем неизменно древним элементам сказания рассказчик, в частности Фирдоуси, находит рационалистическое объяснение⁵.

Так, Сиявуш рождается от таинственной лесной девы. Фирдоуси стре-

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 202—204; его же. «По следам древне-хорезмийской цивилизации», стр. 83—87.

² Нершахи, изд. Шефера, стр. 21—22.

³ Нершахи, изд. Шефера, стр. 18—19; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 205. Фрезер описывает аналогичный обряд в связи с культом Адониса. Золотая ветвь, изд. Атеист, 1928, III, стр. 50. В свете изложенного рассказ Вей-цзе, упоминавшийся нами выше, бесспорно должен быть отнесен к этому культу.

⁴ В. В. Бартольд. Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях, стр. 7.

⁵ Ряд таких моментов в рассказе Фирдоуси отметил С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 202—205.

мится рационалистически объяснить появление этой дeвы в лесу, однако древний миф явно проступает через новое одеяние.

Кульг Сиявуша связан с кульгом огня — отсюда сцена божьего суда в эпосе.

И, наконец, что для нас самое главное, что представление о Сиявуше связано с конем, причем всегда с конем черным, т. е. хтоническим. В рассказе Фирдоуси о божьем суде несколько раз настойчиво подчеркивается, что конь Сиявуша — черный, хотя, казалось бы, эта деталь в его рассказе не имеет никакого значения¹.

Насколько сильны традиционные представления о Сиявуше, видно хотя бы из того, что даже на позднесредневековых миниатюрах он всегда изображается на черном коне².

Отметим, что в Пянджикентском храме II на северной стене центрального зала, как раз напротив разбивавшейся нами сцены оплакивания, изображены два красных неоседланных коня, которых ведут навстречу друг другу, причем центральное место в композиции занимают кони, а ведущие их люди помещены на втором плане. Таким образом, мы видим здесь несомненный пример почитания коня, причем красного, т. е. тоже хтонического, как и черный конь.

Необходимо внимательно рассмотреть само имя Сиявуша в его древнейшей форме Сияваршана. Может быть, в раскрытии этимологии этого слова и кроется решение интересующей нас задачи?

Слово Сияваршана — составное, легко расчленяемое на «Сиява» и «аршана», причем первый элемент значит «черный», а второй — самец, преимущественно «жеребец». Таким образом, само слово Сияваршана, ставшее именем героя, первоначально обозначало «черный жеребец»³.

Упоминание о «черном коне» встречается в легендах, не забытых и по сей день в глухих уголках Средней Азии, а ранее имевших повсеместное распространение. Я говорю здесь о культе водяного коня «аспи-оби».

Недавно А. М. Беленицкий в своей интересной работе «Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании»⁴ привел ряд среднеазиатских легенд о водяном коне, выходящем из источника, из озера, из реки и оплодотворяющем земных кобылиц, отчего возникает порода исключительно быстрых и выносливых коней. Особенно детально это предание передано у арабского географа IX в. Ибн-Хордадбега, где оно приурочено к источнику Назкуль в Хутталяне (бассейн р. Вахша)⁵.

Летом 1949 г. то же самое предание, совпадавшее даже в подробностях, но приуроченное к Искандер-Кулю, слышали мы от местных жителей — таджиков у подножия Пянджикентской цитадели⁶.

Пянджикентский источник несомненно связан с интересующим нас древним кульгом.

Росписи Пянджикента, обнаруженные раскопками, также посвящены древнему кульгу. В храме I в помещении 10-а на росписи, изображающей

¹ Шах-наме, Тегер. изд., I, стихи, 10, 688, 10, 704.

² См. хотя бы Л. Т. Гюзальян и М. М. Дьяконов. Иранская миниатюра, М.—Л., 1935, табл. 25, 38, 46, 49.

³ Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, под этим словом.

⁴ СЭ, IV, 1948, стр. 162 сл.

⁵ Ук. соч., стр. 163—164; ВГА, VI, стр. 180. См. еще предание о крылатых конях, приведенное В. Масальским в его книге «Туркестанский край», СПб., 1913, стр. 758. Использовано С. П. Толстовым в «Древнем Хорезме», стр. 303.

⁶ В. Л. Вяткин упоминает вакуфный документ 1546 г., где район Пянджикентского городища назван «Пянджикентским храмом магов». Таким образом, еще в XVI в. сохранялась память о святости этого места и о том, что здесь был почитаемый храм. См. Справочная книжка Самаркандской обл., VII.

сидящих мужчин с цветущими ветвями¹ в руках и на головных уборах, что несомненно связано все с тем же культом умирающей и воскресающей природы, мы видим над сидящими три парящих фантастических существа. У них головы и передние ноги лошадиные, птичьи крылья и змеиные хвосты. Это ближайшая аналогия к образу Сэнмурва, тщательно разобранному К. В. Тревер². В пянджикентском чудище мы видим соединенными три стихии: воздух (птица), землю (конь) и воду (змея).

Теперь мы снова можем вернуться к пянджикентским росписям в храмах, с описания которых мы начали. При изучении их встал вопрос о том, какой же религии принадлежат эти храмы? И прежде всего приходят на память известные догматические религии, знакомые нам по литературе, «великие» религии — зороастризм, буддизм и манихейство.

Я не стану здесь касаться вопроса о манихействе, разбираемом в уже упоминавшейся мною работе, подготовленной А. М. Беленицким.

О буддийском характере пянджикентских росписей как будто не может идти речь, может быть удастся открыть лишь некоторые черты воздействия буддизма.

Мне хочется остановиться здесь на зороастризме как, казалось бы, наиболее вероятном культе, отражение которого мы можем ждать в пянджикентских храмах.

Известно, что средневековые авторы, писавшие о религии и верованиях домусульманской Средней Азии, различали у местного населения «дома огня» и «дома идолов». Предполагалось, что первые относятся к зороастрийским храмам, а вторые к буддийским. Но сразу же бросалась в глаза несомненная путаница и неясность в этом вопросе, существовавшая у авторов даже раннего средневековья, казалось бы, хорошо осведомленных о верованиях этих народов. Не имея возможности в данной связи подробно разбирать эту тему, остановлюсь лишь на сочинении авторитетного писателя начала XII в. — Шахрастани, автора знаменитой книги о верованиях и философских системах (Китаб ал-милал ва-н-нихал).

Стремясь к строгой схоластической систематизации, Шахрастани делит известные ему храмы на «храмы огня» и «храмы идолов», приписывая первые «магам», т. е. зороастрийцам — иранским народам Ирана и Средней Азии, а вторые арабам (язычникам) и индусам³.

Однако из текста видно, что «храмы идолов» и «храмы огня» бывали на одной и той же территории и у одного и того же народа. Это же следует и из приводимых Шахрастани примеров.

Таким образом, уже для Шахрастани картина была неясной. Причина этого может быть только одна: отправлявшийся в храмах Средней Азии культ не подходил ни под одну из известных Шахрастани догматических религий и, в первую очередь, не подходил под рубрику правоверного зороастризма, известного в средние века только в том варианте, который окончательно закрепился в государственной религии сасанидского Ирана и который, вероятно, только и следует называть зороастризмом во избежание терминологической путаницы.

Пянджикентский некрополь дает нам пока исключительно погребения костей, очищенных от мяса, в глиняных гробах — оссуариях, помещенных в специальные склепы-наусы. Как будто бы погребальный обряд соответствует нашим представлениям о зороастрийском погребальном

¹ См. цветную таблицу в статье А. Ю. Якубовского в ИАН ОИФ, т. VII, № 5, 1950 г.

² К. В. Тревер. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. Из истории докапиталистических формаций, 1933, стр. 293 сл.

³ Шахрастани, изд. Кьюретон, стр. 431—432. Перевод Хаарбрюкера, II, стр. 336.

обряде¹. Однако центральная сцена оплакивания в храме II коренным образом противоречит погребальному обряду сасанидского зороастризма. Дело в том, что правоверный зороастризм запрещает оплакивание покойников².

Таким образом, храм II в Пянджикенте был, повидимому, связан (хотя может быть только частично, учитывая богатство изобразительного материала, в нем находящегося) с культом Сиявуша — бога умирающей и воскресающей природы, земледельческого бога, владыки вод, в котором еще довольно ясно проступали черты более древнего хтонического божества, связанного с тотемом коня и отсюда с культом водяного коня «аспи-оби».

Вероятно, этот культ близок религиозным представлениям, вошедшим в круг зороастрийской догматики и восходящим к общему источнику, — верованиям, отраженным в древнейших частях Авесты, но это не зороастризм в том виде, в каком он нам известен по поздним частям Авесты, по Бундахишну и Денкарду, словом, это не зороастризм сасанидского Ирана.

Образ Сиявуша в согдийской литературе претерпевал существенные изменения, подобные тем, которые мы наблюдали при разборе письменных свидетельств.

Археологические данные позволяют утверждать, что раскрытые росписи пянджикентских зданий близки друг другу по времени.

Однако стилистически они весьма различны. Сразу же бросается в глаза значительно большая архаичность сцены оплакивания, ее большая близость к античному стилю, чем в сцене Сиявуша в Судабе, имеющей уже определенные черты сходства с трактовкой эпических сюжетов средневековой миниатюры³.

Отчасти это можно объяснить различием художественных школ, но дело, видимо, не только в таком различии, хотя, конечно, и этот фактор следует учитывать.

Думается, что объяснение надо искать в сюжете, в его характере.

Первый сюжет культовый, вероятно канонизованный, следовательно повторяющий старую композиционную схему, а может быть, и отдельные детали. Второй — светский; он составляет часть большой композиции, покрывавшей стену одной из зал дворца. В нем отразился уже последний этап трансформации образа Сиявуша. Это герой формировавшегося уже в то время феодального дружинного эпоса.

Мне кажется, что разобранный нами на памятниках материальной культуры, данных литературной традиции, фольклора и языка маленький эпизод из среднеазиатского эпоса поможет в решении сложных вопросов истории культуры народов Средней Азии, которые встают сейчас перед наукой в связи с замечательными открытиями советских археологов.

¹ Исследователь некрополя, сотрудник Эрмитажа Б. Я. Ставиский осторожно называет эти погребения «мазденстскими». Вспомним, что погребения в оссуариях известны главным образом с территории не Ирана, а Средней Азии и то, повидимому, в основном, лишь в VI—VIII вв. Я оставляю здесь в стороне вопрос об оссуарных погребениях Хорезма.

² На это сразу же указал нам А. А. Фрейман.

³ Вопрос о связи средневековой миниатюры со среднеазиатскими стенными росписями, в частности пянджикентскими, должен быть обязательно поставлен. См. уже упомянутую работу А. Ю. Якубовского в ИАН ОИФ, т. VII, № 5.

А. П. СМ И Р Н О В

К ВОПРОСУ О БУРТАСАХ

С историей Поволжья и Прикаспия теснейшим образом связан вопрос о буртасах, упоминаемых арабскими писателями X в.

В 1949 г. А. Е. Алихова¹ опубликовала статью полемического характера, направленную против положений В. В. Гольмстен², изложенных в статье «Буртасы», сопоставившей буртасов с мордвой-мокшей. Значительно раньше в небольшом очерке древней истории мордвы мы пытались доказать это же самое положение³.

А. Е. Алихова в своей работе высказала мысль, что буртасы — особое племя, обитавшее на Северном Кавказе, рядом с древними болгарами. Обоснование своего положения А. Е. Алихова начинает со ссылки на исследование А. Н. Грена «Где жил народ буртасы и где находился центр хазарского каганата Итиль» и приводит его точку зрения.

Прежде чем говорить о буртасах, А. Н. Грен ставит вопрос о местонахождении г. Итиля. Он исходит из того, что в нижнем течении Волга раньше имела иное, чем теперь, направление, свидетельством чему является расположение ее старого русла, которое «идет от Ахтубы, направляясь к Северному Кавказу, и оканчивается у Кумы, недалеко от Маджарских развалин». Ссылается Грен и на то, что народы, поселившиеся в этих местах сравнительно недавно (в XVII в.), называют это русло Ахтубы Индтелезе-черкен-гея, т. е. старое русло Итиля. Грен считает, что изменение течения Волги произошло в исторические времена и что в эпоху хазарского каганата г. Итиль находился не около Астрахани, а на Куме. Далее, на основании этнографических данных, приведенных в известиях восточных писателей X в., генеалогической таблицы персидского историка Мирхонда, который говорит: «У Кумары [т. е. реки Кумы, по мнению Грена] два сына — Булгар и Буртас», Грен приходит к выводу, что под рекою Буртас следует разуметь именно р. Куму.

А. Е. Алихова анализирует и географо-геологические материалы⁴. Ее построения, основанные на выдержках из трудов П. Семенова, М. Жукова, по существу не имеют отношения к поднятому вопросу, так как точная датировка береговых отложений Кумы при современном состоянии нашего знания невозможна, да она по существу и не решает вопроса.

Обратимся к историческим обоснованиям Алиховой. «Следующий вопрос, — пишет она, — на котором следует остановиться, — это местонахождение болгар, рядом с которыми жили буртасы». Как уже упоминалось выше,

¹ А. Е. Алихова. К вопросу о буртасах. СЭ, I, 1949, стр. 48.

² КСИИМК, вып. XIII, 1946.

³ Труды ГИМ, вып. XI, 1940, стр. 141.

⁴ А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 48—50.

Грен привел слова персидского историка Мирхонда, что у Кумары два сына — Булгар и Буртас. Поскольку и приводимые нами ниже сведения о буртасах помещают эти два народа вместе, причем обычно подразумевают под болгарами волжских болгар, обратимся к их истории. М. И. Артамонов в своей работе «Очерки древнейшей истории хазар», подробно разбирая этот вопрос, приходит к выводу, что «болгарские племена занимали не только Причерноморье и Приазовье, но и все пространство степей, прилегающих с запада к Каспийскому морю». По Гардизи и Ибн-Русте (X в.), болгары делились на три отдела: «один отдел зовется берсула, другой — эсегел и третий — болгар». Исходя из сказанного, вполне закономерно предположить, что часть болгар, сохранивших это наименование, осталась на своих исконных местах.

Основные данные, на которых строятся выводы А. Е. Алиховой, приводят Аль-Масуди и Ибн-Хаукаль. «Аль-Масуди, — пишет А. Е. Алихова, — рассказывая о походе русов 913 г., говорит, что на обратном пути их из прибрежных каспийских стран, при входе в Итиль, на них напала гвардия кагана. Русы покинули суда, сошли на берег, где вблизи Итиля и приняли бой. Три дня длилось сражение, и русы были побеждены. Оставшиеся 5 тысяч человек отплыли к другой стороне реки поблизости страны буртасов, там покинули свои суда и вышли на сушу. Некоторые из них были убиты буртасами, другие попали в страну болгар-мусульман, которые их перебили. Здесь в первую очередь следует отметить, что буртасы обитали недалеко от Итиля вверх по реке, а дальше жили болгары, причем это были, очевидно, не волжские болгары, как обычно считают, а прикавказские. Действительно, если считать, что буртасы — это мордва-мокша, то русы должны были бы проплыть примерно 1000 км вверх по реке, прежде чем достигнуть южных областей обитания буртас-мордвы, что у них заняло бы около месяца времени, и примерно столько же до волжских болгар. Трудно предположить, что два столь удаленных во времени и пространстве события были отмечены в документе лишь тем, что они отплыли к другой стороне реки поблизости страны буртасов»¹.

В сообщении Ибн-Хаукаля о походе Святослава 965 г. говорится: «И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям Божиим из хазар, болгар и буртасов, и овладели ими. И искало убежище население Дербента и укрепились там, а некоторые живут в страхе на острове Сиякух [полуостров Мангышлак]». В той же главе сказано: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области, которые перешли во власть их [русов]».

«В этом документе чрезвычайно ясно сказано, — пишет Алихова, — что буртасы и болгары жили недалеко от Итиля. Сам Бартольд, приводя это известие, усомнился в разгроме Святославом волжских болгар. Ему казалось невозможным совместить разгром Болгара с дальнейшим его существованием и особенно ростом. К тому же русская летопись умалчивает об этом факте. Если же принять, что болгары, упомянутые Ибн-Хаукалем, жили в низовьях Волги, то и маршрут похода Святослава становится более правдоподобным»².

Исследователь считает вопрос решенным и отмечает, что эти данные согласуются и с письмом хазарского царя Иосифа, который перечисляет племена на Волге, начиная с юга: «Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, Вы-н-тит, С-в-р, сл-виюн»³.

¹ А. Е. Алихова. Уж. соч., стр. 52.

² Там же, стр. 53.

³ Там же.

К сожалению, вопрос значительно сложнее, и сведения Иосифа не совпадают с картиной, нарисованной А. Е. Алиховой. По этим данным, буртасы располагались на Волге, к северу от них — болгары и рядом сувар; там же располагались арису, а к северу от болгар — цармис. По данным этого текста, нельзя помещать буртасы в Предкавказье. Заслуживает внимания тот факт, что Иосиф не перечисляет народы, населявшие основные земли каганата. Он не упоминает ни народов Северного Кавказа, ни самих хазар. Если буртасов считать народом, занимающим основную территорию Хазарии, то в этом случае получается неувязка с текстом письма; едва ли Иосиф отметил только их; или же придется территорию Хазарии уменьшить, что противоречит всем историческим сведениям.

Не подтверждают положение, выдвинутое А. Е. Алиховой, сведения Ибн-Русте и Аль-Бекри. Первый сообщает: «Земля буртасов лежит между Хазарской и Болгарской землями на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой». Ниже он пишет: «Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду, главное же богатство их состоит в куньих мехах»¹. Этот текст хорошо согласуется с данными археологии: от границы Хазарии (северной границы распространения салтовской культуры) до северной части Саратовской области, где мы встречаемся с памятниками другого типа, не более 250—300 км, т. е. по реке около 15 дней пути. При такой трактовке вопроса, при помещении буртасов на территории городищ древнемордовской культуры, генетически связанной с культурой городищ рогожной керамики, не вызовет недоумения и вторая часть свидетельства Ибн-Русте, которую А. Е. Алихова считает сомнительной.

Не следует забывать, что в середине I тысячелетия н. э. племена городищской культуры с правобережья расселились по левому берегу Волги. Доказательством этого являются селища типа Бабьего Бугра в Болгарах² и в Чердаклинском районе Ульяновской области³. Подобные же памятники известны и в районе рек Ахтая и Бездны⁴. По всем данным: форме жилищ, керамике, орудиям — эти селища (или стоянки) аналогичны одно-временным городищам и селищам поздней стадии городищ рогожной керамики правобережья Волги. При этом важно учесть, что на правом берегу эта культура представлена всеми стадиями от ранних до поздних, а на левом берегу самые ранние стоянки относятся к V—VI вв. Расселение племен культуры рогожной керамики по левобережью Волги, повидимому, связано с развитием земледелия и переходом к плужной обработке земли. Приведенные данные показывают, что с середины I тысячелетия н. э. указанные племена занимали не только лесную часть правобережья, но и степное левобережье. Напомню о мордовских могильниках на левом берегу Волги, например о Барбашинском могильнике близ г. Куйбышева областного. При таком расселении буртасов нет ничего странного и в разведении ими верблюдов, которые встречаются значительно севернее, чем предполагает А. Е. Алихова. Верблюды были известны жителям Болгар и в Казани, о чем свидетельствует русская летопись. Так, под 1376 годом отмечено: «Тое зимы посила князь великы Дмитрей Ивановичь князя Дмитрея Михайловича Волинского ратью на безбожныя Болгары..., с ними же, бояр и вья многы, и приидоша к Болгаром в великое говенье марта в 16 в понедельник на верьбной неделе. Погани же изьидоша противу их и сташа на бои... а друзии на вельбудех выехаша, полошающе кони Русскыя...»⁵.

¹ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях... Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 22.

² КСИИМК, XXXIII, М., 1950, стр. 76.

³ Историко-археологический сборник Ин-та музейной и краеведческой работы. М., 1948, стр. 188.

⁴ КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 136.

⁵ ПСРЛ, том XV, 1949, стр. 192.

Кости верблюдов (большие фаланги) неоднократно были находимы при раскопках на территории городища Великие Болгары.

Вышеприведенное свидетельство Аль-Масуди, которое А. Е. Алихова связала с предкавказскими болгарам, не имеет отношения к Северному Кавказу, так как относится к волжским болгарам-мусульманам. Болгары, оставшиеся в Предкавказье, в X в. еще не были мусульманами. Мусульманство на Северном Кавказе явление довольно позднее, проникшее сюда из Турции и из Крыма¹.

Текст Аль-Масуди в приводимом ниже переводе Маркварта не позволяет толковать сведения арабского писателя так, как сделала это А. Е. Алихова. «После описания одного нашествия племени Рос (Ros) в область Каспийского моря, говорится, что Хазарский князь, получив от них условленную часть добычи,— за то, что не препятствовал их набегу,— на обратном пути пропустил их в устье Хазарской реки. Но гвардия и живущие в их земле мусульмане,— пишет Аль-Масуди,— заметив слабость русского отряда, сказали Хазарскому князю: «Дай нам разрешение напасть на этих врагов, ибо они сделали набег на земли наших мусульманских братьев и пролили их кровь и увели в неволю женщин и детей». Хазарский князь не мог им этого запретить, но предупредил россов, что мусульмане решили на них напасть. Мусульмане собрались и поплыли вниз по реке, навстречу россам; когда же россы увидели плывущих мусульман, они оставили свои суда и выстроились на берегу в боевой порядок. На стороне мусульман находилось и множество христиан, живших в городе Итиле, так что число мусульман достигало 15 000 человек; они были снабжены копьями и вооружены. Бой продолжался три дня и бог даровал мусульманам победу над россами. Некоторые погибли от меча, а другие были потоплены. Убитых на берегу Хазарской реки, сколько можно было сосчитать, было 30 000 человек, а осталось около 5000 человек. Они ушли на своих судах по ту сторону (реки) поблизости к земле бургасов, оставили свои суда и продолжали отступление по суше, причем некоторые из них были убиты бургасами, а другие попали в землю болгар (мусульман), которые их перебили. Россы с того года не повторяли того, что мы рассказывали (своих набегов)»².

Здесь совершенно ясно говорится о том, что при своем отходе (достаточно далеко.— А. С.) русы погибли от бургасов и, отступая все далее, попали в землю болгар (мусульман), которые их перебили.

Приведенные А. Е. Алиховой сведения Ибн-Хаукаля надо разбирать в свете данных русской летописи и сообщения того же Ибн-Хаукаля о городе Болгаре. Это имеет значение при локализации бургасов, так как восточные писатели определяют их местоположение по соседству с булгарами.

Достоверность сведений Ибн-Хаукаля и других восточных авторов о городе Болгаре, по которым этот город занимал крайне ограниченную территорию, подтверждается археологическими данными. «Болгар небольшой город, не имеет большой территории. Он был некогда знаменит, так как был складочным местом торговли тамошнего государства. Но русские разрушили его в 358 г.» (Хиджры),— пишет Ибн-Хаукаль. Историки сопоставляют это разрушение с походом князя Святослава 965 г., который шел через землю Вятичей и спустился по Волге, «... и иде на Оку реку и на Волгу и налезе Вятичи и рече им кому дань даете. Они же ркоша Козаром.

¹ Е. Шиллинг. Народы Кавказа. М., 1931, стр. 10.

² Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge ethnologische und historisch-topographische. Studien zur Geschichte des IX und X Jahrhunderts. Leipzig, 1903, стр. 332.

По щелагу от рала даем. Иде Святослав на Козары. Слышавше же Козаре, изыдоша противу с князем своим каганом и съступишаса бити и бывши брани межи ими одоле Святослав Козаром и город их Белу Вежю взя и Ясы победи и касоги и приде к Киеву. Победи Вятичь Святослав и дань на них възложи»¹. Маршрут Святослава ясно показывает, какую территорию болгар и какой их город имеет в виду Ибн-Хаукаль.

Таким образом, анализ исторических данных не дает основания помещать буртасов на Северном Кавказе.

Топонимические данные, как правильно отметила А. Е. Алихова, свидетельствуют о распространении имени буртасов на территорию значительно шире территории, занятой мордвой, но совпадают, можно добавить, с распространением памятников поздней стадии городищ рогожной керамики.

Нельзя также не напомнить легенды о царице по имени Буртас, приведенной в исследовании Е. И. Горюновой о селище Полянки:

«Среди современного мокшанского населения окрестностей гор. Наровчата существует легенда о царице по имени Буртас, которая жила в замке на берегу Мокши близ Наровчата, боролась с татарами и, потерпев поражение, бросилась с башни в Мокшу. О царице Буртас мордва до сих пор поет песни. Фантастичность этого фольклорного сюжета не лишает его, однако, реального исторического смысла в общей совокупности обломков „буртасского“ прошлого этого края»².

Приведенные факты дают полное основание считать буртасов одним из мордовских племен. Сопоставление всех письменных данных позволяет прийти к следующим выводам.

Античные историки как будто включали население Среднего Поволжья в группу будинов. Письменные источники первой половины I тысячелетия н. э. ничего не говорят об этих народах, дальнейшая история которых, в частности мордвы, до времени, когда она становится известной арабам и русским, известна плохо. На основании письма хазарского царя Иосифа к одному испанскому еврею, датированного X в., мы знаем, что в эпоху расцвета Хазарской державы мордва находилась в зависимости от нее и, подобно многим племенам Восточной Европы, платила дань хазарскому кагану.

Письмо царя Иосифа заслуживает особого упоминания главным образом потому, что в нем мы встречаем названия племен: буртас и арису. Первое из них хорошо известно по сведениям арабских путешественников X в.; оно упоминается также в «Слове о погибели Русской земли» XIII в. и в русских грамотах XVI—XVII вв. Второе мы встречаем в арабских источниках под именем страны Арты-Артании.

Сведения арабских путешественников Ибн-Даста, Эль-Балхи, Масуди и других, относящиеся к X в., говорят о зависимости мордвы от хазарского кагана. Эти сведения, весьма отрывочные, указывают на существование у мордвы патриархальных отношений, племенных союзов и работорговли.

В середине X в. в положении мордвы наступило изменение. Походы киевского князя Святослава в 964 г. в район рек Оки и Волги, в частности на соседей мордвы — вятичей, и в 965 г. на хазар положили конец зависимости мордвы от хазарского кагана и подчинили ее киевскому князю. Летописец при перечислении народов, платящих дань русским, упоминает и мордву.

По историческим документам XIV в. известны только два мордовских племени. «Слово о погибели Русской земли» XIII в. знает буртасов и мордву. Однако указания этого документа не дают возможности точно

¹ ПСРЛ, II, стр. 54.

² Е. И. Горюнова. Селище Полянки. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 110.

локализовать то или другое племя. И только исходя из того, что буртасы упоминаются рядом с булгарами, а мордва — с мари, можно полагать, что первые занимали восточную часть Среднего Поволжья, а вторые — северо-западную. К тому же времени относится свидетельство миссионера XIII в. Рубруквиса, который знает племена моксель и мердас. Сравнивая локализацию мордовских племен Рубруквиса с данными «Слова о погибели Русской земли», приходится признать, что буртасы соответствуют мокше, а мордва совпадает с мордвой «Слова».

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

ВОДООТВОДНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

(Доклад, прочитанный на заседании Сектора Славяно-русской археологии ИИМК
8 декабря 1949 г.)

Среди проблем, связанных с историей материальной культуры древней Руси, большой интерес представляет вопрос о водоотводных сооружениях древнего Новгорода. Этот интерес усиливается тем, что открытые работами советских археологов в Новгороде (а в последние годы и в Москве) прекрасно сохранившиеся остатки водоотводных сооружений являются совершенно оригинальными по конструкции и в то же время древнейшими в Европе. Новгородцы славились в древности как искусные плотники, чему ярким свидетельством служат многочисленные изделия из дерева и остатки различных сооружений хозяйственного назначения, обнаруженные при раскопках. Среди последних водоотводные сооружения вызывают искреннее изумление не только грандиозностью, но также и чрезвычайно высоким для того времени техническим совершенством.

В настоящей статье автор ставит задачей осветить, насколько позволяют источники, вопрос об этих памятниках строительного искусства и благоустройства древнего Новгорода.

В результате изучения археологических материалов и письменных свидетельств, касающихся данного вопроса, выясняется, что остатки тех сооружений, которые со времени их открытия и опубликования в печати (1938 г.) считались водопроводными¹, в действительности представляют собой чрезвычайно разветвленную и широко применявшуюся в течение нескольких веков (начиная с XI по XVII в. включительно) сложную систему водоотводов, предназначавшуюся главным образом для осушки чрезмерно заболоченной и обильной подземными ключами и минеральными источниками местности, но отнюдь не для водоснабжения.

Влажность новгородской почвы явилась также причиной и для прокладки деревянных мостовых в Новгороде уже с X в.

Летописцы древнего Новгорода не оставили нам никаких известий о водопроводных сооружениях. В летописях мы не находим сведений, относящихся и к сооружениям водоотводным, хотя в других документах XV—XVII вв. их постройка в Новгороде отразилась.

Почему же сооружение в Новгороде водопроводов или водоотводов совершенно не упомянуто в летописях? На мой взгляд может быть только одно объяснение: прокладка водоотводных труб и рытье колодцев,

¹ А. Монгайт. Раскопки 1938 г. на Ярославовом Дворище в Новгороде. «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 194—195.

связанных в единую систему, не представляли для новгородцев ничего необычного.

Но скудость письменных известий щедро восполняется вещественными материалами (остатки водоотводных сооружений: трубы, колодцы, желоба и др.). Благодаря замечательным открытиям советских археологов в Новгороде, особенно в последние годы, мы располагаем значительным числом подобного рода памятников.

Вопрос о существовании водопровода в древнем Новгороде возник немногим более 10 лет назад. По этому вопросу писали многократно, но специально им никто еще не занимался. Это объясняется тем, что состояние археологических источников до последних лет не позволяло заняться более детальным изучением так называемого новгородского водопровода.

Лишь огромный размах археологических исследований в Новгороде в послевоенные годы предоставил в распоряжение историка первоклассный по качеству и сохранности и, на мой взгляд, совершенно достаточный материал для решения вопроса об устройстве водоотводных сооружений древнего Новгорода.

Что же представляют собой те вещественные источники, которые являются для нас основными? Здесь необходимо коснуться истории открытия водоотводных сооружений в Новгороде.

В 1937 г. раскопками Новгородского исторического музея на Ярославовом Дворище, с восточной стороны церкви Прокопия (раскоп № 1), были вскрыты деревянные желоба (рис. 6—7). Они залегали на глубине 1,8—2 м. Один из них, длиной более 12 м, шел с северо-востока на юго-запад¹. Желоб представлял собой полубревню, выдолбленную внутри. Очень возможно, что он являлся половиной деревянной трубы, другая половина которой была утрачена. Руководители раскопок (А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. К. Мантейфель) датируют желоб концом XVI—началом XVII столетия и относят его к наземной канализации², с чем едва ли можно согласиться. Желоб лежал непосредственно на срубе из 12 венцов, который они относят также к концу XVI в. Данная датировка вызывает сомнение, так как внутри сгоревшего сруба было встречено при его расчистке «много стеклянных браслетов»³, бытование которых прекращается на Руси в XIII в. На это обстоятельство указал А. В. Арциховский⁴, выразивший недоумение по поводу такой датировки. Непонятен и вывод авторов, будто бы устройство водостоков на Ярославовом Дворище вызывается уклоном его к Волхову⁵.

В 1938—1939 гг. на Ярославовом Дворище, в непосредственной близости с юга и востока от ц. Николы (построенной в 1113 г.), производились раскопки под руководством А. В. Арциховского⁶. Здесь впервые были встречены деревянные составные трубы, круглые в сечении, по которым струилась вода⁷. Цилиндрические трубы А. В. Арциховский до последнего времени считал водопроводными⁸. Цилиндрические трубы составлялись из двух выдолбленных внутри полубревен (половин), которые плотно соединялись. Соединительный шов зигзагообразный. Кроме того, в том же раскопе

¹ НИС, вып. III—IV, 1938, стр. 183 и сл., рис. 25.

² Там же, стр. 192.

³ Там же, стр. 190.

⁴ А. В. Арциховский. Раскопки вост. части дворища в Новгороде. МИА, № 11, М.—Л., 1949, стр. 154.

⁵ НИС, вып. III—IV, стр. 192.

⁶ А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 152 сл.

⁷ Там же, стр. 165, рис. 8 б.

⁸ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 6, рис. 1 и 2. Пользуясь случаем, выражаю благодарность А. В. Арциховскому, предложившему мне тему данной статьи и разрешившему использовать материалы его раскопок.

№ 5 были обнаружены и бревенчатые водоотводы. «Водоотводы представляли собой бревенчатые четырехгранные сооружения значительно большего поперечника, обычно без дна»¹ (рис. 6—2).

Как отмечает А. В. Арциховский, один водопровод и два водоотвода (в раскопе № 5) были перерублены при сооружении сруба, относящегося к концу XI в. Трубы и другие водоотводные сооружения (кроме одной, более поздней трубы) относятся к первой половине XI в., так как «едва ли их стали бы перерубать вскоре после постройки»².

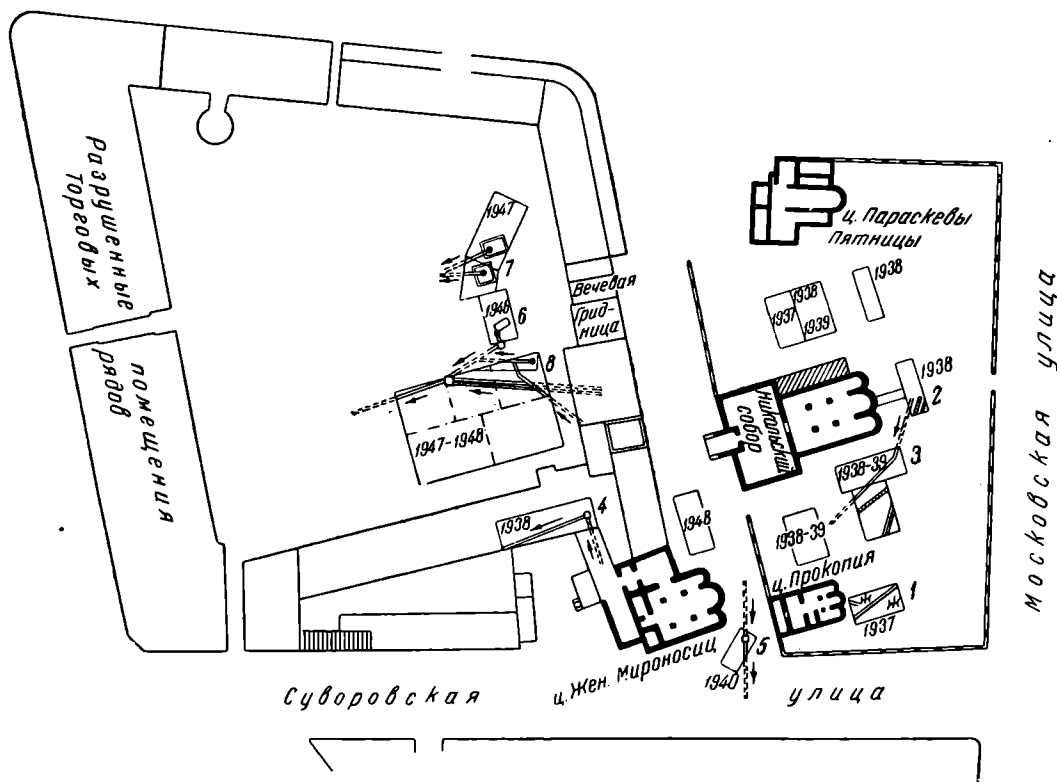

Рис. 6. Схема расположения водоотводных труб и соединительных колодцев на Ярославском Дворище (по материалам раскопок).

1 — раскоп № 1 Новгородского музея 1937 г.; 2 — раскоп № 5 1938 г.; 3 — раскопы №№ 6, 4 и 8 1938—1939 гг.; 4 — раскоп в здании завода «Крестьянин» 1938 г.; 5 — раскоп Новгородского музея 1946 г.; 7 — раскоп Новгородского музея 1947 г.; 8 — раскоп ИИМК (Яр) 1947—1948 гг.

Названные деревянные трубы и бревенчатый водоотвод были прослежены и в раскопах № 4, 6, 8 с южной стороны ц. Николая, где они залегали, так же как и в раскопе № 5 (с востока), на глубине 2,9 м в древнейшем культурном слое, ниже строительной прослойки 1113 г.³ В раскопе № 6 хорошо прослежено соединительное колено (две трубы соединялись под углом около 135°) (рис. 6—3).

Древнейшие водоотводы показаны на рис. 7—1, 4. А. В. Арциховский и Н. И. Фальковский считают, что различия в их конструкции соответствуют различиям в назначении⁴. А. В. Арциховский предполагает даже, что «водопроводы доставляли чистую питьевую воду из расположенных в

¹ А. В. Арциховский. Раскопки вост. части дворища в Новгороде. МИА, № 11, стр. 165; см. также ст. А. Монгайт. «Раскопки 1938 г. на Ярославском Дворище в Новгороде, стр. 194—195.

² А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 165, рис. 76 и в и рис. 56.

³ Там же, рис. 10 а.

⁴ А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 165; Н. И. Фальковский. История водоснабжения в России. М., 1947, стр. 32, 33.

более высокой части города ключей («такие ключи в районе Славной улицы известны доныне, вода в них очень чистая»). Позволю себе не согласиться с данным положением А. В. Арциховского хотя бы на том основании, что вода минеральных источников в Новгороде имеет примесь соли и для питья непригодна. Об этом свидетельствует и Б. К. Мантейфель, который брал анализ воды¹.

В том же 1938 г. А. А. Строков исследовал в одном из производственных помещений завода «Крестьянин», находившегося в здании торговых рядов (XVIII в.), примыкавшем к северной стороне ц. Жен мироносиц (1510 г.), смотровой колодезь и водопроводные цилиндрические деревянные

трубы. Одна труба (южная) входила в колодезь и из нее во время раскопок вытекало довольно много грязной воды (рис. 6—4). По другой трубе (западной) вода из колодезя отводилась в Волхов. Деревянные трубы состояли, как и трубы, вскрытые А. В. Арциховским, из двух половин. Они были обернуты в три слоя берестой².

А. А. Строков утверждает, что эти трубы были связаны в одну систему с трубами, открытыми А. В. Арциховским в том же году. Они залежали примерно на одной глубине. По всем признакам их можно отнести к тому же времени, что и трубы у Никольского собора, т. е. к XI — началу XII в. Строков, как и А. В. Арциховский, допускал, что данная система труб шла от вышележащего источника и снабжала в XII в. княжеский двор питьевой водой³.

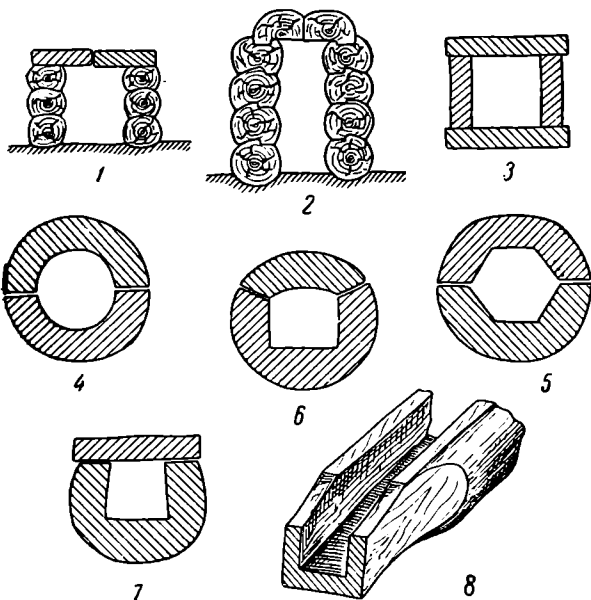

Рис. 7. Конструкция водоотводных труб и каналов (сечение):

1 — бревенчатый канал XI в. (Новгород); 2 — бревенчатый канал XVII в. (Москва); 3 — труба из толстых досок (Новгород); 4 — цилиндрические трубы XI—XVI вв. (Новгород) и XV в. (Москва); 5—7 — трубы XVI—XVII вв. (Москва); 8 — шип, конец трубы, затесанный на клив.

Кроме Ярославова Дворища в том же 1938 г. водоотводные трубы описанной конструкции и водостоки из дерева и кирпича были обнаружены и в самом Кремле. Они шли рядом с мостовой, параллельно ей, с севера на юг, и отводили сточные воды через Спасскую башню в ров. Авторы относят и трубы и водосточные желоба к концу XVII в. Эти трубы (диаметром 33 см) они называют то водосточными, то канализационными⁴.

В 1939 г. раскопки в Новгородском кремле у Спасской башни были продолжены. Вскрыта деревянная составная труба, шедшая поперек улицы с запада на восток. Исследователи предполагали, что эта труба подводила воду к шерстобитной мастерской XVI в., которая находилась рядом⁵.

¹ Б. К. Мантейфель. Отчет о раскопках на Ярославовом Дворище за 1946 г. Архив КПИ ИИМК.

² А. А. Строков. Отчет о раскопках древнего русского водопровода. НИС, вып. 6, 1939, стр. 16—21, рис. 2—5.

³ А. А. Строков. Указ. соч., стр. 21.

⁴ А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. НИС, вып. 5, 1939, стр. 8.

⁵ А. А. Строков и В. А. Богусевич. Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (Южная часть Кремля). НИС, вып. 7, 1940, стр. 9.

В 1940 г. А. А. Строков, продолжая раскопки Ярославова Дворища, в раскопе, заложенном у юго-восточного угла ц. Жен мироносиц, на глубине 170 см открыл соединительный колодец, покрытый сверху 7 плахами, тщательно подогнанными друг к другу, для чего некоторые были стесаны с боков. Плоскими сторонами горбыли были уложены на верхнем венце сруба колодца, а полукруглыми — обращены вверх. В этот крытый колодец с севера и юга входили деревянные трубы уже известной конструкции (из двух выдолбленных половин), причем наклон труб был к югу, т. е. к Волхову¹ (рис. 6—5).

Вся система вырыта в материковый песок и, по видимому, относится к глубокой древности (возможно к XI—XII вв.). По мнению Строкова, эти трубы не были связаны с водопроводом, открытым в 1938 г. А. В. Арциховским, а являлись продолжением другой системы труб и смотровых колодцев. Осенью 1940 г. при канализационных работах у юго-западного угла Никольского собора был обнаружен еще один смотровой колодец, по мнению Строкова, связанный с только что описанной системой у юго-восточного угла ц. Жен мироносиц². Строков считал эту систему водоотводом от вышележащего источника (на территории Немецкого торгового двора), но в то же время не допускал возможности предположения, что данные трубы были устроены для осушки Ярославова Дворища в связи с необходимостью предохранения от разрушения крупных каменных построек³. Главной причиной такого ошибочного вывода послужила тщательно закрытая конструкция обнаруженного сооружения, которая не нашла должного объяснения.

Большое значение имеют также, хотя и небольшие, но давшие ценный материал для нашей темы, раскопки Новгородского музея (1946—1947 гг.) под руководством Б. К. Мантейфеля⁴.

В 1946 г. в небольшом раскопе Новгородского музея на Ярославовом Дворище, неподалеку от вечевой башни (рис. 6—6), были открыты деревянные цилиндрические трубы, колодец и бочка, связанные в одну систему. Все остатки деревянных труб здесь относятся к XII—XIV вв.⁵. Они находились под различными постройками — всегда под нижним венцом срубов и представляют собой фрагменты разрушенной системы водоотводов.

В северной части раскопа, под нижними венцами сруба, были прослежены остатки дощатых желобов, которые служили для водосбора и отводили грунтовые воды из-под фундамента здания. Этот сруб с желобами под ним был исследован полностью в 1947 г.

Обнаруженные трубы залежали в слое XII в. в непосредственной близости от материка или на самом материке.

Половина трубы в одном из срубов, относящемся к XIV—XV вв., была положена прямо на материке⁶ под нижний венец и служила опорой сруба. На конце ее даже вырублена выемка для укладки бревна. Подобное применение трубы свидетельствует о том, что она входила ранее в какую-то водоотводную систему и, возможно, являлась продолжением того отрезка трубы с бочкой, который уходил в сруб колодца в южной части раскопа.

В этой связи необходимо отметить наблюдение Б. К. Мантейфеля, совершенно справедливо предположившего, что смотровой колодец в южной

¹ А. А. Строков. Раскопки на Ярославовом Дворе в 1940 г., НИС, вып. 8, 1940, стр. 7.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, сноска 1.

⁴ Архив комитета полевых исследований ИИМК, отчеты за 1946 и 1947 гг. Выражаю глубокую благодарность Б. К. Мантейфелю, разрешившему использовать материалы его раскопок.

⁵ Б. К. Мантейфель. Отчет о раскопках на Ярославовом Дворище в 1946 г. Архив КГИ ИИМК.

⁶ Там же, стр. 12, черт. 8.

части раскопа 1946 г. построен гораздо раньше, а позднее был использован для отвода вод от так называемого «мочила», находившегося рядом. «Мочило» (или «отмока») представляло собой резервуар для обработки кожи в виде прямоугольного ящика, составленного из вертикально вбитых сосновых плах. К юго-западному углу «мочила» примыкала деревянная бочка без дна, вкопанная в материковый песок. Она имела сбоку вырез, к которому примыкала деревянная составная труба, входившая в сруб колодца в южной стене раскопа на уровне 5-го и 6-го венцов¹. Весь этот комплекс: «мочило», бочка, труба и колодец, из которого выходила другая труба по направлению к Волхову, составлял как бы единое целое. По мнению исследователя, «мочило» и колодец относятся к XIV в. Можно думать, что смотровой колодец в южной стене раскопа 1946 г. относится к XII—XIII вв., а в XIV в. он был лишь приспособлен для обслуживания «мочила». Труба, выводившая из него воду в направлении к Волхову, по-видимому, другим концом входила в большой соединительный колодец, обнаруженный в 1947 г. и целиком исследованный в 1948 г. при раскопках А. В. Арциховского².

Нельзя согласиться с выводом Б. К. Мантейфеля о том, что изучение направления деревянных труб, вскрытых работами 1937, 1940 и 1946 гг., якобы показывает, что «все они радиально исходят от одной точки, одного мощного минерального источника (расположенного на одном из дворовых участков Михайловской улицы), воды которого явилась необходимость отводить в Волхов»³. Это предположение, в сущности, высказал еще до войны А. А. Строков на основании источников XV в., которые, на мой взгляд, не совсем правильно им были освещены. До раскопок 1947 г. такое мнение могло еще держаться, так как у нас не было доводов ни за, ни против него. Но в 1947—1948 гг. в результате раскопок ИИМК в Новгороде, а также археологических работ Новгородского музея на Ярославовом Дворище обнаружилось совершенно новые детали в устройстве водоотводов, позволяющие поставить вопрос о пересмотре установившегося взгляда относительно единого источника.

Раскопками Новгородского музея в 1947 г. был открыт ряд построек (срубов), располагавшихся по линии север—юг. В срубе № 3 сохранились остатки бревенчатого пола, под которым в углублении стояла осиновая бочка. На бочке лежал конец деревянной трубы, круглой в сечении, уже известной нам конструкции⁴. Эта труба шла от бочки под нижним венцом западной стенки сруба в направлении к Волхову (рис. 6—7, рис. 8). К концу трубы у бочки подходил обрубок другой трубы, проложенной под нижним венцом южной стены сруба № 3 из-под сруба № 4. У другого конца этого обрубка под срубом № 4 сохранились остатки второй бочки. Срубы № 3 и 4 (по отчету), примыкавшие друг к другу, по всей вероятности, представляли собой одно целое, одну постройку (возможно пятистенку) хозяйственного или торгово-ремесленного назначения.

В северо-западном углу сруба № 5 в полу обнаружен небольшой люк, закрывавшийся крышкой, сделанной из толстой доски, в которую было вбито железное кольцо, служившее для открывания люка. В половицах были аккуратно вырублены пазы для того, чтобы крышка не проваливалась под пол. Под крышкой оказался довольно толстый слой темноохристой

¹ Б. К. Мантейфель. Отчет за 1946 г., стр. 14—17, черт. 8, рис. 11, Архив КПИ ИИМК.

² А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 1.

³ Б. К. Мантейфель. Отчет за 1946 г., стр. 23, Архив КПИ ИИМК.

⁴ Б. К. Мантейфель. Отчет о раскопках на Ярославовом Дворище в 1947 г., стр. 14—15, черт. 10 и 11. Архив КПИ ИИМК.

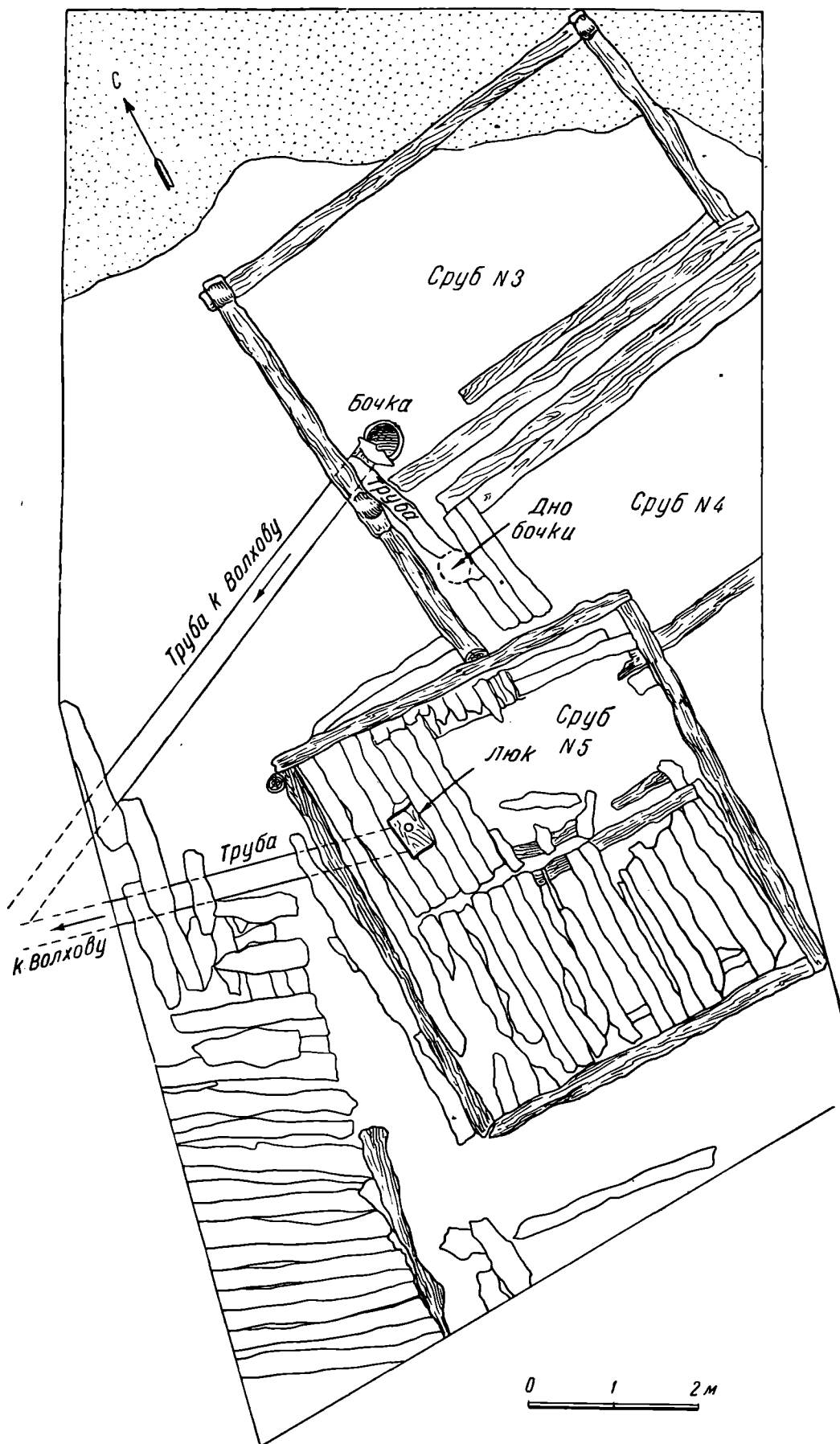

Рис. 8. Водоотводные трубы с бочками под срубами №№ 3 и 5
 (раскоп Новгородского музея 1947 г.).

губчатой массы (встречающейся во всех новгородских трубах) и бочка. От бочки, как и в срубе № 3, отходила труба, один конец которой плотно входил в специально сделанный для этого полукруглый вырез в верхней части стенки бочки (рис. 6—7. и рис. 9). Она была заполнена, как и трубы, землей и пористыми осадками. Труба (№ 2 по отчету) шла под нижним венцом сруба в западном направлении, т. е. опять-таки к Волхову. Промер 4-метровым шестом показал, что труба № 2 продолжалась за пределы раскопа, не изменяя своего направления. Трубы имели небольшой уклон к Волхову¹. Сруб № 5 относится по находкам вещей и стратиграфическим данным к XIII в.

У южной стены раскопа Новгородского музея 1947 г., где, следуя древнему рельефу местности, культурный слой шел глубже, были открыты остатки еще более древнего сооружения, сложного по своей конструкции и принятого исследователем за

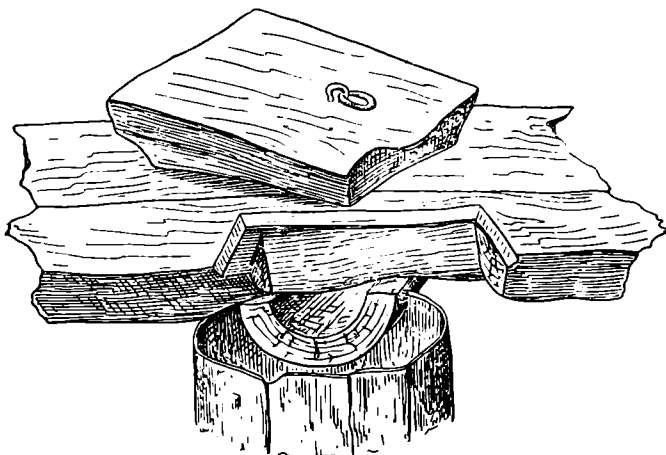

Рис. 9. Люк с крышкой и бочка с водоотводной трубой в срубе № 5.

остатки двух срубов (№ 6 и 7). Б. К. Мантейфель относит эти сооружения к XII в. Что названные в отчете срубы № 6 и 7 представляли собой одну постройку, видно по вырубкам на их бревнах, расположенным на одинаковом расстоянии от концов и параллельно друг другу². Эти вырубki предназначались для укладки на них следующего венца сруба. Об этом говорит и единая система водосбора под срубом.

Водосборная система проходит внутри сруба вдоль бревен нижнего венца. Она

представляет собой деревянный желоб из отесанных досок толщиной 5—7 см, поставленных на ребро и покрытых сверху такими же досками шириной 30—34 см. Сверху желоб был тщательно покрыт берестой, подобно тому как это прослежено и на цилиндрических трубах при прежних раскопках. Дна эти желоба не имели, так как они предназначались для поглощения грунтовых вод, поступавших снизу, и для вывода их за пределы сруба. Тщательное покрытие сверху предохраняло желоба от засорения. Внутри желоба были заполнены ржавой пористой массой — своеобразными осадками новгородских грунтовых вод. Сечение желобов прямоугольное, трапециевидные и почти треугольное, последние два вида, повидимому, являются результатом деформации.

Там же, на Ярославовом Дворище, в результате раскопок экспедиции ИИМК под руководством А. В. Арциховского в 1947—1948 гг. была вскрыта (рис. 6—8 и рис. 10) система цилиндрических деревянных труб различного диаметра и большой соединительный колодез, тщательно покрытый сверху тонкими бревнами и несколькими слоями бересты (рис. 11). Огромные трубы пересекали раскоп на протяжении более 35 м (рис. 10). Отдельные части трубопровода достигают более 18 м длины. Направление основной магистрали идет почти точно с востока на запад.

Вся эта грандиозная магистраль шла под многоярусной древней мосто-

¹ Отчет, стр. 19.

² Там же, стр. 20—21, черт. № 17.

вой обычной для Новгорода конструкции. Мостовая и водоотводы следовали по направлению от западного входа Николодворищенского собора к берегу Волхова, где в древности были расположены пристани.

В соединительный колодец под настилом мостовой с востока входило две трубы, одна из которых, более толстая, была перерублена при прокладке подобной же трубы (примерно в XVI в.). Канавка для поздней

Рис. 10. Водоотводная система Ярославова Дворища.

трубы прорезала все настилы мостовой в северо-восточном участке раскопа. Она шла с юго-востока на северо-запад. С северо-востока в колодец входила третья цилиндрическая труба под острым углом к северной стенке сруба колодца. Все три перечисленных трубы имели уклон к колодцу. Из западной стенки колодца выходила одна очень толстая труба (диаметром 50 см), по которой вода из колодца отводилась в Волхов. На протяжении 12 м от колодца до западной стенки раскопа она не имела ни одного стыка и продолжалась за пределами раскопа.

Здесь необходимо отметить, что в восточном и в западном профилях в местах выхода труб из стенок раскопа не наблюдалось каких-либо ям,

связанных с прокладкой труб. Они безусловно были проложены в глубокой древности и, по всем признакам, зарывались тогда на очень глубоко от поверхности земли.

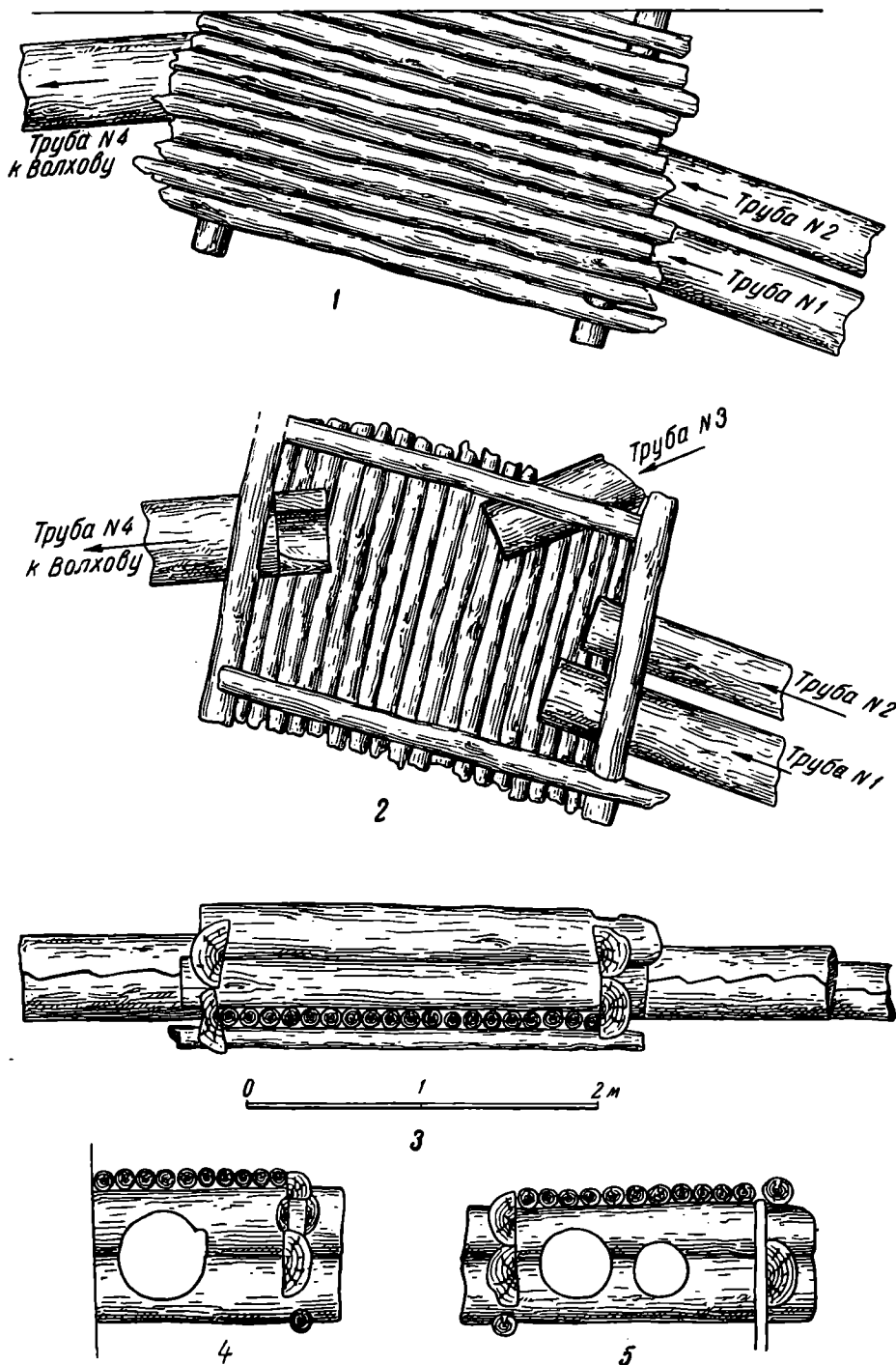

Рис. 11. Конструкция соединительного колодца с четырьмя трубами.

1 — крыша колодца после снятия бересты; 2 — концы труб и дно колодца; 3 — вид с юга; 4 — вид с запада; 5 — вид с востока.

Кроме описанной магистрали водоотвода под настилами мостовой в северо-восточной части раскопа в 1948 г. был открыт сруб очень большой и сложной постройки на сваях. Постройка относится к древнейшему слою. Внутри постройки находилась деревянная бочка без дна, от которой шла

цилиндрическая составная труба через весь сруб в западном направлении. Бочка стояла почти у восточной стены сруба; она имела сверху полукруглый вырез, куда плотно входил конец трубы, опиравшийся у самой бочки на специально подложенный толстый обрубок бревна¹ (рис. 12а). Труба лежала непосредственно на материке, на глубине более 2 м, и уходила из-под сруба в северную стенку раскопа под острым к ней углом. Бочка из дубовых клепок имела диаметр 62 см, высоту 71 см, сверху ее частично прикрывал сегмент крышки. Почти вся бочка была врыта в материк и заполнена темной губчатой массой с песком. Труба, отходящая от нее, имела диаметр 30 см и состояла из двух отрезков (восточного длиной 4,7 м и западного — 4,9 м). Стык отрезков шиповой (рис. 12б), соединительный шов выдолбленных полубревен трубы — зигзаговым. Место стыка обернуто берестой. Труба имела небольшой уклон к Волхову². В западный ее отрезок была грубо врублена труба XVI в., о которой уже говорилось. Она разрушила не только настилы мостовой, вдоль которой стояла большая постройка, но и южную стену самой постройки. Поздняя труба тоже имела шиповой и обернутый берестой стык; соединительный шов в отличие от более древних труб не зигзаговым, а прямой. Труба связана с верхним горизонтом второго культурного слоя (сверху)³.

К какому же времени относится вышеописанное сооружение? Чтобы ответить на этот важный вопрос, необходимо рассмотреть весь комплекс археологического материала.

Прежде всего отметим, что водоотводная магистраль была проложена на грани древнейшего и следующего за ним слоев, отличавшихся по цвету и включениям. Никаких следов нарушения культурных напластований, связанных с постройкой этой магистрали, не было. Отсюда следует, что трубы первоначально были уложены очень неглубоко от поверхности. Иначе говоря, они почти одновременны со слоем, в котором проложены. Наличие над всей системой пяти ярусов деревянных мостовых, нижний ярус которых опирается на крышу соединительного колодца, может также служить надежным подтверждением того, что трубы закапывались неглубоко от поверхности земли, так как прокладка мостовых производилась по поверхности земли. Поэтому настилы мостовых следует относить именно к тем слоям, в которых они залегают, или даже к несколько более древним.

Постройку интересующей нас водоотводной магистрали можно отнести к XII—XIII вв. Подтверждением этой даты могут служить и находки с надписями в одном с ней горизонте: «Еваньский локоть», днище бочки с надписью «Юришина», колодка с надписью «мнези»⁴, которые по палеографическим данным относятся М. Н. Тихомировым к XII—XIII вв.

В 1947 г. экспедиция ИИМК под руководством А. В. Арциховского производила также раскопки на Софийской стороне, на углу ул. Льва Толстого (б. Чудинцевская) и площади Победы.

Там, как и на Ярославовом Дворище, были прослежены системы труб и колодцев⁵. В раскопе был обнаружен колодец размером 1,5 × 1,5 м. Верхний венец его был скреплен со следующим деревянными гвоздями (по углам). Всего удалось проследить 22 венца до глубины 4,85 м. На глубине 2,45 м от поверхности раскопа в колодец входили две цилиндрические деревянные трубы, одна с северо-запада — через западную стену колодца, другая с юго-запада — через южную стену, а несколько ниже, на глубине

¹ Отчет о раскопках в Новгороде в 1948, стр. 98, Архив КПИ ИИМК.

² Там же, стр. 102.

³ См. отчет за 1948 г., стр. 104.

⁴ А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 122; его же. Раскопки в Новгороде, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950.

⁵ См. Отчет экспедиции за 1947 г., стр. 83 и сл. Архив КПИ ИИМК.

2,58 м, была обнаружена третья такая же труба, выходящая из колодца с юга (рис. 13). Две первые трубы имели уклон в сторону колодца, а третья, находившаяся ниже первых, наоборот, имела уклон от колодца. Диаметры этих труб почти одинаковы (25—28 см внешний, 14—15 см внутренний). Они, как обычно, составлены из двух долбленных полубревен. Перед

Рис. 12а. Бочка с отходящей от нее трубой под срубом XI в.

нами, повидимому, типичный смотровой колодец, возможно, служивший одновременно поглотителем грунтовых вод. По двум трубам вода поступала в него, по третьей отводилась из колодца. Направление отводной трубы заставляет думать, что она связана с другими подобными колодцами. В том же слое была и другая система. Прямоугольный небольшой сруб с дощатым полом (площадью около 7 м²) в южной части раскопа имел подобную отводную трубу, которая лежала прямо на полу и через северную стену сруба уходила в поглотительный колодец своеобразной конструкции, сложенный из угловых столбов и горбылей, входивших своими концами в пазы столбов. С юго-востока в него входила другая труба. Глубина колодца прослежена на 13 венцов (до глубины 4,75 м). Выводной трубы этот колодец не имел, что заставляет считать его поглотительным.

В срубе с дощатым полом и около него толстым слоем залегал навоз. Вероятнее всего сруб был хлевом, откуда нечистоты стекали по трубе-

в поглотительный колодец, отстоявший от хлева на расстоянии 3 м. Труба на этом участке имела уклон в 14 см.

Все эти своеобразные сооружения с трубами залегали в слое, почти без перекопов, сравнительно хорошо датирующемся XIII—XIV вв.¹

Деревянные составные цилиндрические трубы были встречены на Софийской стороне и в других местах, а именно в 1948 г. при земляных работах на ул. Горького, около ресторана². Можно думать, что и в других

126. Шиповое соединение концов водоотводных труб.

частях города будут найдены подобные трубы. Осенью 1949 г. водоотводные трубы впервые были встречены и в Москве, в Зарядье. Их направление было к Москве-реке.

* * *

Нет сомнения, что вышеописанные сооружения были водоотводными. Новгород, расположенный в водообильной местности, не нуждался в столь грандиозных сооружениях для снабжения населения питьевой водой.

¹ См. отчет Новгородской археологической экспедиции ИИМК за 1947 г., стр. 82—83, Архив КПИ ИИМК.

² По сведениям Б. К. Мантейфеля, лично наблюдавшего за работами и сообщившего мне об этом в письме.

Наличие такой мощной реки, как Волхов, и ряда других речек вроде Витки и Гзени и ручьев вроде Федоровского и Тарасовца¹, впадающих в Волхов в пределах города, полностью обеспечивали население питьевой водой. Они-то и служили главным источником водоснабжения Новгорода, наряду с рытыми колодцами, доходившими до слоев с пресной водой. Внутри крепости (Кремля), где нет никаких ручьев, особенно широко должны были использоваться именно

использоваться именно рытые колодцы. Но там, повидимому, существовали, кроме колодцев и прудов, как и в других крепостях древней Руси, и тайники к реке.

О наличии колодцев в Новгороде говорят и летописи. Так, Новгородская II летопись сообщает, что 20 августа 1508 г. в Новгороде был пожар, «...и погорела торговая сторона вся». Во время этого пожара люди искали спасение не только в реке, но и в колодцах. Много народа сбежалось в какой-то «Воробузьевский сад» на Никитине улице, где было много колодцев, но и они все

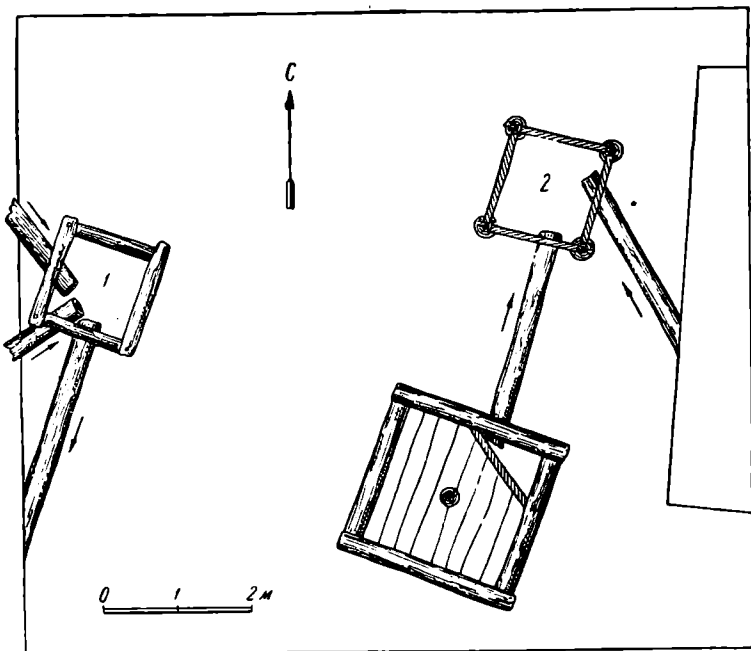

Рис. 13. Водоотводные сооружения XIII—XIV вв. на Софийской стороне.

1 — соединительный колодец с трубами; 2 — поглотительный колодец (стрелки указывают уклон труб).

выгорели. Летописец с удивлением отмечает, что некий 12 человек с трудом нашли уцелевший «кладезь велик зело и тамо те человеци в том кладези избыша от огня, и тии здрави быша и из сада изидоша ничем же невредими»².

Вот эти-то многочисленные «кладези» и служили дополнительным источником водоснабжения в случае осады города врагом. Еще более они были необходимы в Новгороде на случай частых пожаров.

Доставлялась вода из рек и ручьев ведрами на коромыслах — и те и другие обнаружены в древних слоях при раскопках Ярославова Дворища экспедицией ИИМК 1947—1948 гг. В более отдаленные от реки кварталы воду возили в деревянных бочках, которые также встречаются при раскопках довольно часто. Одна такая бочка была обнаружена у так называемого «мочила» в раскопе Новгородского музея 1946 г. Она имела сбоку квадратный вырез, как и в современных водовозных бочках, но использовалась уже не по своему первоначальному назначению, а была приспособлена для водоотвода. Поэтому-то мы здесь и видим единственный случай, когда конец трубы входил в бочку не сверху, в специальный полукруглый вырез,

¹ См. топографическую схему Новгорода, Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 13.

² ПСРЛ, III, 1841, стр. 147.

а примыкал к квадратному отверстию (20 × 20 см) сбоку, примерно в середине¹.

Н. И. Фальковский совершенно прав, говоря, что «не нужны были русским городам акведуки — их техническая и экономическая нелепость в условиях нашей равнинной и водообильной местности очевидна»². Особенно очевидна она в Новгороде, где обилие подземных вод побуждало новгородцев искать способы избавиться от них. И эта проблема борьбы с грунтовыми водами, причинявшими массу неудобств, особенно торговым складам, была блестяще разрешена новгородскими плотниками уже в XI в. путем создания водоотводов.

Мнение некоторых исследователей (А. А. Строкова, Н. И. Фальковского, А. В. Арциховского), считавших рассматриваемые сооружения водопроводными, исходящими от одного источника и доставлявшими питьевую воду к княжеским постройкам³, не может быть принято уже потому, что вода новгородских подземных источников имеет значительную примесь соли. Естественно, что такая вода не могла использоваться для питья при наличии поблизости пресноводных рек и ручьев. Вообще в этом отношении весь район озера Ильмень однороден — всюду в его окрестностях наблюдаются соленые источники. Известно, что в Старой Руссе с XVI в. вода подобных источников служила сырьем для выварки соли⁴. Новгородская краеведческая экспедиция обследовала около 30 минеральных источников (с 1935 по 1937 г.) в Шимском и Новгородском районах⁵. Интересно в этой связи наблюдение Б. К. Мантейфеля, что обычные в новгородских древних трубах осадки в виде рыхлой массы цвета ржавчины (темноохристого) совершенно аналогичны осадкам на подводных предметах источника «Солонец» близ д. Мшаги Шимского района Новгородской области⁶. В новгородских минеральных источниках вода имеет примесь не только соли, но и различных газов, в том числе азота, что также влияет на ее вкусовые качества.

Нельзя согласиться с мнением о существовании так называемого «единого источника», находившегося в 300 м выше Ярославова Дворища, на месте б. Немецкого торгового двора, от которого, будто бы, и был проведен водопровод на Ярославово Дворище. Мнение это впервые высказал в 1938 г. А. Л. Монгайт, основываясь на данных Новгородского отдела коммунального хозяйства⁷. А. А. Строков подкрепил это мнение ссылкой на документ деловой переписки Немецкой торговой конторы XV в.⁸ Этому мнению придерживался и Б. К. Мантейфель⁹. А. В. Арциховский считает, что вода на Ярославово Дворище доставлялась по трубам из расположенных в более высокой части города ключей на Славной улице¹⁰.

Все названные авторы правы в том смысле, что трубы отводили воду из высоко расположенных источников, а источников таких в Новгороде очень много. Они имеются всюду: и на Славной улице, и в районе б. Немецкого двора, и по ул. Белинского, и даже при раскопках на самом Ярославовом

¹ Б. К. Мантейфель. Отчет за 1946 г. Архив КПИ ИИМК, стр. 17, рис. 9, 11.

² Н. И. Фальковский. История водоснабжения в России, М., 1947, стр. 7.

³ Н. И. Фальковский. Ук. соч., стр. 24—25.

⁴ Там же.

⁵ Б. К. Мантейфель. Естественные богатства Ильменского бассейна. НИС, вып. 3—4, 1938, стр. 180.

⁶ Отчет за 1946 г., стр. 13.

⁷ А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 194—195.

⁸ А. А. Строков. Отчет о раскопках древнего русского водопровода, НИС, вып. 6, 1939, стр. 21.

⁹ Б. К. Мантейфель. Отчет за 1946 г., стр. 23. Архив КПИ ИИМК.

¹⁰ А. В. Арциховский. Раскопки вост. части дворища в Новгороде, МИА, № 11, стр. 165.

Дворище постоянно наблюдались подземные ключи. При раскопках в Новгороде грунтовые воды буквально заливают раскоп даже на сравнительно незначительном уровне от поверхности (от 1,5 м), и чем ниже, тем интенсивнее.

Если бы дело было в каком-то одном источнике или даже в нескольких, вопрос осушки решался бы легко.

В переписке Немецкой торговой конторы в Новгороде с Дерптом и другими городами мы находим упоминание не об источнике питьевой воды, как думал А. А. Строков, а о грунтовых водах. Приведу содержание всех трех документов, касающихся нашего вопроса, как оно передано Германом Гильденбрандом¹ «12 мая 1431 г. Дерпт, сообщая Ревелю письмо немецких купцов в Новгороде (в котором обращает внимание на необходимость починки церкви и на проведение водосточной трубы для осушки двора), заявляет, что на следующий год хочет послать туда каменщика и просит Ревель о сообщении мнения по этому предмету» (док. № 107). Здесь ясно говорится, что проведение трубы было необходимо для осушки торгового двора, т. е. для отвода обильных в Новгороде грунтовых вод.

Из следующих документов, непосредственно по содержанию связанных с первым, следует, что через год (в 1432 г.) церковь была починена (док. № 111), а проведение трубы задержалось на несколько лет. Интересно, что новгородские купцы очень ловко использовали этот случай с трубой для своей выгоды в Ревеле. 17 апреля 1437 г. «Фролик Ниенло и Потгоф, старшины Новгородской конторы (немецкой.— А. М.) уведомляют Ревель, что Новгород хочет допустить проведение трубы для осушки конторы только в таком случае, когда русским в Ревеле дозволено будет в своей церкви иметь дверь, выходящую на улицу». Что это была водосточная труба, становится особенно ясным из документа № 146 (от 14 апреля 1438 г.): «Дерпт уведомляет Ревель об отправке плотника в Новгород для устройства водосточной трубы». Ясно, что речь идет именно о деревянной трубе, если дело касается плотника, т. е. о такой трубе, какие уже несколько столетий применялись в Новгороде.

Для нас представляют также чрезвычайный интерес хотя и поздние (XVII в.), но очень ценные сведения письменных источников о водоотводных сооружениях Новгорода и его окрестностей. Архимандрит Макарий сообщает в своем труде² об одной «настенной летописной надписи» в ц. «великомученика Никиты» на Торговой стороне Новгорода, где было сказано, что 29 марта 1674 г. по царскому указу были отпущены деньги «на церковное построение» и что на эти деньги были произведены значительные работы по обновлению и украшению ц. Никиты «и быки каменные и трубы под землей до Волхова и кладези ископаны»³. Здесь речь идет безусловно о прокладке новых (или чистке и ремонте старых) подземных водоотводных труб от ц. Никиты до Волхова.

Другое известие того же времени (70-е годы XVII в.) относится к ц. Покрова в Савво-Вишерском монастыре⁴. Этот монастырь основан в 1417 г. и расположен в 10—11 км к северо-востоку от Новгорода, на р. Вишере (притоке Малого Волхова). Каменная церковь Покрова была построена во второй половине XV в. новгородским архиепископом Ионой.

¹ Г. Гильдебранд. Отчет о розысканиях, произведенных в Рижских и Ревельских архивах по части русской истории. Записки Акад. наук, т. 29, кн. 1, СПб., 1877. Приложение к т. 29, Зап. ИАН, № 3, СПб., 1877, стр. 39 и сл. док. № 107, 140 и 146.

² Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860.

³ Там же, стр. 391—392.

⁴ Там же, стр. 627—633.

В 70-х годах XVII в. игумен Савво-Вишерского монастыря Иосиф писал царю о том, что ц. Покрова «по причине болотистости места начала несколько оседать, и стали появляться на ней трещины». Иосиф просил царя приказать: «Засоренные подземные трубы, проведенные из монастыря в реку Вишеру, вычистить и порыть колодези»¹. Согласно прошению игумена, сообщает Макарий, трубы были немедленно вычищены и исправлены, расселины и трещины в церкви починены.

Перед нами типичная система водоотвода в условиях, аналогичных новгородским. При этом ясно, что здесь водоотвод древний, повидимому, относящийся ко времени постройки церкви, т. е. к XV в., который в XVII в. лишь ремонтировался.

* * *

Остановимся теперь на вопросе устройства водоотводной системы, как она представляется в целом, и на составных ее частях. Это позволит уяснить взаимосвязь и назначение отдельных звеньев. В Новгороде существовало много водоотводных систем, но принцип их устройства один и тот же. Водоотводная система в целом состоит из следующих основных и последовательных звеньев: водосбор — выводная труба — смотровой или соединительный колодец — магистральный водоотвод до реки. Эта схема может иметь разнообразные вариации.

Водосборы — это приспособление для собирания грунтовых вод под сооружениями. В Новгороде пока известно два вида водосборов. Первый представляет собой околостенный крытый желоб без дна из толстых тесаных досок. Форма сечения его — прямоугольник (в виде буквы П). Один такой водосбор известен под срубом № 6—7 раскопок Новгородского музея 1947 г. на Ярославовом Дворище. Такая конструкция рассчитана на поглощение поступающих снизу грунтовых вод, которые затем самотеком уходят из-под сруба. Относится он к XII в.

Второй вид, встреченный на Ярославовом Дворище пять раз, представляет собой бочку без дна, стоящую в углублении под срубом (рис. 6, 8, 9, 12 а). В бочке всегда имеется полукруглый вырез для конца выводной трубы. Бочка обычно зарывается в грунт почти доверху. Она служит своего рода отстойником, в котором осаждаются все твердые частицы вроде песка, и таким образом предохраняет выводную трубу от засорения. Не будь этого приспособления, выводная труба очень быстро забивалась бы грязью. Отсутствие дна у бочек под срубами рассчитано на поглощение грунтовых вод снизу, по принципу сообщающихся сосудов. Обычно под срубами, где имелся подобный водосбор, специально оставлялось определенное пространство между полом и грунтом.

В срубе № 5 раскопок Новгородского музея 1947 г. сохранился в полу люк с деревянной крышкой, непосредственно под которым стояла бочка. Повидимому, люк устраивался для того, чтобы можно было время от времени очищать бочку от накапливающейся в ней грязи. В большом срубе раскопок ИИМК 1948 г., где была подобная бочка с трубой (рис. 12 а), примерно в том же горизонте найден деревянный черпак, использовавшийся, повидимому, для вычерпывания грязи из бочки. Черпаки подобной формы употребляются обычно на волжских судах и лодках для вычерпывания воды. Большой сруб датируется XI в. Следовательно, и второй вид водосборов появляется также в XI в. Повидимому, он наиболее распространенный.

Грунтовые воды, накапливавшиеся под сооружениями, выводились за

¹ История Российской иерархии, часть III, стр. 557.

их пределы при помощи *выводной* трубы, которая залегала во всех случаях под нижним венцом сруба. Конец ее вставлялся в специально сделанный полукруглый вырез в стенке бочки. Труба углублялась в бочку примерно на половину своего диаметра. Вода, по мере накопления, поступала из бочки в имевшую небольшой наклон трубу, по которой самотеком уходила за пределы сооружения.

Выводные трубы от разных построек другими концами входили в соединительные или смотровые (иногда поглотительные) колодцы. Смотровые — глубокие, лишенные покрытия колодцы играли, по видимому, роль отстойника, время от времени очищавшегося. Подобные колодцы встречены в раскопе Новгородского музея 1946 г. (Ярославово Дворище) и в раскопе ИИМК 1947 г. на Софийской стороне. В смотровой колодец вода поступала по одной, двум или трем трубам. Из него же выводилась по одной трубе.

Соединительными я называю невысокие, тщательно покрытые сверху колодцы, основное назначение которых было соединять систему труб. Они придавали известную прочность всему сооружению и определенное удобство при ремонте отдельных участков водоотвода. Действительно, если на продолжительном расстоянии трубы прокладывались бы без подобных колодцев, имея несколько стыков, было бы неизбежно их разъединение при всякого рода смещениях. Кроме того, при таком положении из-под каждого сооружения пришлось бы прокладывать особый водоотвод до реки, что безусловно затруднило бы постройку, не говоря уже об экономической нецелесообразности. В соединительный колодец вода может поступать по нескольким трубам, а выводиться по одной. Такой колодец был открыт на Ярославовом Дворище в 1947—1948 гг. экспедицией ИИМК и ошибочно назван водоразборным бассейном¹. Он залегал непосредственно под многоярусной мостовой, лаги нижнего яруса которой были уложены прямо на его крышу. Конструкция колодца следующая: большой для этого рода сооружений сруб в 2 венца (рис. 11) из толстых горбылей, обращенных плоскими сторонами внутрь. Сверху он был покрыт двенадцатью тонкими бревнами и несколькими слоями бересты. Дно также выложено тонкими бревнами, и все пазы между нижним венцом сруба и настилом дна и между венцами тщательно заделаны деревянными клиньями. В основании колодца были положены четыре тонких бревнышка, на которых и покоился весь сруб. Длина колодца 2,67 м, ширина 1,88 м, высота всего лишь 84 см (без крыши и дна)². В колодец входили с востока две трубы и с северо-востока третья. Уклон всех труб — к колодцу. Четвертая труба шла из колодца по направлению и с уклоном к Волхову.

Отводные трубы, по которым вода направлялась к реке, в сочетании с соединительными колодцами, в которые, по мере приближения к реке, могут подключаться выводные трубы из-под различных построек, составляют магистральный водоотвод.

На Ярославовом Дворище под мостовой проходила именно такая магистраль, к которой с северо-востока подключался водоотвод какой-то постройки, расположенной неподалеку. Возможно, что эта труба связана посредством подобного же соединительного колодца с комплексом «мочила», обнаруженным раскопками Новгородского музея 1946 г., и, может быть, с большой постройкой, открытой экспедицией ИИМК 1948 г.³

¹ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 6, рис. 1.

² А. В. Арциховский. Отчет о раскопках в Новгороде за 1948 г., стр. 83, Архив КПИ ИИМК. А. В. Арциховский. Ук. соч.

³ Если последнее предположение подтвердится раскопками, то время сооружения магистрального водоотвода придется отнести к XI в., а не к XII—XIII.

Магистральный водоотвод был открыт и в Кремле и относился, по мнению исследователей, к XVII в. Он шел вдоль мостовой Епископской улицы с севера на юг через проезд Спасской башни в ров¹. Это направление магистральных водоотводов, связанное с направлением уличных мостовых, не случайно. Такое взаиморасположение значительно облегчает ремонт всей системы или очистку ее. На Ярославовом Дворище, как уже отмечалось выше, магистральный водоотвод и многоярусная мостовая имеют направление от западного входа Николодворищенского собора к берегу Волхова. На этом основании можно предполагать, что две параллельных трубы, идущие от ц. Николы к соединительному колодцу, могли быть связаны с постройками перед собором, на месте которых ныне стоит каменный жилой дом (а может быть, и с самим собором).

Такова в основных чертах схема устройства Новгородского водоотвода. Возникает вопрос, почему в соединительных колодцах число вводных труб доходит иногда до трех, а выводит воду из колодца только одна труба. Сможет ли вся вода, поступающая по трем трубам, одновременно вытекать из колодца только по одной? Для положительного ответа нужно учесть следующие обстоятельства: грунтовые воды никогда не заполняли вводных труб полностью; вода, накапливающаяся в бочках или в других водосборных приспособлениях под сооружениями, поступала в трубу постепенно, а не мощным потоком, как это бывает на поверхности земли во время дождей. Благодаря наклону трубы вода, не задерживаясь, поступала в колодец. Труба выводная, как правило, имеет больший диаметр, чем вводные, хотя, по моему мнению, это и не так существенно. Гораздо важнее больший наклон выводной трубы, благодаря чему скорость течения в ней воды значительно превышает скорости течения во вводных трубах.

Предположение, что описанные выше колодцы были водоразборными и что вводные трубы доставляли воду из различных источников (ключей) в эти колодцы, необоснованно. Ему противоречат многие факты, важнейшими из которых считаю следующие. Во-первых, в системе труб и колодцев на Ярославовом Дворище мы видим «начало» вводных труб, т. е. тот «источник», который питает эти трубы,— это подполье срубов с водосбором в виде углубления с бочкой; во-вторых, соединительные колодцы тщательно покрывались сверху тонкими бревнами (жердями) и несколькими слоями березовой коры для того, чтобы в колодцы и, следовательно, в трубы не попадали песок и грязь, которые могли засорить трубы; и, в-третьих, расположение магистральной линии под деревянными настилами мостовых.

Употребление деревянных труб для водоотводов в Новгороде было наиболее рациональным, так как в условиях новгородской почвы дерево прекрасно сохраняется сотни лет. Камень и кирпич для этой цели менее подходят: от постоянного соприкосновения с водой, да еще с примесью солей, и камень, и кирпич быстро разрушаются (раскрашиваются). К тому же дерево было гораздо экономичнее в силу обилия лесов вокруг Новгорода. Форма цилиндрических труб, существующая с XI по XVII в. включительно, чрезвычайно устойчива. Она подсказана новгородским мастерам самой природой и прекрасно использована ими. Такие трубы гораздо прочнее и долговечнее труб квадратной формы, получивших широкое развитие в более позднее время и применявшихся в канализации вплоть до нашего времени.

Вызывает удивление высокая техника выделки деревянных труб; тщательность и аккуратность их обработки свидетельствуют о высоком мастер-

¹ А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. НИС, вып. 5, 1939, стр. 8. А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий, Л., 1939, стр. 235.

стве новгородских плотников, в совершенстве владевших своим искусством. Они умели оценить качества и свойства отдельных пород дерева. Все новгородские трубы сделаны из огромных сосновых и лиственничных бревен — прекрасного материала для подобного рода сооружений. Прямослойное дерево наиболее отвечает требованиям, предъявляемым к трубам: сосна и лиственница наиболее водонепроницаемы. Для выделки выбирались более толстые деревья, диаметр которых доходит до полуметра (у комля). Все новгородские трубы составлялись из двух половин (полубревен), выдолбленных внутри очень тщательно и аккуратно (рис. 7—4). Соединительный шов, почти всегда зигзагообразный, настолько тщательно обрабатывался, что в трубах не наблюдалось сколько-нибудь ощутительных зазоров. Длина некоторых труб на Ярославовом Дворище достигала 18 м.

Соединялись отрезки труб посредством шипа, сделанного на конце одной трубы, и гнезда для этого шипа в конце другой (рис. 12 б). На стыках шип плотно входил в гнездо на глубину до 45 см¹. Стык тщательно обертывался несколькими слоями бересты для того, чтобы предохранить канал трубы от засорения. Многие трубы, как и соединительные колодцы, покрывались берестой с той же целью. Это наблюдается и на водоотводных трубах, открытых в 1950 г. в Москве (рис. 14—1).

Производство труб и сооружение водоотводов новгородцы не могли ни у кого заимствовать по той причине, что новгородский водоотвод является древнейшим в Европе. Ничего подобного новгородским водоотводам не было и в Византии².

В Западной Европе в средние века применялись главным образом глиняные и свинцовые трубы, форма и материал которых заимствованы от древнеримских построек.

В недавно вышедшей работе английского исследователя Робинса хотя и говорится о возможности применения деревянных труб для водопровода, но не приводится ни одного случая подобного их употребления. Применение глиняных водопроводных труб на Западе начинается только с XIII в., а наиболее характерны они, как отмечает сам Робинс, для XIV и XV вв.³

Таким образом, в Новгороде мы имеем первый случай употребления деревянных труб для водоотводов, которые стали применяться здесь раньше, чем в других странах. Оригинальность конструкции новгородского водоотвода свидетельствует о том, что эти сооружения именно здесь и появились.

В заключение следует отметить, что необходимость борьбы с грунтовыми водами и отвода их из-под различного рода деревянных и каменных построек ощущалась не только в Новгороде, но и в других древнерусских городах со сходными природными условиями. В 1949—1951 гг. остатки водоотводных сооружений, подобных новгородским, были открыты в Москве. Археологическая экспедиция ИИМК, производившая большие раскопки в Зарядье, на месте строительства одного из высотных зданий, в 1950 г. открыла сразу несколько водоотводных систем из деревянных труб различного диаметра (от 25 до 45 см)⁴. Так, у Псковского переуллка, где в древности проходил ров, окружавший Великий Посад, были обнаружены две линии деревянных труб древних водоотводов, относящихся к XV и XVI вв. Вскрытые системы труб предназначались для отвода грунтовых вод из-под построек, стоявших вдоль северной стороны Великой улицы, сначала в ров,

¹ НИС, вып. 9, 1940, стр. 10, рис. 5.

² Н. И. Фальковский. Ук. соч., стр. 30—34.

³ F. W. Robins. The story of water supply. Oxford University press. London, 1946, стр. 97—105.

⁴ Выражаю благодарность М. Г. Рабиновичу, разрешившему пользоваться материалами раскопок и археологических наблюдений. См. М. Г. Рабинович. Археологические исследования Московского посада. Вопросы истории, 1951 г., № 5.

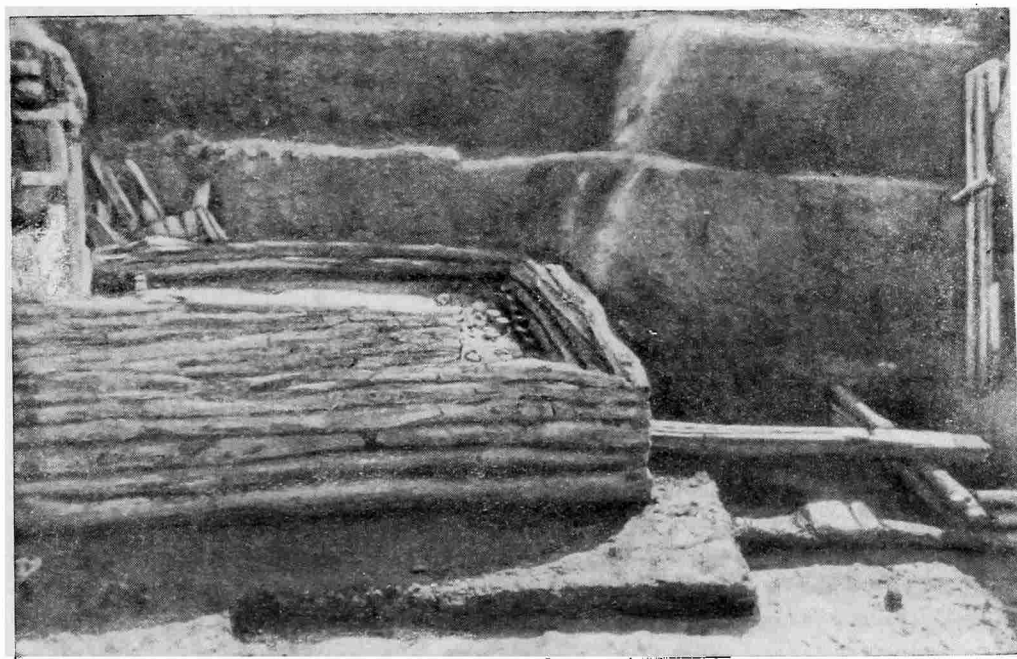

Рис. 14. Водоотводные сооружения древней Москвы.

1 — труба XV в., обернутая берестой (раскоп VI); 2 — выводная труба XVI—XVII вв. из-под сруба № 2 в поглотительный колодец (раскоп IV).

проходивший неподалеку, а затем по рву в реку. В раскопе IV у ц. Николы Мокрого открыт частный дренаж XVI—XVII вв. (рис. 14—2).

От построек южной стороны Великой улицы направление (уклон) отводных труб было противоположное, т. е. прямо к Москве-реке. На этой стороне улицы трубы были прослежены в 1949 г. в трех местах при рытье котлована для коллектора.

В 1950 г. при земляных работах вдоль Зарядьевского переуллка и на ул. Ст. Разина Э. А. Рикманом были прослежены еще несколько линий водоотводов различных конструкций — все они имели направление и уклон

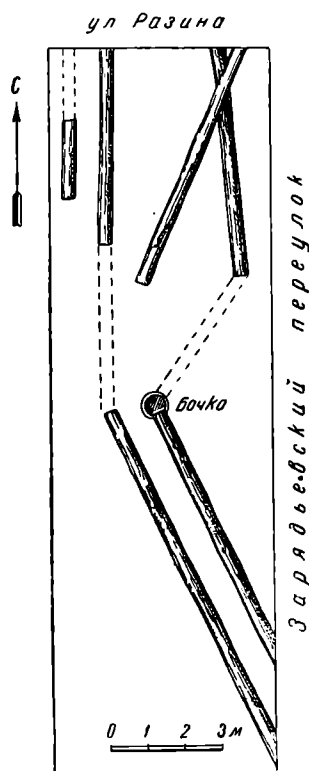

Рис. 15. Схема расположения водоотводных труб XVI—XVII вв., обнаруженных при земляных работах в Зарядье (Москва).

от ул. Разина (древняя Варварская ул.) к Москве-реке (рис. 15). В одном случае прослежено сочетание (правда не совсем ясное) трубы с бочкой. Возможно, мы имеем здесь аналогию с Новгородом. Конструктивно московские водоотводы совершенно аналогичны новгородским. В Москве, как и в Новгороде, прослежены все три разновидности водоотводных подземных каналов: 1) круглые в сечении деревянные трубы (см. рис. 7—5, 6), 2) прямоугольные или квадратные в сечении трубы, составленные из четырех толстых досок (см. рис. 7—3), и, наконец, 3) прямоугольные в сечении каналы, сложенные из целых бревен (см. рис. 7—2). Последняя конструкция в Москве встречена при земляных работах на ул. Разина у Зарядьевского переуллка. Здесь открылось полностью расположение дренажа. Эта своеобразная «труба» залегала на глубине до 4,5 м под сваями фундамента здания, повидимому XVII в. Очевидно, она с этим зданием и была связана. Подобная конструкция в 1938 г. встречена А. В. Арциховским в Новгороде на Ярославовом Дворище, где она применяется с XI в. (рис. 7—1).

С технической стороны деревянные трубы московских водоотводов обработаны несколько грубее, чем новгородские. Здесь чувствуется упрощение процессов выделки, заключающееся в том, что с XVI—XVII вв. трубы составлялись не из двух полубревен, а из одного бревна, одна сторона которого стесывалась горизонтально, и затем вырубался не круглый, а граненый желоб, прикрывавшийся сверху толстой доской (см. рис. 7—7).

Более древние водоотводы в Зарядье (XV в.) составлялись из двух половин бревна, как и новгородские, но здесь ни разу не встречен зигзаговый соединительный шов.

Более поздние московские трубы (XVI—XVII вв.) имеют более простой шип, затесанный не уступом, а на клин (см. рис. 7—8).

Таковы отличительные черты обработки московских водоотводных труб в сравнении с новгородскими. К этому следует добавить, что в Новгороде материалом для труб служили исключительно хвойные деревья: сосна и лиственница, тогда как в Москве использовались и лиственные породы (например, черный тополь), менее пригодные.

С какого времени водоотводные сооружения появляются в Москве, сказать трудно. Ясно лишь одно, что в XV—XVI вв. они уже существуют и применяются довольно широко. Возможно, что они появились и ранее XV в., но более древние водоотводы пока не открыты. Если предположить, что в Москве водоотводы появляются только в XV в., то возникает мысль:

не связано ли сооружение их здесь с переселением в Москву во второй половине XV в. новгородцев?

Подводя итоги вышеизложенному, мы приходим к следующим выводам.

1. В древнем Новгороде с XI по XVII в. включительно существовала чрезвычайно разветвленная система водоотводных сооружений.

2. Водоотводы предназначались главным образом, если не исключительно, для осушения водообильной новгородской почвы, в первую очередь для отвода грунтовых вод из-под различных сооружений.

3. Новгородские водоотводы имели различную конструкцию; наибольшее распространение получила наиболее рациональная система из цилиндрических деревянных труб диаметром от 20 до 50 см.

4. Новгородские водоотводы являются оригинальными по конструкции и материалу, ниоткуда не заимствованными. Местные условия (чрезвычайная заболоченность почвы) натолкнули новгородцев на необходимость создания подобных сооружений.

5. Существование в Новгороде на протяжении многих веков водоотводов свидетельствует о высоком уровне развития техники и культуры, что позволило блестяще разрешить проблему осушки местности и благоустройства одного из важнейших древнерусских городов.

6. Наличие в Новгороде древнейшего в Европе водоотвода представляет большой интерес для истории материальной культуры древней Руси.

М. А. ИЛЬИН

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО
ЗОДЧЕСТВА ПЕРЕСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО*(Доклад, прочитанный на заседании Сектора Славяно-русской археологии
ИИМК 22 июня 1950 г.)*

1

Зодчество домонгольской Рязани занимает видное место в истории древнерусской архитектуры. Наши историки архитектуры и археологи последнее время сосредоточивали свое внимание преимущественно на памятниках Старой Рязани XII—XIII вв., почти не затрагивая более поздних произведений рязанского зодчества¹. В то же время известно, что и после татарского разгрома 1237 г. Рязанское княжество продолжало существовать вплоть до первой четверти XVI в., когда оно вошло в состав Московского государства. Можно предполагать, что за эти три столетия в Рязани и городах Рязанского княжества строились монументальные здания. Перенос в XIV в. столицы княжества из Рязани в Переславль Рязанский (современная Рязань) должен был вызвать здесь значительную строительную деятельность. Большинство древних каменных зданий этого города не дошло до нас, а их остатки археологически не выявлены. Однако некоторые письменные источники и изучение сохранившихся памятников позволяют поставить на очередь вопрос о древнем каменном зодчестве Переславля Рязанского, т. е. об освещении доселе не изученной архитектурной школы периода феодальной раздробленности XIV в. и рязанском строительстве начала XVI в.

2

Исследователи, писавшие о Переславле Рязанском, часто упоминают о наличии в нем уже с XI—XII вв. монументальных произведений зодчества. Эти утверждения, как и известие об основании города, требуют критического анализа.

В библиотеке Рязанской духовной семинарии находилась (под № 130) псалтырь, писанная попом Ильинской церкви Марком в 1570 г. Перед чтением на сентябрь в ней была сделана полууставом следующая запись: «В лето 6603 заложен бысть град Переславль Рязанский около церкви

¹ Г. Ф. Корзухина-Воронина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII веков. Сборник ГАИМК, Бюро по делам аспирантов. В. 1, Л., 1929, стр. 69—82; А. А. Мансуров. Древнерусские жилища. Исторические записки, т. 12, Л.—М., 1941, стр. 61—95; А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 году. ИАН, ОИФ, т. VI, № 5, М.—Л., 1949, стр. 454—463 и др.

святого Николы старого»¹. С момента опубликования этого источника 1095 год считается годом основания Переславля Рязанского, носящего (с 1782 г.) имя Рязани. Старое название Переславль (Переяславль) и названия рек, омывающих его кремль,— Трубеж и Лыбедь,— подтверждают, что город действительно был заложен в домонгольское время. На основании приведенной записи позднейшие исследователи делали вывод, что в конце XI в. уже существовала церковь Николы, близ которой и был построен «город», т. е. укрепления. Однако в действительности запись указывает лишь год «основания» города, причем его местоположение уточняется указанием на церковь, существовавшую *во время производства записи*². Следовательно, нет оснований говорить о наличии деревянного или каменного храма в первоначальном Переславле Рязанском.

Однако можно быть уверенным в ранней дате возникновения города, хотя в других письменных источниках имя Переславля Рязанского появляется лишь в XIV в. Несомненно, что поселение возникло здесь значительно раньше — в XI—XII вв. М. П. Погодин высказал гипотезу, что Переславль Рязанский первоначально назывался — Борисов-Глебов³. Основанием этому предположению послужило сообщение летописи, что в 1180 г. «князь Великий же Всеволод Юриевич Владимирский иде [из Коломны.— М. И.] ко граду Рязани и преиде реку Оку, и взя город Борисов и Глебов». Глебовское городище в 38 км от Зарайска вряд ли может быть сопоставлено с этим известием, так как оно не лежит на пути в Рязань. В то же время, «идя» в Рязань из Коломны, надо было действительно перейти Оку, чтобы взять Переславль Рязанский, лежащий от нее в 1,5—2 км.

Т. Воздвиженский приводит следующее известие: «В лето 6716 (1208) при Великом князе рязанском Романе Игоревиче, внуке Глеbove, был на Рязани Епископ Арсений, он град Переславль заложил у озера»⁴. Мы не знаем источника, откуда автор почерпнул данные сведения, но ясно, что в его основе лежит какое-то древнее известие. Арсений — первый рязанский епископ, активный участник борьбы с натиском Всеволода III, уведенный им в плен после разгрома Рязани в 1208 г. Весьма вероятно, что по инициативе Арсения городок Борисов-Глебов был укреплен и, как бы в противовес притязаниям Всеволода III на Рязанское княжество, был назван Переяславлем; получили южные имена и реки Трубеж и Лыбедь. Рязанские князья считали свою землю подобной Киевской. Южные имена мы находим в топонимике и Владимира на Клязьме.

Никоновская летопись упоминает в числе союзников Всеволода III в походе 1208 г. «переславцев», что подтверждает наличие в это время на

¹ А. В. Селиванов. К вопросу об основании города Переславля Рязанского. Труды Рязанской ученой архивной комиссии, т. VI, в. 2, 1891, стр. 25. Иероним. Рязанские достопамятности. Рязань, 1889, стр. 2, прим. 4.

² Древнейшее упоминание Николы «старого» относится к 1485 г.; здесь поясняется, что «Никола старый стоит на Быстром озере на берегу, и то есть озеро святое, а озеро Карасево свято ко прочищению очей» (Т. Воздвиженский. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820, стр. 40). Надо отметить, что в изложении документов Т. Воздвиженский, как и Иероним, допускал вольности и неточности вплоть до введения собственных фраз и оборотов речи, что ясно видно хотя бы на примере приведенного текста. Здесь же надо указать, что Т. Воздвиженский и Иероним пользовались не дошедшими до нас архивными документами. Исследователи, писавшие о Переславле Рязанском, считают, что озером Быстрым назывался ров, соединявший реки Трубеж и Лыбедь и отделявший Переславский «город» от «острога». Озером Карасевым считают реку Лыбедь (?). Оба названия встречаются в выдержках из документов XV—XVII вв., опубликованных Т. Воздвиженским и Иеронимом. Другие полагают, что озеро (вернее пруд) Карасево было расположено в самом кремле Переславля Рязанского, что вероятнее.

³ М. П. Погодин. Древние русские княжества с 1054 по 1240 г. СПб., 1848, стр. 32.

⁴ Т. Воздвиженский. Ук. соч., стр. 47.

берегах Оки города Переслава Рязанского¹ и сложность отношений бо- ровшихся сторон (граждане укрепленного Рязанью города были на стороне Всеволода III). Повидимому, Переславль Рязанский (Борисов-Глебов) после разгрома Всеволодом III оставался незначительным поселением, так как в Повести об иконе Николы Зарайского и в летописных записях о татарском нашествии он не упомянут среди разоренных городов Рязанского княжества.

В 1342 г. Переславль Рязанский был взят и разграблен князем Ярославом Михайловичем Пронским. В 1365 г. город вновь был опустошен и сожжен на этот раз татарами, причем великий князь рязанский Олег Иванович, узнав о разграблении города, настиг и разбил татар. Следовательно, можно думать, что в 1365 г. рязанские князья попрежнему все еще жили в Старой Рязани, а не в Переславле Рязанском. Косвенные данные позволяют установить время превращения последнего в столицу.

В повести о «Хождении Пименове в Царьград» (1389 г.) сообщается, что митрополит Пимен, прибывший в Переславль по Оке, был встречен у города сыновьями князя Олега, а затем «мало от своего места пришедшим» встречал гостя и сам князь Олег с детьми и боярами. «И пришедшим нам,— повествует рассказчик,— ко граду Переславлю, и сretoша нас со кресты, пришед же митрополиту в соборную церковь, и молебнаа совершив, и пирова у великого князя»². Из этого отрывка ясно, что к 1389 г. в Переславле Рязанском был собор и дворец князя, в котором пиروвал митрополит, и что к этому времени князь Олег уже перенес свое местопребывание из Рязани в Переславль.

Когда же и вследствие чего был осуществлен перенос столицы в Переславль? Известно, что князь Олег Рязанский не участвовал со своим войском в Куликовской битве. Более того, он помогал татарам, находясь с ними «в единой мысли». В связи с этим в 1382 г. «князь великы Дмитрией Ивановичь посла рать свою на князя Олега Рязанского, князь же Олег сам убежа, а землю его ратнии до остатка пугу учиниша, пуге бысть ему и татарьские рати»³. Можно сделать вывод, что перенос столицы из Рязани в Переславль Рязанский состоялся между 1382 и 1389 гг. и, возможно, был обусловлен требованием Москвы, желавшей видеть Олега Рязанского ближе к себе, в менее укрепленном Переславле.

3

Вышеприведенный отрывок из «Хождения Пименова в Царьград» упоминает собор в Переславле. Каким он был: каменным или деревянным?

Ныне существующий Успенский собор построен в конце XVII в. группой лиц, возглавлявшейся талантливейшим зодчим того времени Я. Г. Бухвостовым. Все авторы, писавшие об архитектурных памятниках современной Рязани, говорят, что в связи с постройкой этого собора ранее существовавший каменный Успенский собор был в XVIII в. переименован в Христорождественский. Неоднократно перестраивавшийся, он дошел до нас, имея внешний облик постройки начала XIX в. (1826 г.).

Было высказано весьма правдоподобное предположение, что первый Успенский собор в Переславле выстроен князем Олегом (следовательно, до 1389 г., когда произошла торжественная встреча митрополита Пимена)

¹ ПСРЛ, X, стр. 56. Вряд ли можно думать, что упомянутые переславцы были из Переслава Залесского, так как в походе Всеволода к Коломне действовали владимирцы. В связи с этим походом нигде больше о переславцах не говорится.

² ПСРЛ, XI, стр. 95 (курсив мой.— М. И.).

³ ПСРЛ, XXV, стр. 210.

в связи с переносом столицы княжества в этот город¹. Сам князь Олег с женою позже были похоронены в Солотчинском монастыре (1402 г.), а его сын Федор Ольгович, скончавшийся в 1427 г., первый из княжеской семьи похоронен в переславском соборе. Так как каменные гробницы рязанских князей и княгинь XV—XVI вв. существовали в Успенском (Христорождественском) соборе вплоть до XVIII в., когда они были заменены деревянными², то можно предположить, что и собор был каменным, а не деревянным³. О наличии в Переславле соборной церкви во имя Успения в конце XV в. мы имеем прямое свидетельство в виде надписи на «воздухе» — «В лето 6993 [1485 — М. И.], индикта 3 сей воздух создан бысть в церковь Успения Святой Богородицы в граде Переславле Рязанском замышлением благородныя и благоверныя и христоролюбивыя Великия княгини Анны...» Собор упоминается и в первой половине XVI в., когда рязанский епископ Иона был переведен служить из Борисоглебского в Успенский собор⁴.

При введении патриаршества рязанский епископ Митрофан получил в 1589 г. сан архиепископа. Повидимому, в связи с этим он предпринял перестройку Успенского собора с целью придать ему большую величественность. В записи 1598 г. мы читаем: «Да перед Архиепископли ворота церковь соборная во имя Успения Пресвятыя Богородицы каменна новая, сооружает ее архиепископ Митрофан, да в приделе Христова Мученика Федора Тирона»⁵. Придел Федора Тирона упоминается при соборе и раньше⁶. Можно думать, что он был устроен князем Федором, сыном князя Олега, следовательно, между 1402 и 1427 гг. Макарий, противореча себе, даже предполагает, что Федор Ольгович был храмоздателем Успенского собора, в чем я сомневаюсь⁷.

Из записи 1598 г. не ясно, строился ли собор вновь, либо перестраивался. Думается, что вернее последнее, так как гробницы рязанских князей упоминаются в этой же записи, т. е. они находились в строящемся храме. Если бы прежний собор был деревянным и его заменяли в 1598 г. каменным, то гробницы не могли бы остаться на месте. Собор отличается сравнительно небольшими размерами, что не позволяло копать рвы лишь для фундаментов, оставляя среднюю часть нетронутой. Сплошной котлован привел бы к уничтожению всех имевшихся здесь захоронений.

Перестроенный собор, однако, не был закончен. Только в 1606 г. царь Василий Шуйский прислал каменных дел подмастерья Сергея Абрамова и с ним 24 человека каменщиков с наказом завершить постройку в том же году⁸. Опись 1638 г. сравнительно подробно характеризует собор постройки 1598—1606 г.: «На площади подле архиерейского двора церковь Успения Пречистыя Богородицы каменная о пяти верхах, крыта немецким железом; кровля ветха, кресты обложены белым немецким железом; над дверьми в сводах образы с переди и с полудни и с севера писаны стенным письмом; над ними киоты крыты немецким белым железом. Перед троими

¹ Макарий. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии, М., 1863, стр. 120.

² Там же, стр. 122.

³ О гробницах упоминается в описи Вельяминова 1598 г. и в более поздней описи 1682 г. Макарий. Ук. соч., стр. 121.

⁴ Воздвиженский. Ук. соч., стр. 43—44. См. также И. Ф. Диттель. Святая, древности и достопримечательности города Рязани. Чтения в обществе истории и древностей Российских, М., 1859, кн. III, стр. 114. Здесь приведен текст полностью с указанием даты окончания «воздуха» — 30 сентября 6994 (1486) г.

⁵ Воздвиженский. Ук. соч., стр. 58.

⁶ Макарий. Ук. соч., стр. 121.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

дверми три рундука о пяти ступенях без папертей. Церковные трои двери железные. Придел Федора Тирона. У первого столпа место архиепископле каменное; за столпом пять гробниц каменных, почивают великие князи Рязанские, а на них покровы бархатные ветхи... Перед местными образы свечи на каменных подсвечниках. По стороне северных дверей гробница каменная, а в ней почивает епископ Василий [«мощи» перенесены сюда из Борисоглебского собора в 1609 г. ¹— М. И.]. На левом крылосе столп же каменный, да за столпом три гробницы великих княгинь, покровы на них бархатные ж ветхи гораздо» ².

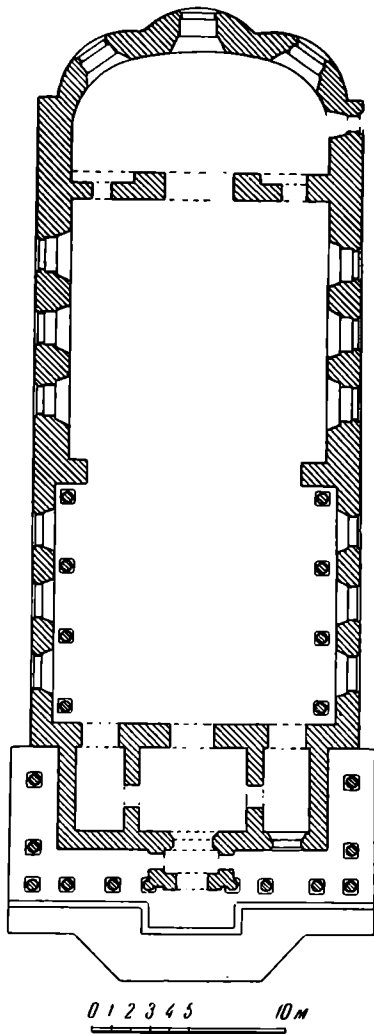

Рис. 16. Схематический план Христорожественского собора (старого Успенского) в Рязани.

Таким образом, собор был четырехстолпный и пятиглавый, что типично для зодчества Москвы того времени; он был поставлен на относительно высокий цоколь, раз к его дверям вели входы о пяти ступенях, т. е. уровень пола от уровня земли поднимался на высоту примерно до 1 м. Упомянутый придел Федора Тирона мог помещаться в диаконнике; однако небольшие размеры собора заставляют предполагать, что придел представлял собой отдельную пристройку, подобную приделу Ирины в соборе Боровского Пафнутьева монастыря (1598 г.). Но если постройка последнего была связана с именем строительницы собора Ирины Годуновой, то сооружение отдельного придела Федора Тирона при Рязанском соборе вряд ли относится к 1598 г.: память о Федоре Ольговиче, умершем за 170 лет до того, конечно давно уже стерлась в людской памяти, а царь Федор Иоаннович, при котором в 1598 г. велись строительные работы по собору, и царевич Федор Борисович Годунов считали своим покровителем Федора Стратилата. Следовательно, придел в виде отдельной пристройки принадлежал к первоначальному каменному собору.

Многие авторы отмечали значительную толщину стен Христорожественского (Успенского) собора, достигающую, по их словам, 2 м. Можно было предполагать, что в стенах существующего здания сохранились остатки храма, известного по описи 1638 г. Действительно стены восточной части собора значительно толще остальных (рис. 16). Особенно массивны стены апсид, несмотря на то, что с внутренней стороны они значительно стесаны; трехчастная форма алтаря позволяет думать, что эта часть здания менее других подвергалась перестройке и сохранила свою древнюю форму.

Вскрытие бетонной штукатурки в левой части центральной апсиды у стыка со стеной дяконника ³ должно было показать, к какому времени относятся стены: большемерный кирпич указывал бы на конец XVI в., когда в 1598 г. производились строительные работы по собору. Но вместо ожи-

¹ Макарий. Ук. соч., стр. 124.

² Иероним. Ук. соч., стр. 55.

³ Обследование памятников Рязани произведено мною в 1950 г. по поручению Института истории искусств АН СССР.

даемой кирпичной была вскрыта белокаменная кладка¹, доходящая до уровня бывших сводов (рис. 17); лишь в месте стыка стены дьяконника и стены центральной апсиды была обнаружена кирпичная заделка, что легко объясняется позднейшими починками и ремонтами собора (здесь проходили водосточные трубы, которые при неисправности сильно разрушали

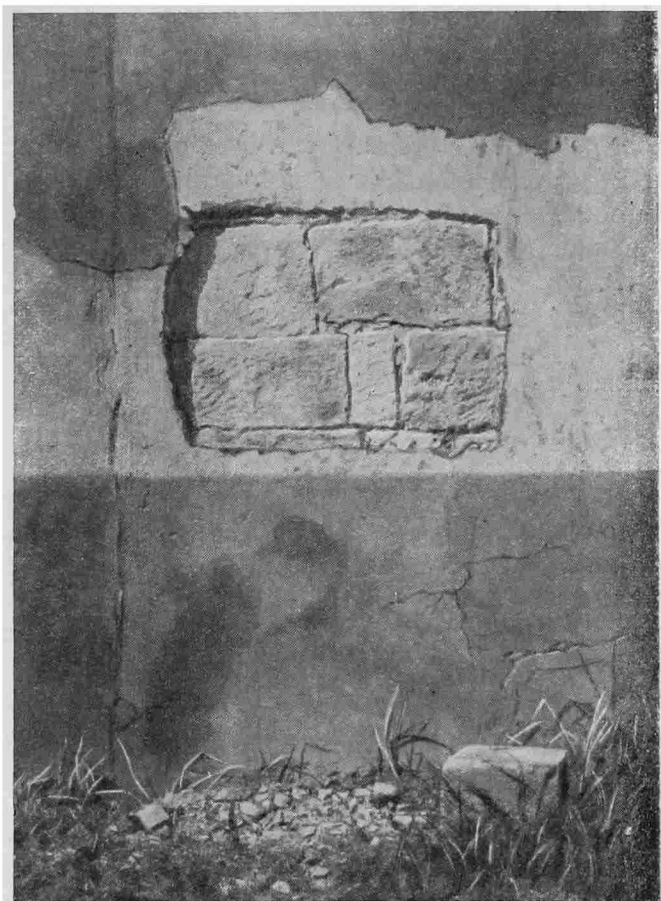

Рис. 17. Белокаменная кладка старого Успенского собора в Рязанском кремле.

кладку). Каменная кладка не столь совершенная, как в московских памятниках начала XV в. Блоки камня неодинаковой длины и ширины (29 × 31—33 см), относительно неправильно отесаны и со значительными, то сужающимися, то расширяющимися швами. Этот характер кладки собора, может быть, указывает на пережитки старорязанских строительных традиций², повидимому, удержавшихся среди местных зодчих: памятники старой Рязани могли служить образцом.

Наличие белокаменных апсид (подымающихся вплоть до места, где раньше были своды) в период широкого распространения большемерного кирпича (конец XVI в.) естественно ставит вопрос о времени постройки белокаменного собора. Запись 1598 г. указывает на наличие до строительства архиепископа Митрофана более древнего здания («церковь соборная... каменна новая»); сомнительно, чтобы белокаменный собор мог быть построен как в это время (в пору широкого кирпичного строительства), так

¹ Эту особенность кладки отметил в 1929 г. Н. Н. Воронин. См. его фотографии с апсид собора в фототеке Рязанского музея, где зафиксирована белокаменная кладка.

² А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 463.

и в начале XIII в., т. е. после 1208 г. и до 1237 г. Его сооружение можно скорее всего отнести ко времени между 1382 г. (год разгрома Рязани [Старой] Дмитрием Донским) и 1389 г. (т. е. до приезда митрополита Пимена в Переславль Рязанский).

Обмер апсид снаружи и внутри и обследование памятника показали, что, повидимому, при перестройке 1826 г. вся внутренняя стена довольно глубокой апсиды была стесана с целью придать алтарю единый пространственный объем. Эта переделка алтаря и надстройка стен храма, вызванная тем, что вокруг собора образовался мощный культурный слой, обусловила замену сводов трехчастного алтаря плоским деревянным перекрытием. Новое архитектурное решение фасадов с пилястрами коринфского ордера, расширение окон и замена пятиглавия широким световым барабаном, перекрывающим все пространство собора, привели к уничтожению четырех внутренних столбов и сводов и обкладке белокаменных стен кирпичом. Остатки западной стены вошли внутрь существующего здания, получившего в 1826 г. с этой стороны трапезную с колонным портиком. Раскопки по периметру собора могут обнаружить части древних стен, основания столбов порталов и каменных крылец и, возможно, стены придела Федора Тирона.

4

Выдержки из документов XV—XVI вв., опубликованные Т. Воздвиженским и другими, не раз упоминают епископский собор Бориса и Глеба. После присоединения Рязанского княжества к Москве рязанский епископ Иона был переведен служить от Бориса и Глеба в Успенский собор¹. Особая значимость Борисоглебского собора заставляет думать, что Переславль Рязанский действительно, как говорилось выше, первоначально носил название Борисов-Глебов и имел Борисоглебский храм.

Рязанские епископы несомненно переселились из Рязани в Переславль при переносе сюда столицы княжества, т. е. в конце XIV в. В «Хождении Пименовом в Царьград» упомянут рязанский епископ Еремия — грек, встретивший митрополита у Перевитска. Борисоглебский собор был особым епископским храмом и находился не в кремле, а на переславском посаде, где была владычная слобода и владычный двор.

Все исследователи, писавшие о Борисоглебском соборе, считают, что он был с XII в. каменным, а к началу XVII в. развалился, после чего была построена деревянная церковь, замененная в 1686 г. вновь каменной².

Эта датировка «древнейшего» каменного Борисоглебского собора основана на недоразумении: Борисоглебский собор сооружен в XII в. в древней столице княжества — Старой Рязани, и известия о нем были перенесены на переславский Борисоглебский собор, так как Переславль в конце XIV в. стал столицей княжества. Для подтверждения этой фантастической даты ссылались на легенду о погребении у переславского Борисоглебского собора епископа Василия в 1294—1295 гг. и на богатые вклады собору, что якобы свидетельствовало о том, что епископский собор был каменным. Возможно, что на рубеже XIV—XV вв. вместе с постройкой каменного Успенского собора был выстроен и каменный епископский кафедральный собор Бориса и Глеба, но пока это лишь гипотеза, нуждающаяся в археологическом подтверждении.

О каменном соборе Бориса и Глеба в сотной грамоте 1568 г. говорится следующее: «Во владычне слободе церковь Борис Глеб каменна, поставление Ионы владыки. Да в приделе Пятница святая, трапеза деревянная в

¹ Иероним. Ук. соч., стр. 39.

² Там же, прим. 349.

церкви»¹. Здесь же упоминаются и другие каменные постройки, возведенные уже в городе на средства того же епископа. Иона занимал рязанскую кафедру с 1522 по 1546 г.² Нет оснований предполагать, что перечисленные в сотной каменные постройки, в том числе и Борисоглебский собор, были сооружены другим рязанским епископом Ионой (1430—1448 гг.), ставшим затем митрополитом³; ко времени составления сотной он был уже канонизован, что несомненно так или иначе отразилось бы в тексте. Скорее всего Борисоглебский собор был первоначально деревянным.

В 1522—1546 гг. его сменил каменный собор, простоявший, однако, недолго, так как уже в 1620 г. источники сообщают, что «в слободе Архиепископле в Переславле Рязанском церковь каменная Бориса и Глеба развалилась»⁴. В том же году она заменена деревянной (названной «соборной»), которую, в свою очередь, сменила существующая каменная 1686 г. Конечно, кажется странным, что каменное здание Борисоглебского собора простояло менее ста лет. Но несомненно, что как легенда о постройке в Переславле каменного Борисоглебского собора в XII в., так и предположение о его сооружении в XV в. епископом Ионой должны быть оставлены.

5

В Рязанском кремле, рядом с древнейшим Успенским собором, находится Архангельский собор, основание которого относится к поре заката Рязанского княжества — концу XV в. Впервые он упоминается в 1532 г., когда владыка рязанский Иона отлил «колокол к Архангелу Михаилу»⁵. Под 1638 г. о соборе говорится следующее: «на дворе [епископского дома, — М. И.] церковь собор Архангела Михаила каменна» (далее перечисляются гробницы похороненных епископов рязанских)⁶.

Собор пострадал в пожар 1647 г., так как в этом году подмастерье Василий Харитонов Зубов капитально чинил собор камнем, особенно же его верх, где были «кладены на оный собор связи брусяные»⁷. В 1819 г. также произведен капитальный ремонт⁸. Повидимому, в это время были переложены верхи стен и сделаны крестовые своды, а позакомарное покрытие заменено четырехскатным. Вместо закомар были выложены декоративные кокошники; в средних делениях стен их находится по два на каждое прясло, что придало верхней части стен характер памятника начала XVIII в. (ср., например, некоторые церкви Суздаля).

Несмотря на все эти переделки, можно говорить, что основная часть собора с его двумя порталами (третий уничтожен в XIX в. при пристройке притвора) и четырьмя внутренними столбами сохранилась.

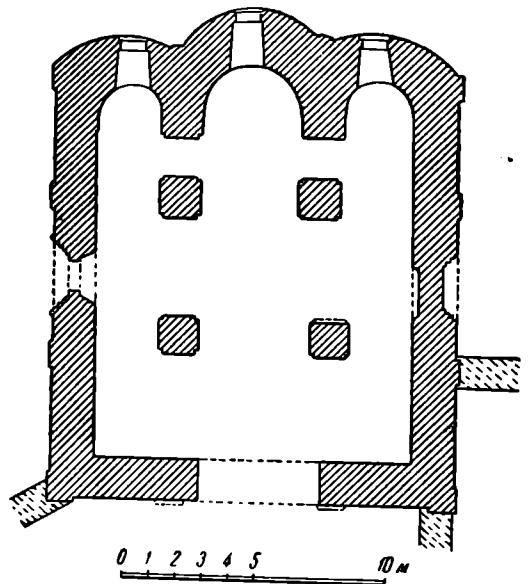

Рис. 18. План Архангельского собора в Рязанском кремле.

¹ Воздвиженский. Ук. соч., стр. 291—292.

² П. Строев. Списки иерархов... СПб., 1877, стр. 414.

³ Там же, стр. 413.

⁴ Макарий. Ук. соч., стр. 211.

⁵ Иероним. Ук. соч., стр. 40.

⁶ Там же, стр. 55.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ Макарий. Ук. соч., стр. 111.

Приведенные источники позволяют считать, что существующий собор не моложе конца XVI в. Но можно вполне согласиться и с мнением, что собор построен столетием раньше, до 1517 г.¹, т. е. до фактической ликвидации Рязанского княжества. Плановое решение Архангельского собора в виде трехапсидного с четырьмя внутренними столбами здания этому не противоречит (рис. 18). Погребения здесь рязанских епископов, начиная с 1481 г. (в этом году похоронен в соборе епископ Феодосий), свидетельствуют о том же.

Однако некоторые детали собора заставляют более внимательно отнестись к вопросу о датировке его отдельных частей. Так, порталы, судя по рисунку их деталей, повидимому, относятся к 1647 г. Но полное суждение о них можно составить лишь после раскопок, так как в настоящее время весь собор и его порталы находятся глубоко в земле (культурный слой у северного портала почти достигает дынок его колоннок). Необходимо отметить, что древняя часть собора и его столбы сложены из большемерного кирпича (7 × 14 × 28—29 см), встречающегося в постройках рубежа XV—XVI вв. Поэтому относить собор к концу XVI в. нет оснований. Вернее всего, мы имеем памятник конца XV в.

Древность собора подтверждает очертание заложеного щелевидного окна в западном делении южного фасада. Здесь же на юго-западном углу хорошо видны направляющие кривые обрамления древней закомары (рис. 19). Учитывая ее подъем, можно думать, что древний собор отличался сравнительно небольшой высотой, несмотря на переложенный верх. Широкая глава собора, по всей видимости, должна быть отнесена не позднее чем к первой половине XVII в., если не к XVIII в.

Если архитектура Архангельского собора Рязанского кремля ничем особенным не выделяется, заставляя считать его сравнительно рядовой постройкой, то посвящение собора архангелу Михаилу позволяет сказать несколько слов о причине его наименования.

Если мы обратимся к концу XV в. с задачей выяснения характерных архитектурных особенностей некоторых построек, выстроенных на средства князей, еще номинально владевших своими уделами, то перед нами предстанет довольно любопытная картина. Почти одновременно с предполагаемой в конце XV в. постройкой в Переславле Рязанском каменного Архангельского собора, в Волоколамске князь Борис Васильевич построил белокаменный собор, подражающий формам раннемосковской архитектуры². Соборы Юрия Звенигородского явно служили здесь образцом, в чем можно увидеть отражение «опозиционного настроения» заказчика, не желавшего, повидимому, принимать новых архитектурных форм «царственной» Москвы. Небезинтересно также, что соборы, строившиеся на средства московского великого князя и митрополита во вновь присоединенных к Москве землях, нарочито строились в типично московском духе. Таковы соборы в Тихвине, Ростове и Хутынском новгородском монастыре. Здесь явно проводилась соответствующая «великодержавная» московская архитектурная политика. Постройка каменного Архангельского собора в Переславле Рязанском рязанскими великими князьями в конце XV в., повидимому, также должна быть отнесена к проявлению в архитектуре определенных политических взглядов. Если в XIII в. рязанские великие князья и рязанский епископ, проводивший их политику, строили город и называли его с омывающими его реками южными, киевскими именами (это может быть образно выражено словами «здесь в Рязани мы такие же великие князья, как и киевские»),

¹ Макарий. Ук. соч., стр. 109. Дата собора — 1611 г., указанная мною в моей книжке «Рязань» (М., 1945, стр. 20), ошибочна. Она была заимствована из списка, составленного Н. Д. Виноградовым в качестве материала для охраны памятников.

² Н. Воронин и М. Ильин. Древнее Подмосковье. М., 1947, стр. 25.

то на рубеже XV—XVI вв. подражали уже не Киеву, а той же Москве, против которой боролись. Заимствуя московские названия соборов, рязанские князья, повидимому, не столько желали подчеркнуть свою зависимость

Рис: 19. Юго-западный угол Архангельского собора в Рязанском кремле.

от Москвы, сколько показать свою феодальную самостоятельность и обособленность. Храм должен был играть аналогичную московскому собору роль. Здесь, в Переславле, князья хотели себя чувствовать полноправными, претендуя на равное положение с ведущим русским центром, но средств

нехватало, и московский размах был недостижим. Поэтому выстроили лишь небольшой, весьма скромный собор. Так, в наименовании собора, возможно, проскользнули отзвуки феодальной борьбы конца XV в.

Приведенные факты и высказанные предположения со всей очевидностью говорят о необходимости производства широких археологических изысканий на территории Рязанского кремля. Они во многом позволят уточнить облик древних зданий города периода феодальной раздробленности XIV в. и строительство в Переславле Рязанском на рубеже XV—XVI вв.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*Е. К. ЧЕРНЫШ***ТРИПОЛЬСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА С ПОСЕЛЕНИЯ
У с. ВЛАДИМИРОВКИ**

Трипольское поселение у с. Владимировки, Подвысоцкого района, Кировоградской области УССР было открыто в 1925 г. и изучалось в 1927 и 1928 гг. Уманским музеем, а в 1936, 1939, 1940, 1946 и 1947 гг. Трипольской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Т. С. Пассек. За эти годы поселение было тщательно исследовано, а результаты работ опубликованы в различных изданиях АН СССР.

Поселение трипольского времени находится на плато близ с. Владимировки, на правом берегу р. Синюхи, притоке Южного Буга. С севера на юг поселение простирается на 900 м, с запада на восток — на 800 м. Жилища (около 200), обнаруженные на поселении, располагаются пятью рядами; глубина их залегания не превышает 50—70 см.

Добытый раскопками материал дает возможность отнести данное поселение к периоду наибольшего расцвета трипольской культуры (этап В/II, согласно периодизации Т. С. Пассек)¹.

Характеристике орудий труда с этого поселения и посвящается настоящая статья.

Все орудия труда владимировского поселения по характеру материала, из которого они изготовлены, можно подразделить на три группы: 1) кремневые, 2) каменные различных пород, 3) костяные и роговые.

Наиболее распространенными являются орудия из местного кремня. Выходы желтовато-коричневого кремня довольно хорошего качества были обнаружены экспедицией на берегу р. Синюхи неподалеку от поселения. Из этого кремня сделана большая часть орудий; матово-желтый местный кремень более низкого качества также в достаточной степени находил себе применение. Но лучшие поделки изготовлялись все же на пластинах и отщепах черного галечного кремня, который изредка встречается в пойме р. Синюхи.

Кремневый инвентарь владимировского поселения представлен орудиями производства, заготовками, а также отходами производства. Перейдем к характеристике отдельных видов кремневого инвентаря.

Нуклеусы, найденные в сравнительно небольшом числе, имеют обычно призматическую или неправильно-призматическую форму. На рис. 20—1 изображен самый крупный нуклеус призматической формы с двумя

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетий до н. э.). МИА СССР, № 10, 1949; G. Passet. La céramique tripolienne, ИГАИМК, вып. 122, 1935.

ударными площадками; размеры его $12,8 \times 9,3$ см. Типичный неправильно призматический нуклеус помещен на рис. 20—2. Довольно часто окончательно использованные нуклеусы употреблялись в качестве отбойников, т. е. становились орудиями.

Сколотые с нуклеусов пластины в большинстве случаев имеют трехгранную, реже — двухгранную спинку. Средняя длина пластин колеблется от 5,5 до 7,5 см. Пластина наибольшей величины имеет размеры $15,8 \times 2,8 \times 0,4$ см.

И пластины и отщепы очень часто сохраняют на своих краях следы употребления в качестве режущих инструментов.

Среди инвентаря следует выделить также орудия, предназначенные для нанесения ретуши, — ретушеры. Некоторые из них (рис. 21—4 и 22—1) изготовлены на массивных пластинах, отретушированных со всех сторон. Края пластин сильно обкрошены вследствие частых нажимов. Возможно, что первоначально некоторые из этих орудий имели какое-то другое назначение (сверло и т. п.), а впоследствии стали использоваться в качестве ретушеров. Трудно представить, чтобы пластину подвергали тщательной обработке только для того, чтобы наносить ею ретушь, в то время как для этой цели пригоден любой осколок кремня с крепким краем (рис. 23—17).

Как уже упоминалось, часть нуклеусов использовалась в качестве отбойников, но обычно отбойники делались из округлых кусков камня какой-нибудь крепкой породы. Следы сработанности сохраняются почти по всей их поверхности (рис. 20—5) или располагаются поясом (рис. 20—4).

Наибольшую группу кремневых орудий составляют ножи, изготовленные на пластинах. Среди ножей можно выделить по форме три разновидности: 1) ножи с прямым лезвием, 2) с сужающимся к вершине лезвием и 3) почти треугольной формы.

Рабочие края этих орудий обработаны ретушью с одной или двух сторон, приострены отжимной ретушью с целью их укрепления (рис. 20—3); ножи часто притуплены со стороны, противоположной рабочему краю.

Среди ножей с прямым лезвием наиболее интересным является экземпляр, помещенный на рис. 24—1. Для его изготовления была использована длинная ножевидная пластина темнокоричневого полупрозрачного кремня размером $12,5 \times 2,2 \times 0,7$ см. Ретушью обработаны все края как со спинки, так и с брюшка. К этому же типу относится фрагмент крупного ножа, помещенного на рис. 20—11. Размеры орудия $12,6 \times 3,2$ см. Чаше же встречаются ножи, подобные изображенному на рис. 20—10; его величина $5,5 \times 2,1 \times 0,4$ см. К сожалению, большинство ножей дошло до нас в фрагментарном виде (рис. 20—7, 8).

Характерным для вышеописанной группы ножей является то, что для их изготовления использовались пластины с параллельными гранями. Ретушью обрабатывались один или два края, но иногда прослеживается круговая ретушь.

Другая разновидность кремневых ножей, изготовленных также на пластинах, характеризуется сужающимся к вершине лезвием. Обычно такие ножи слегка изогнуты. Наиболее выразительными являются экземпляры, помещенные на рис. 24—3, 5, 6. Для них типично то, что отретушированные края пластины сходятся под острым углом. Изогнутость же орудия получалась не только благодаря форме пластины, но в некоторых случаях и в результате более тщательного нанесения ретуши в местах образования выемки: рабочий край орудия находился с вогнутой его стороны, поэтому она иногда бывает отретуширована и со стороны брюшка. Ножи этого типа имеют острую вершину, благодаря чему таким ножом можно было не только резать, но и колоть.

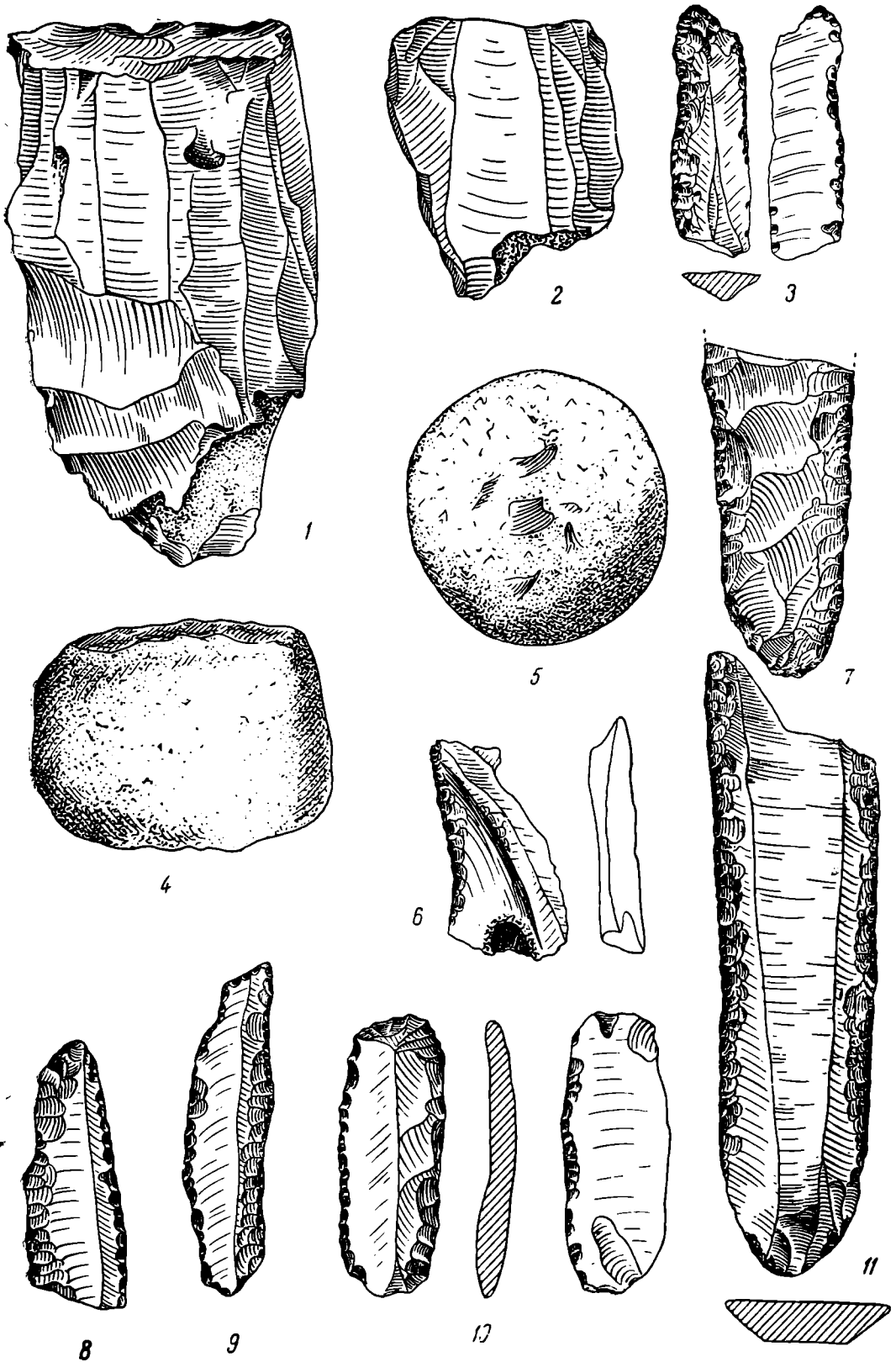

Рис. 20. Орудия труда трипольского поселения у с. Владимировки.
 1, 2 — нуклеусы (жил. 7/14); 3, 8 — 11 — ножи (жил. 2); 4, 5 — отбойники (жил. 17);
 6 — отщеп с ретушью (жил. 8); 7 — нож (вост. транш.).

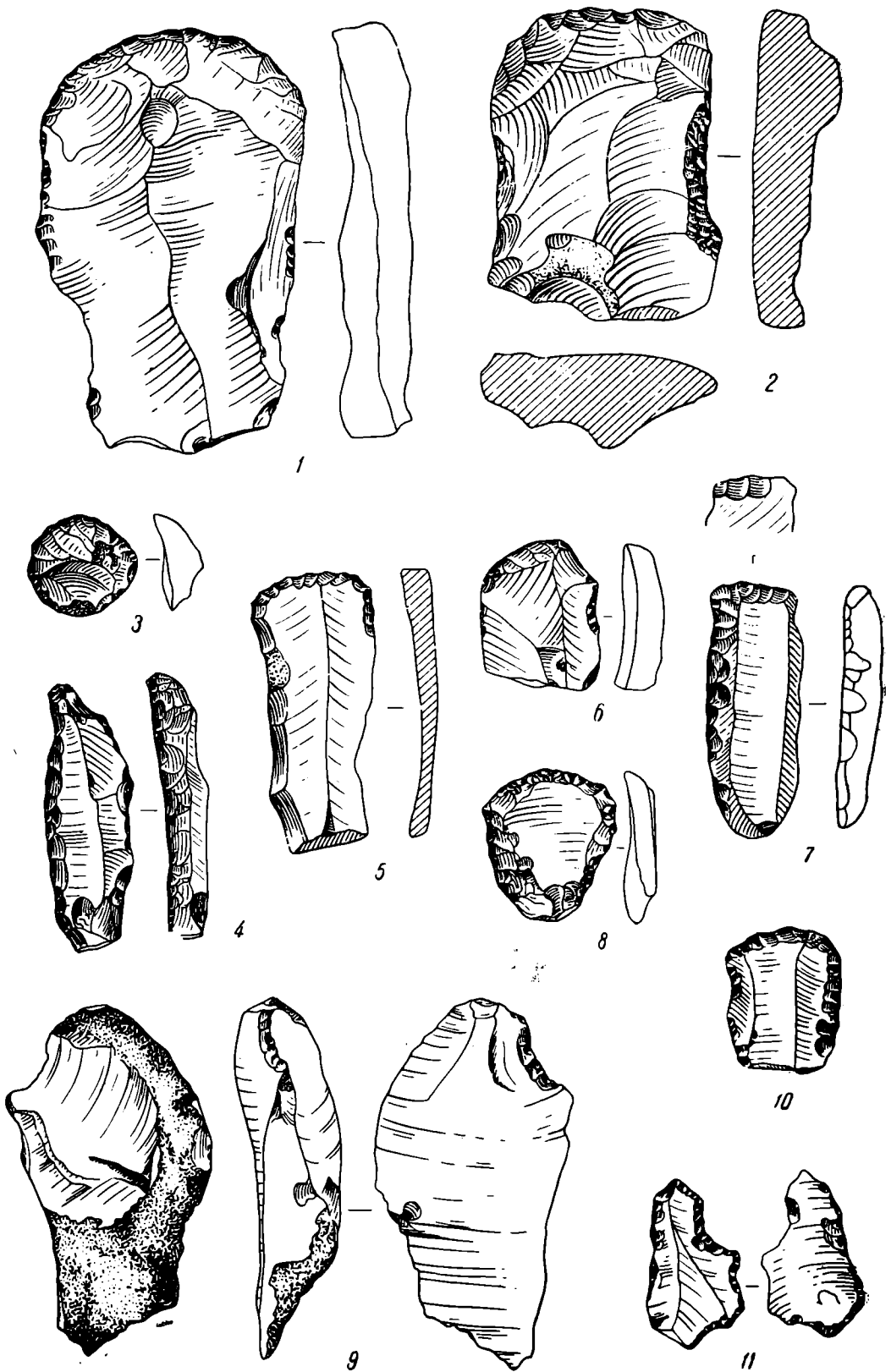

Рис. 21. Орудия труда трипольского поселения у с. Владимировки.
 1, 2, 5 — скребки (земл.); 3, 6, 8, 10 — скребки (раскоп. 1947 г.); 4 — ретушер (раскоп. 1947 г.);
 7 — нож-скребок (жил. 2); 9 — скобель (жил. 5); 11 — скобель (раскоп. 1947 г.)

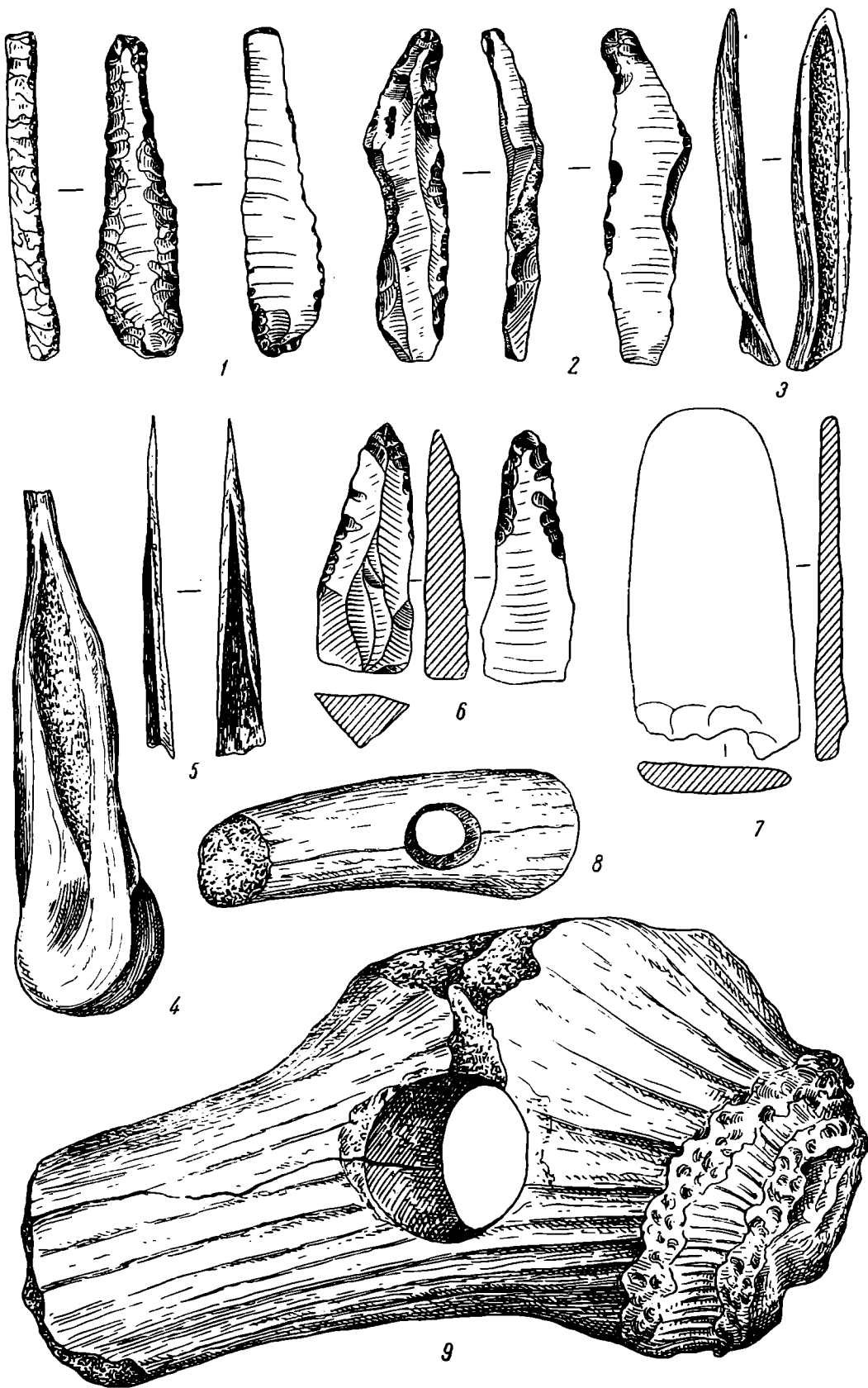

Рис. 22. Орудия труда трипольского поселения у с. Владимировки.

1 — ретушер (жил. 17); 2 — сверла (жил. 14); 3 — проколка (жил. 17); 4 — шило (подъемн.);
 5 — проколка (земл.); 6 — сверло (жил. 17); 7 — лопцало (подъемн.); 8 — мотыга (жил. 17);
 9 — мотыга

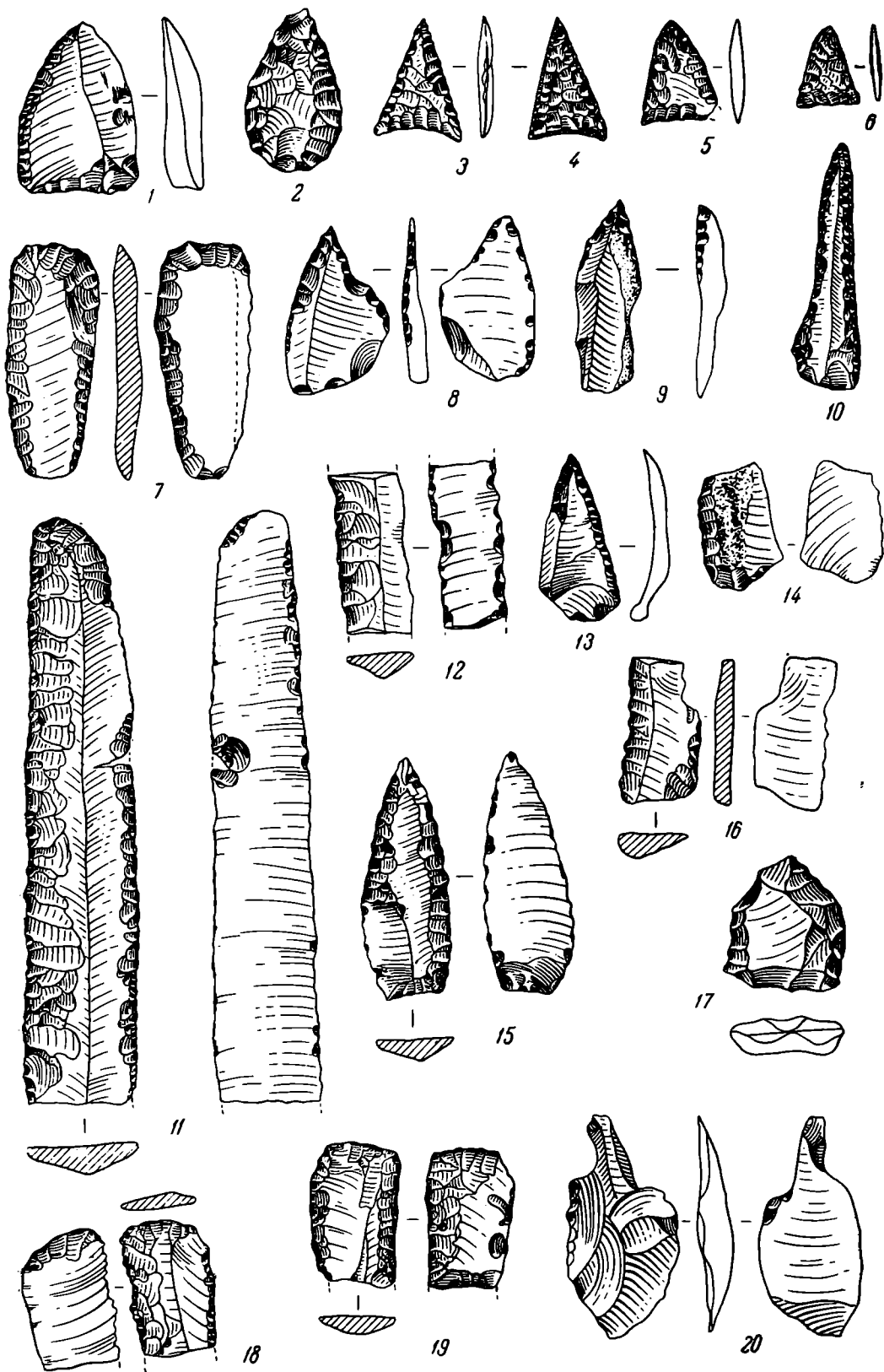

Рис. 23. Орудия труда трипольского поселения у с. Владимировки.

1 — наконечник стрелы (раск. 1947); 2 — наконечник стрелы (жил. 2); 3—6 наконечники стрел (подъемн.); 7, 16, 18 — концевые вкладыши серпов (подъемн.); 8—10 — проколка (жил. 2 и 3); 13 — проколка (подъемн.); 11, 15 — вкладыши серпов (жил. 17); 12, 14, 19 — вкладыши серпов (раскоп. 1947 г.); 17 — ретушер (подъемн.); 20 — заготовка сверла (раскоп. 1947 г.)

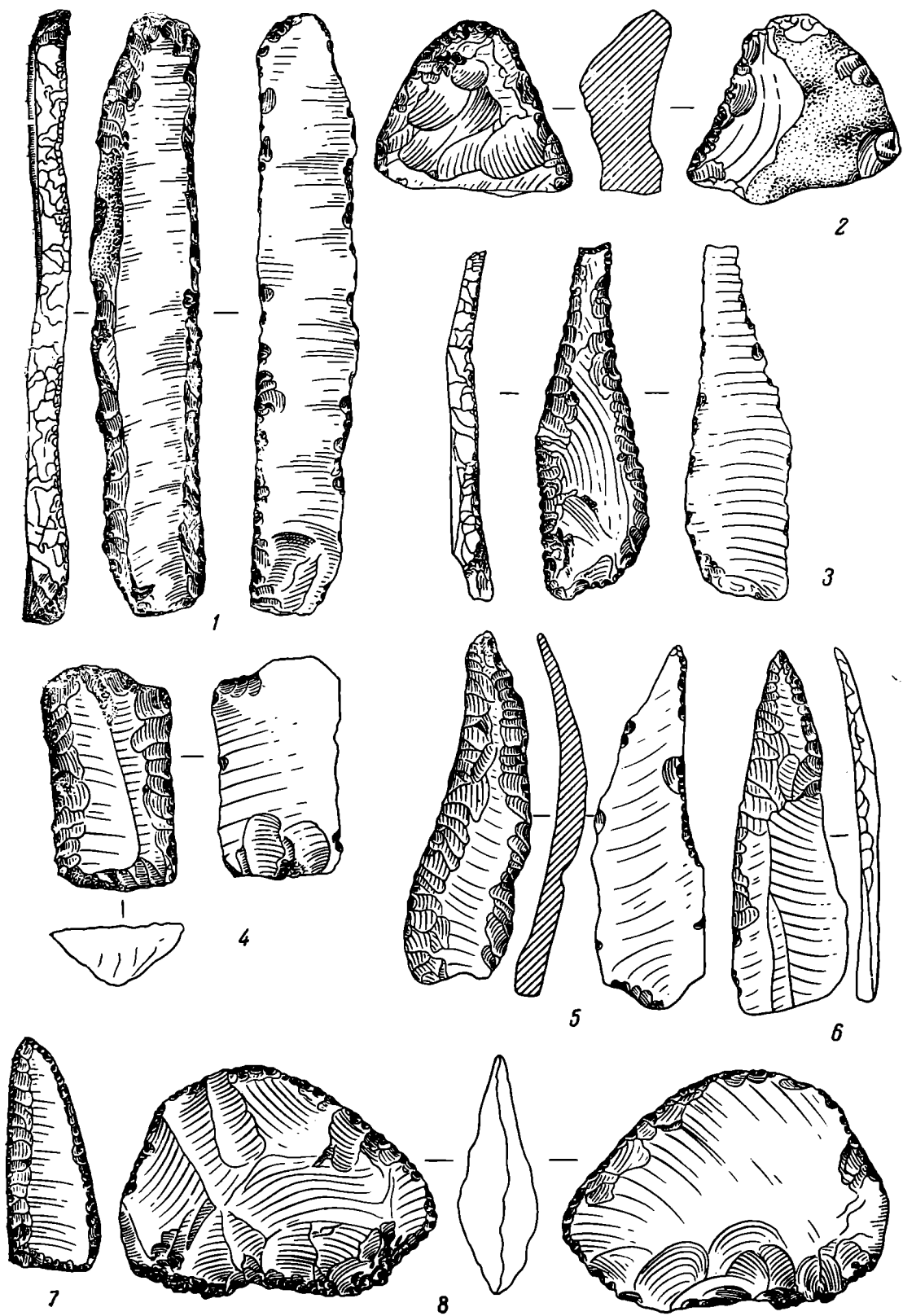

Рис. 24. Орудия труда трипольского поселения у с. Владимировки.
 1,3 — ножи (жил. 14); 2 — отщеп с ретушью (жил. 8); 4 — нож-скребок (земл.); 5,6 — ножи
 (жил. 2 и 8); 7 — нож (подъемн.); 8 — скребло (подъемн.)

В небольшом числе представлены ножи, форма которых близка к треугольной. Помещенное на рис. 24—7 орудие изготовлено на небольшой пластине ($4,3 \times 1,8$ см); ретушь покрывает ее со всех сторон по граням спинки. Встречаются такие ножи очень редко. Возможно, что, по аналогии с херсонскими треугольными ножами¹, эти ножи могли служить для чистки и разделывания рыбы.

К группе ножевидных орудий принадлежит и ряд отщепов с обработанными ретушью краями (рис. 24—2 и 20—6).

В серии ножевидных орудий следует выделить также группу серпов. Это кремневые пластины различной величины, более или менее обработанные ретушью. На лезвиях таких орудий сохраняются следы заполированности от употребления. Иногда эта заполированность бывает только с брюшка (рис. 23—11), но иногда и с обеих сторон (рис. 23—16). Заполированная поверхность очень часто идет под углом к лезвию, что указывает на то, что лезвие выступало из оправы под углом и вкладыши серпа образовывали, таким образом, пильчатый рабочий край орудия.

Довольно часто серпы имеют ретушь как по рабочему краю, так и с противоположной стороны. Концевые же вкладыши отретушированы, кроме того, и с третьей (поперечной) стороны (рис. 23—15, 18, 19). Вкладыши с пильчатым краем несут на рабочей части полировку, т. е. они также относятся к разряду серпов. От обычных вкладышей серпов они отличаются только тем, что имеют зазубренное лезвие, как у пилы (рис. 23—7, 12, 14, 18).

Второй по численности группой орудий, представленной в инвентаре владимировского поселения, является группа скребков. Среди них можно выделить две разновидности: скребки, сделанные на пластинах, и скребки — на отщепках.

Скребки на пластинах преимущественно концевые, многие из них сделаны на коротких ножевидных пластинах (рис. 21—10). Один из типичных скребков, изготовленный на конце пластины, помещен на рис. 21—5; как и все подобные ему скребки, он имеет гладкое брюшко, а ретушь проходит только по спинке на конце пластины. Обломков скребков встречено гораздо больше, чем целых орудий. Один из таких фрагментов помещен на рис. 21—6. У него обработан не только конец пластины, но частично и обе боковые грани.

Скребков на пластинах найдено большое число, но скребки на отщепках преобладают. Среди них также не редки концевые скребки. Наиболее крупный из скребков владимировского поселения представлен на рис. 21—7. Он изготовлен на массивном отщепе, размерами $8,6 \times 5,4 \times 1,4$ см. Подобный ему скребок несколько меньшего размера изображен на рис. 21—2. Среди скребков на отщепках значительное место занимают скребки округлой формы. Ретушь на такие скребки обычно наносится со всех сторон отщепки по спинке (рис. 21—3, 8).

Особо можно выделить орудия, выполняющие двойную функцию — ножей и скребков. Ножи-скребки имеют рабочие края, как у концевых скребков и как у ножей на пластинах (рис. 21—7). Орудий подобного типа найдено довольно много. К этому же типу следует отнести скребок, помещенный на рис. 24—4. Сделан он на фрагменте массивной пластины, размером $4,6 \times 2,7 \times 0,9$ см. Ретушью обработаны все края, что придает орудию прямоугольные очертания.

К разряду скребков относятся также и скобели — скребки с выемчатым краем (рис. 21—9, 11). Выемчатые скребки на трипольских поселениях встречаются довольно редко.

¹ И. Фабрициус. Херсонські трикутні кремінні ножі. «Антропологія», 1928, II стр. 227.

Несмотря на все разнообразие в формах скребков, почти всегда их можно отнести к тому или иному описанному выше разряду. Кажущиеся различия этих орудий часто зависят или от формы употреблявшегося отщепы или от величины обработанной поверхности и т. п. Итак, заготовками для скребков служили отщепы и пластины различной величины и формы. Скребки делались концевые, округлые, овальные, прямоугольные; имеются скребки-ножи и скобели.

С владимировского поселения происходит небольшая коллекция кремневых наконечников стрел. Форма их приближается к треугольной, причем у большинства стрел основание почти ровное (рис. 23—1, 5, 6). Только два экземпляра имеют у основания выемку небольшого размера (рис. 23—3, 4). Все наконечники стрел сделаны на отщепах, обработанных ретушью с обеих сторон; исключение представляет стрела, помещенная на рис. 23—1. Она отретуширована только по спинке, и то не целиком. Совершенно не типична для Владимировки стрела листовидной формы, изображенная на рис. 23—2.

Число наконечников стрел по сравнению с другими видами орудий очень невелико — всего 6 экземпляров. Но тем не менее находки их указывают на все еще существующую охоту с луком.

В небольшом числе найдены и кремневые орудия некоторых других видов. Так, проколоч найдено всего 7 штук. Большинство из них сделано на отщепах, у которых острые края подправлены ретушью, формирующей крепкое колющее острие. Прекрасная проколоч на пластине изображена на рис. 23—10. Края пластины обработаны ретушью, в то время как у проколоч, помещенных на рис. 23—8, 9, 13, ретушью обработаны только острия.

В небольшом числе представлены кремневые сверла, сделанные преимущественно на массивных пластинах. В основном ретушью обработан конец сверла, как правило, очень крепкий и довольно массивный (рис. 22—2 и 6). Интересный экземпляр заготовки сверла изображен на рис. 23—20. Примечательно, что на его конце прослеживаются два резцовых скола, формирующих острие.

Орудия, сделанные из кости и рога, занимают по числу найденных экземпляров второе место среди орудий труда владимировского поселения. Основными видами орудий из этого материала являются проколочки, шилья, мотыги, ложила.

Проколочки встречаются довольно часто. Сделаны они обычно из небольших расколотых в длину трубчатых костей животных и имеют острый заполированный конец (рис. 22—3, 5). Проколочки изготовлялись также из различных острых обломков костей даже без специальной добавочной обработки. Острия таких проколоч оттачивались и полировались. Предназначенный для этой цели точильный камень с 8 вытертыми от работы на нем жемчужинами был найден на поселении Коломийщина¹.

В группе колющих орудий своими размерами выделяются шилья (рис. 22—4), также сделанные из расколотых костей животных.

Наибольший интерес среди орудий из кости и рога представляют мотыги и их фрагменты, найденные на поселении в значительном количестве.

Мотыги употреблялись для разрыхления почвы, и находка их свидетельствует о примитивном характере существовавшего в то время земледелия. Лучшие экземпляры мотыг сделаны не из кости, а из оленьего рога (рис. 22—9). Рабочий конец мотыги обычно срезан наискось, отверстие для прикрепления к рукояти просверлено несколько наискось к плоскости орудия, из чего можно заключить, что мотыга насаживалась на рукоятку под острым углом. Обычно острия мотыг заполированы и несут на своей поверхности следы ударов. Обушковая часть, видимо, нередко использовалась для раз-

¹ Трипільська культура, т. 1. Вид. АН УРСР, Київ, 1940, стр. 123.

бивания комьев земли и также несет следы ударов. Наиболее примечательна мотыга, найденная в 1940 г. в трипольской землянке¹. Сделана она из рога оленя и имеет в длину 37 см. Диаметр просверленного в ней отверстия равен 2,5 см. Вся поверхность орудия шероховата, кроме острого конца, который сильно притупился и приобрел при работе полировку.

Интересная мотыга была найдена на поселении у с. Владимировки в 1946 г. (рис. 22—8). Это мотыжка из трубчатой кости животного, необычайно малого размера, всего 7,4 см длины. Рабочий край ее хорошо заполирован. Орудие расколото в длину.

Среди других орудий из кости следует отметить так называемые ложила, одно из которых изображено на рис. 22—7.

Заканчивая характеристику орудий труда поселения у с. Владимировки, упомянем ряд орудий из камня. Очень часто куски камней самого различного размера употреблялись как терки; нередко находят крупные нижние камни зернотерок и более мелкие — верхние. После длительного употребления такие камни срабатывались и на них образовывались грани. Находят такие орудия очень часто. На одну камеру жилища приходится в среднем 3—4 зернотерки. В качестве иллюстрации можно указать на две зернотерки из раскопок 1946 г. Одна из них сделана из серого гранита. Камень вытянутый, стерт снизу и сверху, от работы на нем образовались углубления овальной формы. Размеры зернотерки 36 × 19 × 11 см. Размеры большего углубления 24 × 9 см. Вторая крупная зернотерка имеет четырехугольные очертания; сделана она из розового гранита. Рабочая поверхность плоская. Размер зернотерки 28 × 8 × 10 см.

Встречаются зернотерки с углублением округлой формы, получившимся от круговых движений при трении верхнего камня, растиравшего зерно о нижний. Кроме камней для растирания, очень часто встречаются небольшие гальки, стороны которых совершенно стертые от работы. С какой целью употреблялись эти гальки, еще не выяснено. Возможно, их использовали для лощения керамики.

В каждом жилище, как правило, мы находим по несколько шлифовальных и точильных камней, сделанных из кусков песчаника.

Выше была дана характеристика основных видов орудий труда трипольского поселения у с. Владимировки. Рассмотренная нами коллекция позволяет заключить следующее.

1. Обитатели владимировского поселения сами производили все необходимые им орудия труда из камня и кости (на поселении встречены и орудия, и их заготовки, и отбросы производства).

2. Для поделок (орудий) употреблялись те породы камня, в том числе и кремня, которые встречаются близ поселения.

3. На изготовление орудий из кости и рога шли кости и рога преимущественно диких животных, добываемых охотой.

4. О занятии населения примитивным мотыжным земледелием говорят находки таких орудий, как костяные и роговые мотыги, предназначенные для насадки на деревянную рукоять, а также и пластин с заполированными от срезания растений гранями — серпов. Об этом же свидетельствуют находки зернотерок и различного рода камней для растирания, постоянно находимых в жилищах трипольского времени.

5. Наряду с разведением скота продолжает существовать и охота. Кремневые наконечники стрел указывают на то, что для охоты применялся лук. О значительной роли охоты, кроме большого числа костей диких животных, говорит также значительное число поделок из костей и рогов диких живот-

¹ Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 92.

ных. Скребки, шилья, проколки, ложила, ножи, т. е. орудия для обработки кож и разделки туш, также являются свидетельствами значительной роли охоты в хозяйстве трипольцев.

Перечисленный выше ассортимент орудий владимировского поселения велик, но его следует все же дополнить, так как далеко не все виды орудий были обнаружены в процессе раскопок. Например, тесло, долото и топор должны были применяться жителями владимировского поселения, так как мы знаем, что в своих постройках трипольцы применяли значительное количество дерева, для обработки которого, хотя бы и очень примитивной, все же требовались рубящие инструменты. На поселении много изделий из рога оленя, а мы знаем, что боковые отростки рогов могли быть удалены только при помощи какого-либо крепкого рубящего орудия. Значит, и тут требовались топор или долото. Однако до сих пор ни одного экземпляра этих орудий здесь не найдено.

Таким образом, инвентарь владимировского трипольского поселения таков: отбойники, нуклеусы (и нуклеусы-отбойники), ретушеры, пластины со следами употребления, отщепы и осколки со следами употребления, ножи с прямым и сужающимся к вершине лезвием, ножи почти треугольной формы, скребки (концевые, округлые, овальные, прямоугольные), скребки-ножи, скобели, проколки, наконечники стрел, сверла, вкладыши серпов, точильные и шлифовальные камни, гальки для лощения, зернотерки и камни для растирания, роговые и костяные мотыги, ложила, шилья и проколки из кости. При дальнейших археологических работах этот перечень должен будет значительно расширяться.

Г. А. ЧЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА РЕКЕ ЩУЧЬЕЙ

Летом 1949 г. в бассейне р. Щучьей, левого притока Оби, мне удалось обнаружить девять древних стоянок и собрать на них кремневые орудия и черепки глиняной посуды с орнаментом. Кроме того, из старых ненецких разрушенных могил и жертвенных мест было собрано некоторое число металлических предметов. Бассейн р. Щучьей не посещался до сего времени археологами, и найденный нами материал для истории дальнего Севера должен представлять интерес. Поиски стоянок были предприняты по р. Щучьей от д. Щучья до самого верховья (рис. 25). Нижнее течение не было исследовано. Кроме берегов р. Щучьей, были осмотрены берега рек Тальбей-шор, Езенген-шор, Малой и Большой Хадаты, а также берега озер, расположенных вблизи фактории Лаборовой.

Наиболее древний памятник (стоянка № 2) был обнаружен на левом берегу р. Щучьей в 10 км выше устья Тальбей-яхи. Здесь на бичевнике у подножья 10-метровой третьей террасы, сложенной галечниками, а вверху бурыми суглинками, было найдено 70 глиняных черепков с орнаментом, принадлежавших 9 сосудам. Нахождение черепков на бичевнике на высоте весенних паводков указывает, что место стоянки размывто р. Щучьей, которая и в настоящее время усиленно размывает берега.

Все черепки с ямочно-ребенчатым орнаментом, причем ямки расположены в верхней части сосуда в три или в четыре ряда в шахматном порядке (рис. 26—1—4). Сосуды были круглодонными, несколько суживающимися к основанию (рис. 26—1а). Бока сосудов были в большинстве случаев слабовыпуклыми (рис. 27—1—9). Сосуды достигали 25 см в диаметре и 30 см высоты при толщине стенок 8 мм. Для изготовления сосудов бралась озерная глина, к которой примешивался песок, содержащий большое количество белой слюды. Последняя хорошо видна во всех черепках. На внутренней стороне сосудов видны грубые полосы, оставленные, повидимому, пучком травы при сглаживании стенок сосудов. Сосуды делались без утолщенного венчика. Против ямочного орнамента, на противоположной стороне стенок — небольшие бугорки. Ямки наносились палочкой конической формы. Обжиг большинства сосудов довольно сильный, так что они имеют красновато-желтоватый цвет. На некоторых черепках сохранился нагар черного цвета.

Сосуды с описанным выше орнаментом встречались на стоянках центральной части Большеземельской тундры, ямочный орнамент также наносился в три или в четыре ряда¹. На отдельных черепках присутствовал

¹ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Бюлл. четверт. комиссии АН СССР, 1947, том VII, вып. 1, табл. XV, рис. 42 и 43; табл. XVII, рис. 64—66 и 72.

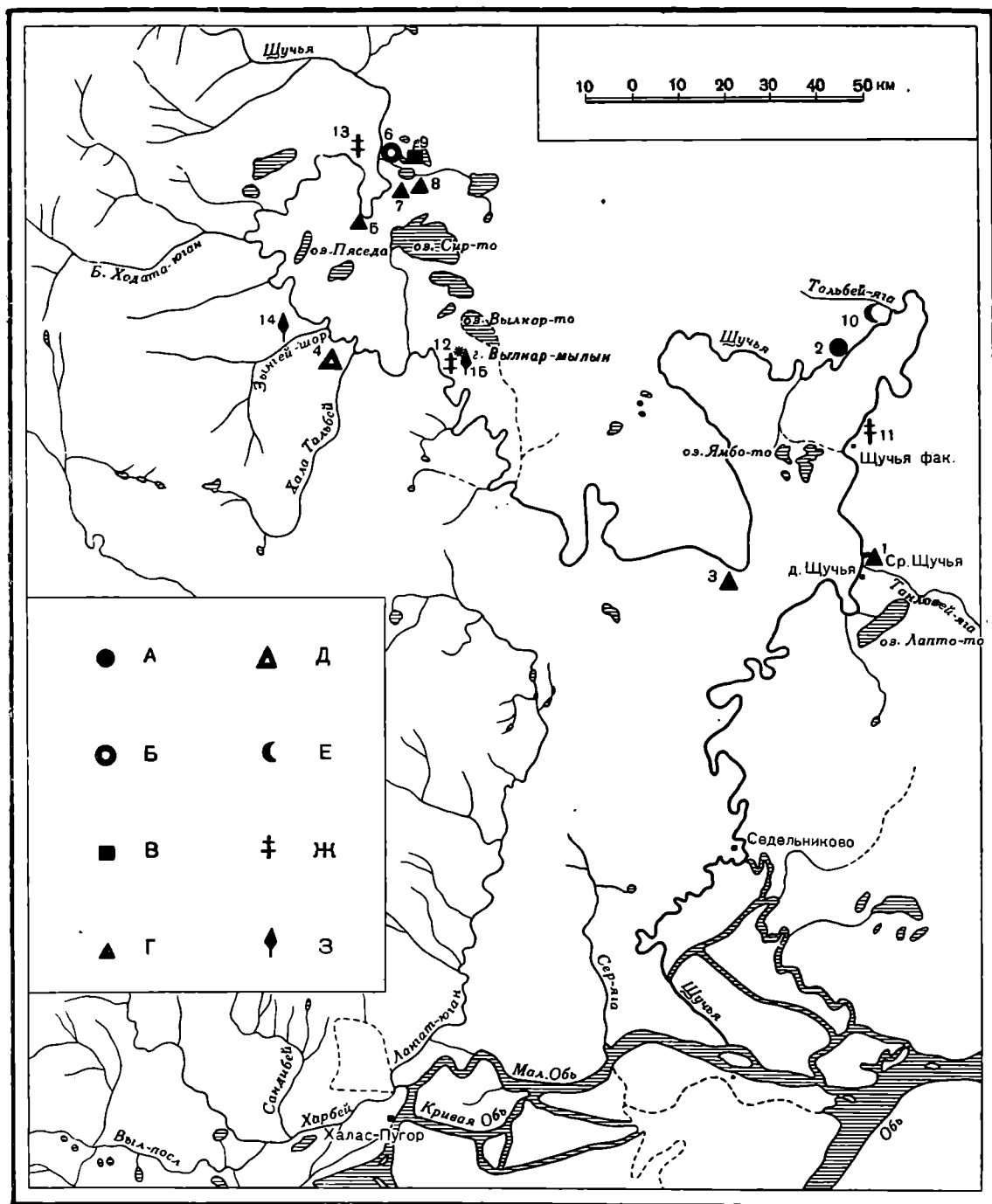

Рис. 25. Карта археологических памятников на р. Щучьей.

А — стоянки начала II тысячелетия до н. э.; Б — стоянки рубежа II и I тысячелетия до н. э.; В — стоянки начала I тысячелетия до н. э.; Г — стоянки V—III вв. до н. э.; Д — стоянки II в. до н. э. и II в. н. э.; Е — стоянки X в. н. э.; Ж — древние могилы; З — жертвенные места.

простой гребенчатый орнамент. Сосуды орнаментировались, повидимому, целиком¹.

В восточной части Большеземельской тундры также встречались сосуды, орнаментированные сплошь. Так, например, на 22-й стоянке р. Коротайхи² было встречено несколько сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом,

¹ Там же, табл. XVII, рис. 69 и 70.

² Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, том XV, 1951.

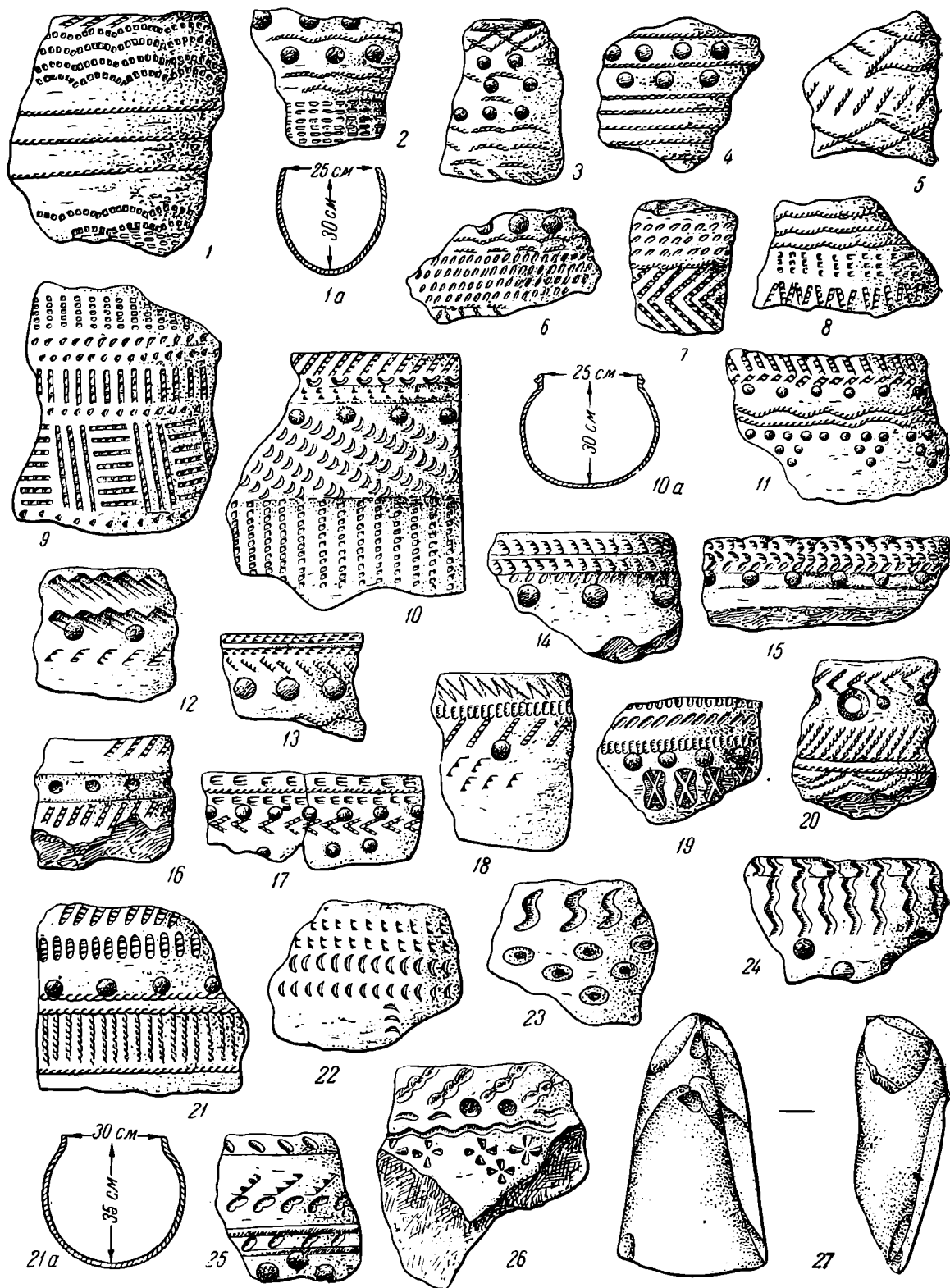

Рис. 26. Керамика и каменный топорик со стоянки на р. Щучьей.

1—9 — со второй стоянки; 10—15 — с шестой; 16—20 — с десятой; 21 и 22 — с седьмой; 23—26 — с четвертой; 27 — с третьей (1/2 н. в.).

покрывавшим весь сосуд. Все эти сосуды и по форме имеют сходство с сосудами стоянки берега р. Щучьей. Сосуды с аналогичным орнаментом известны на стоянках, расположенных на берегах р. Северной Сосвы¹. Они были изучены В. Н. Чернецовым и отнесены ко II тысячелетию до нашей эры².

К более позднему времени относится сосуд с ямочно-гребенчатым орнаментом, найденный нами на берегу небольшого озера вблизи фактории Лаборовой (6-я стоянка). Здесь среди золотых песчаных дюн, развитых

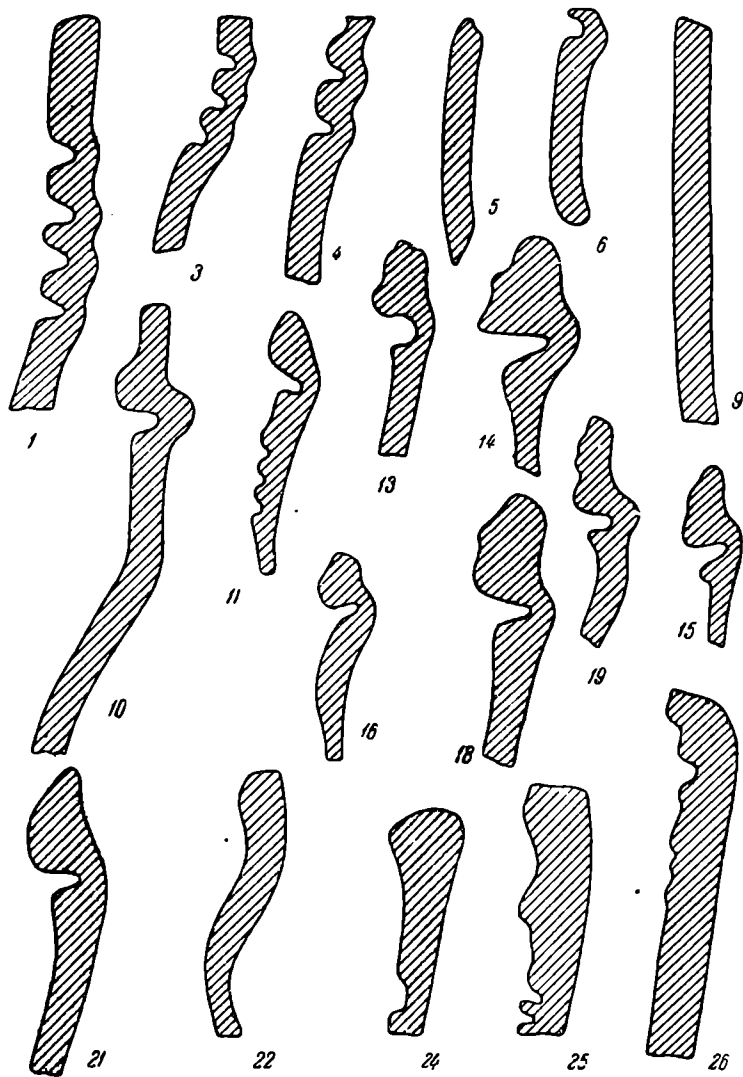

Рис. 27. Профиль черепков сосудов со стоянок на р. Щучьей (²/₃ н. в.)
(номера профилей соответствуют номерам черепков, помещенных на рис. 26).

на восточном берегу озера, был обнаружен один черепок от сосуда, имеющего сильно выпуклые стенки (рис. 26—10), повидимому круглодонного, с прямым, высоким (4 см) венчиком, который выше ямочного орнамента имеет с наружной стороны утолщение (рис. 27—10). Сосуд имеет 25 см в диаметре и 30 см в высоту, при толщине стенок в 7 мм, к донной части несколько утолщающихся. Гребенчатый орнамент наносился двумя штампами, причем один из них, оставлявший серпообразные вдавления, был сделан, повидимому, из основания гусиного пера. По всей вероятности, сосуд не

¹ С. Г. Боч. Стоянки в бассейнах Северной Сосвы и Конды. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. 1937, том V, вып. 1.

² В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX, 1941.

покрывался гребенчатым орнаментом целиком, но боковые его части были орнаментированы. Ямки нанесены в один ряд почти в самой верхней части сосуда. Бугорки на обратной стороне против ямок высокие. Гребенчатый орнамент покрывает и внутреннюю сторону сосуда, но лишь только до бугорков. Сосуд, сделанный с большей тщательностью, имеет желтовато-серый цвет. В глину примешивался песок, содержащий большое количество листочков белой слюды.

Сходные по форме сосуды с подобным орнаментом известны на стоянке Зеленая горка, расположенной на правом берегу р. Оби ниже г. Салехарда, и были описаны В. Н. Чернецовым¹, который датирует их рубежом II и I тысячелетий до н. э.

На этой же открытой нами в 1949 г. 6-й стоянке несколько в стороне от вышеописанного сосуда было собрано 127 черепков от 11 сосудов. Орнамент на них несколько иной и представлен на рис. 26—11—15. Он наносился лишь в верхней части сосудов на утолщенном и слегка отогнутом венчике (рис. 27—11—15). Ямочный орнамент шел в один ряд, гребенчатый у некоторых сосудов наносился лишь над ямочным, на других неглубокие ямки составляют треугольники (рис. 26—11). Сосуды достигали 30 см в диаметре и такой же высоты при толщине стенок в 5 мм и меньше. Все они круглодонные, со слабовыпуклыми боками. Обжиг некоторых сосудов сильный, и они имеют красно-желтый цвет, другие от нагара жира черные. В них также поблескивает белая слюда. Орнамент большинства этих сосудов очень сходен с орнаментом сосудов Большеземельской тундры. Кроме того, наблюдается большое сходство с орнаментом сосуда восточной части Большеземельской тундры. Некоторые имеют сходство в орнаменте с сосудами стоянок нижней Печоры². Сосуды с подобным орнаментом известны также на стоянке Зеленая горка и датируются В. Н. Чернецовым началом I тысячелетия до н. э.³ Кроме сходства в орнаменте, наблюдается почти тождество и в профиле верхней части.

К более позднему времени относятся, повидимому, сосуды, найденные на западном берегу озера Ен-то (9-я стоянка, рис. 26—16—20). Здесь было собрано 72 черепка от 10 сосудов и был найден обломок от сосуда с поддоном. Орнамент и форма сосудов с 6-й и 9-й стоянок в общем сходны, но на некоторых из них, например на сосуде, представленном на рис. 26—19, отпечатался фигурный штамп в виде креста, указывающий на несколько более позднее время. Сосуды с подобным орнаментом были встречены В. Н. Чернецовым на Усть-Полуйской стоянке и датируются им второй половиной I тысячелетия до н. э.⁴

К тому же времени можно отнести сосуды, обнаруженные нами и на 7-й стоянке, расположенной на южном высоком берегу озера Моя-то. Здесь был собран 21 черепок от 6 глиняных сосудов с ямочно-гребенчатым и гребенчатым орнаментом. Один сосуд (рис. 26—21) с ямочно-гребенчатым простым орнаментом достигал 35 см в диаметре, другие же с гребенчатым орнаментом (рис. 26—22) были значительно меньших размеров и с более выпуклыми боками. У всех этих сосудов бока не орнаментировались. Глина сосудов — того же состава, содержащая большое количество листочков белой слюды. Несколько далее к востоку от 7-й стоянки расположена 8-я стоянка, на которой было собрано 7 черепков без орнамента. Здесь же найдены две каменные плитки дискообразной формы до 10 см в диаметре и в 1 см толщиной, повидимому, рыболовные грузила. На обеих плитках

¹ В. Н. Чернецов. Зеленая горка близ Салехарда. КСИИМК, вып. XXV, 1949.

² Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в нижнем течении р. Печоры. КСИИМК, вып. XXIII, 1948.

³ В. Н. Чернецов. Ук. соч.

⁴ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров.

на противоположных краях сделаны небольшие углубления, по всей вероятности, для привязывания веревкой к рыболовной сети. Говорить определенно, что эти грузила отвечают времени древней стоянки, у нас нет никаких оснований.

По всей вероятности, 1-я стоянка, расположенная у устья р. Тамлова, также относится к V—II вв. до н. э. Здесь, на бровке второй террасы, в небольших яреях удалось обнаружить всего лишь 17 мелких черепков от двух сосудов. Стоянка находится на самой дороге между д. Щучьей и Щучьей Средней, поэтому все черепки были поломаны на мелкие кусочки. Один сосуд с простым гребенчатым орнаментом имел диаметр горла всего лишь 5—7 см при толщине стенок 3—4 мм. Другой сосуд тоже был маленьким. Однако, несмотря на небольшие размеры сосудов, на некоторых черепках сохранился обильный жировой нагар. Возможно, что данные сосуды являлись светильниками. Наконец, один небольшой черепок без орнамента был найден на левом берегу Щучьей, ниже фактории Лаборовой (5-я стоянка).

На 4-й стоянке, обнаруженной на небольших песчано-галечниковых гривках третьей террасы ручья Тальбей-шор, эти гривки располагались среди заболоченной тундры в 200—300 м от ручья и в 1 км от его устья. Здесь было собрано 56 черепков от 9 сосудов. Все черепки отличаются от вышеописанных грубостью глиняной массы и небрежностью орнаментации. Орнамент на одних ямочно-гребенчатый, на других гребенчато-ямочный. Гребенчатый орнамент на одном сосуде крестообразный (рис. 26—26), на других в виде буквы S (рис. 26—23). На некоторых сосудах сделаны утолщения в виде карнизов (рис. 26—25). Толщина стенок у большинства сосудов достигает 10 мм при диаметре сосуда 35—40 см. Судя по форме и количеству черепков с орнаментом, которых оказалось 41 из 56, можно сказать, что орнаментировались и боковые части сосудов. Состав глины был несколько иным, чем у вышеописанных сосудов, примесь песка и белой слюды в ней незначительна. По всей вероятности, дресва в небольшом количестве прибавлялась к этой озерной глине, вследствие чего сосуды были менее прочными и часто расслаивались вдоль стенок, что хорошо видно на некоторых черепках. Обжиг у части сосудов слабый, и красновато-желтый цвет приходится лишь на внешнюю сторону, тогда как остальная часть черепка имеет почти черный цвет. Подобные сосуды в Большеземельской тундре нами обнаружены не были, но аналогичные им известны на р. Оби, у устья Полуя, и датируются В. Н. Чернецовым началом нашей эры.

На правом берегу р. Щучьей, где она образует узкий перешеек большой петли, на коренном берегу на небольшом ярее среди песков с галькой был найден каменный топорик (пункт № 3) с острым рабочим краем (рис. 26—27). Он сделан из серого кварцевого сланца с хорошо отшлифованным рабочим краем. Аналогичные топорики со стоянки Честый-яг были найдены и описаны В. Н. Чернецовым¹ и отнесены им ко II тысячелетию до н. э.

Кроме неолитических находок, на р. Щучьей, у устья р. Тальбей-яхе, на левом коренном берегу на глубине примерно 20—30 см под дерном было найдено медное кресало. На кресале изображен какой-то хищник, туловищем похожий на льва, с отчетливо выраженными ребрами. Лапы с большими когтями, а голова скорее волчья, с открытой пастью и с заячьими ушами, переходящими в петельку, прикрепленную к задней части туловища. Лохматый хвост и нижняя челюсть соединяются с планкой, в которую вставлена железная пластинка, почти полностью истертая (рис. 28—1).

Как отмечалось выше, нами были осмотрены некоторые старые разрушенные ненецкие могилы, из которых удалось собрать несколько предметов.

¹ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров.

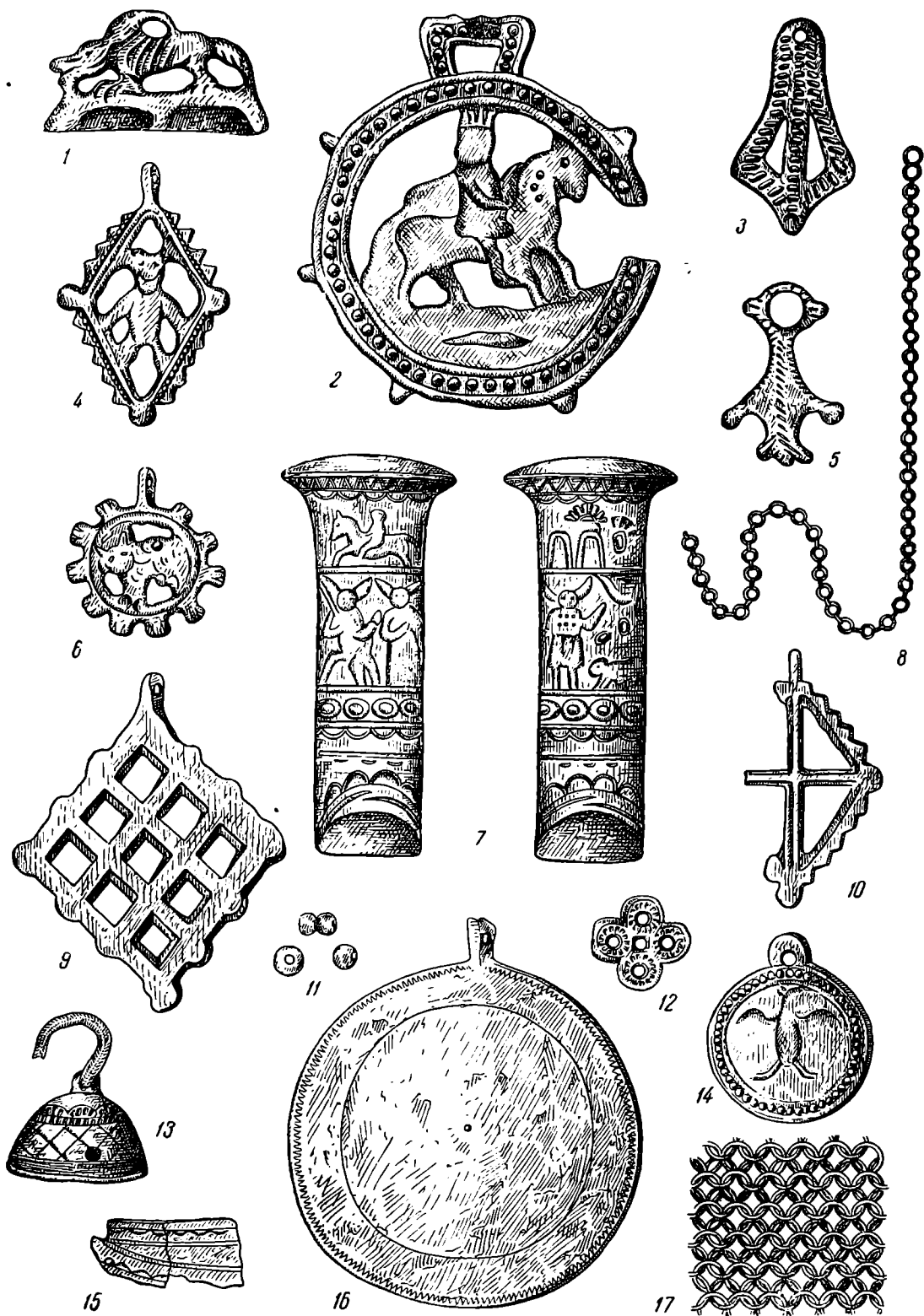

Рис. 28. Металлические предметы из ненецких могил и жертвенных мест р. Щучей.

1 — медное кресало с железной пластинкой; 2 — латунная бляха; 3—6 и 10 — бронзовые подвески; 7—8 — ручка кинжала и цепочка (из крепкой бронзы); 9 и 14 — латунные подвески; 11 — стеклянные бусы; 12 — подвеска из белого металла (сплав олова, сурьмы и меди); 13 — бронзовый колокольчик; 15 — латунная пластинка; 16 — бронзовая бляха; 17 — железная кольчуга.

На левом берегу р. Щучьей, против Верхней фактории, среди дюнных песков второй террасы была найдена латунная прорезная бляха (рис. 28—2), в кольце которой изображен всадник, сидящий верхом на коне. У всадника на голове надета, повидимому, корона, кольцо украшено небольшими бугорками, а по бокам торчат шесть шипиков. Ушко квадратное, несколько сужающееся у места прикрепления. Подобные бляхи описываются у Д. Н. Анучина¹. Данные бляхи, по словам Д. Н. Анучина, приобретались, очевидно, у русских торговцев, проникавших в низовье Оби в XVIII в. Кроме этой бляхи, были подняты две подвески ромбической формы, латунная и бронзовая (рис. 28—9, 10), цепочка и латунная пластинка (рис. 28—15), четыре цветных стеклянных бусины (рис. 28—11), железный нож и кольцо.

В могиле у Вылкар-мыльк была найдена медная рукоятка от кинжала (рис. 28—7). В одной могиле у фактории Лаборовой были найдены женские украшения, среди которых оказались бронзовые подвески, изображающие гусиную лапу (рис. 28—3), медвежонка (рис. 28—4), летящую птицу (рис. 28—5), кошку (рис. 28—6), и цепочка (рис. 28—8).

Кроме ненецких могил, были осмотрены два жертвенных места. Одно из них находится в юго-восточной части сопки Вылкар-мыльк, а второе — на левом берегу долины р. Езенги-шор. Первое из них представляет собой большую грудку оленьих черепов и рогов, сложенных в кучу, по бокам которой поставлены деревянные идолы. Некоторые из них обвязаны цветными тряпочками. Это жертвенное место, судя по большому числу костей и их выветренности, существует, повидимому, продолжительное время. На жертвенном месте лежало много различных предметов, среди которых были и современные бутылки и серебряные монеты 1923 и 1927 гг.; лежали там шаманские бубны с колокольчиками и бубенчиками (рис. 28—13), две бляхи — латунная и бронзовая (рис. 28—14, 16), одна подвеска из белого металла (рис. 28—12), железная кольчуга (рис. 28—17). Это место является и до сего времени священным. И в самом деле, около него сохранились следы от костров, которые жглись весной 1949 г., и лежали свежие оленьи черепа. Второе жертвенное место находится среди скал, к которым были приставлены деревянные идолы.

Все предметы из ненецких могил и жертвенных мест — поздние и относятся к XVIII—XIX вв.; некоторые из поделок, как, например, подвески с изображением медведя (рис. 28—4), подражают предметам X—XII вв. н. э.

Обнаруженный в бассейне р. Щучьей археологический материал несомненно указывает, что этот район уже во II тысячелетии до н. э. был заселен человеком. Обнаружение небольшого числа стоянок объясняется главным образом тем, что большинство их безусловно было разрушено рекой, которая продолжает и в настоящее время сильно размывать берега. Дело в том, что р. Щучья на значительном своем протяжении течет среди позднеледниковых озерных ленточных глин, которые легко размываются, вследствие чего Щучья бесконечно меандрирует среди низких террас. Но древний человек заселял не только берега реки. Первые же наши поиски по берегам озер, расположенных вблизи фактории Лаборовой, увенчались успехом: там было обнаружено четыре стоянки. Это обстоятельство несомненно указывает, что на берегах остальных озер также будет обнаружено много стоянок. Нам кажется, что берега Щучьей меньше привлекали людей, чем берега озер, так как рыба сосредоточена главным образом в озерах, а не в р. Щучьей, вода которой очень мутная. Древний человек

¹ Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Материалы по археологии восточных губерний. Изд. Моск. археол. об-ва, т. III, 1899.

занимался и охотой. Однако непонятен тот факт, что ни на одной стоянке совместно с керамикой не было найдено ни одного кремневого орудия и тем более наконечников стрел, которыми так богато большинство стоянок Большеземельской тундры. Из кремневых орудий был найден всего лишь каменный топорик. Отсутствие каменных орудий нам кажется не случайным и может быть объяснено тем, что в низовье Оби быстрее проникли новые орудия (бронзовые и железные), в то время как в Большеземельской тундре еще долгое время продолжали бытовать орудия кремневые. При описании стоянок уже было отмечено большое сходство в орнаменте между сосудами с берегов р. Щучьей и стоянок Большеземельской тундры, причем наибольшее сходство наблюдается с сосудами стоянки восточной части Большеземельской тундры, чем центральной и западной, где в орнаменте проявляется своеобразный ямочно-гребенчатый и ногтевой орнамент. Поэтому не исключена возможность, что древний человек, заселявший р. Щучью, мог проникнуть в восточную часть Большеземельской тундры, причем связь могла поддерживаться и непосредственно через Уральский хребет, где имеются низкие перевалы, а также через тундру вдоль Карского побережья. На проникновение обской культуры в Большеземельскую тундру, а не наоборот, указывает нам материал стоянок берегов р. Оби, где данная культура распространена очень широко, тогда как в Большеземельской тундре она встречается лишь в восточной части. Развитие неолита в Большеземельской тундре шло безусловно своим путем, но не исключена возможность связи этого района с югом через верховья Печоры и Камы.

М. П. ГРЯЗНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ОДНОГО ДРЕВНЕГО ПОСЕЛКА

(Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.)

Производившиеся в 1946—1947 гг. Северо-алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа и ИИМК археологические раскопки на Ближних Елбанах близ с. Большая Речка на р. Оби были продолжены и в 1949 г.¹

Ближние Елбаны — это гряда дюн, расположенная в широкой пойме р. Оби. Полоса лугов в 7—10 км шириной каждый год весной затопляется водой. Только гряды дюн остаются островками среди широких водных просторов. На таких дюнах расположены все современные деревни. На них же располагались поселки древних племен Верхней Оби.

Гряда дюн, Ближние Елбаны, находящаяся близ вытекающей из огромного лесного массива р. Большая Речка, была одним из наиболее удобных мест для поселения в течение очень долгого времени. Удачно расположенные среди необходимых угодий — луговые пастбища, пашни, бор для охоты, р. Большая Речка для рыболовства — Ближние Елбаны весной представляли собой островок площадью около 0,2 кв. км. Вся территория островка принадлежала одному поселку. На одной дюне располагался сам поселок, на другой — кладбище, на третьей, если это надо было, — литейная мастерская. Остальные дюны служили пастбищем для скота во время половодья.

За три года работ на Ближних Елбанах экспедицией открыты и исследованы памятники одиннадцати последовательных хронологических этапов, начиная с эпохи бронзы (андроновская культура) и кончая телеутами XVI—XVII вв. В четырех случаях открыты не только остатки самих поселений, но и хронологически связанные с ними могильники, в шести — только могильники. В результате трехлетних раскопок получен обширный и разнообразный археологический материал, позволяющий дать, начиная с эпохи бронзы, дробное хронологическое подразделение памятников Верхней Оби, которое, несомненно, послужит прекрасным «эталоном» для датировки памятников лесной полосы Западной Сибири. Исторически материал этот ценен тем, что позволяет проследить на протяжении 3000 лет историю древних вернеобских племен на примере одного населенного пункта, позволяет осветить историю до сих пор почти неизвестных лесных групп древнего населения Южной Сибири. Не располагая еще этими материалами, С. В. Киселев вынужден был в опубликованной им в 1949 г. монографии

¹ Краткое сообщение о работах 1946—1947 гг. см. в КСИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 110—119.

«Древняя история Южной Сибири» ограничиться рассмотрением истории только степных и горных групп племен.

Раскопками 1949 г. на Ближних Елбанах были охвачены памятники всех открытых здесь ранее эпох, кроме одной — карасукской. Работы велись как в прежних пунктах, так и в новых¹.

Большая часть древних памятников на Ближних Елбанах не имеет внешних признаков. Их наличие устанавливалось по находкам культурных остатков в обнажениях развеиваемых ветрами дюн. Почти в каждой дюне обнаруживались остатки поселения или могильника, иногда поселений двух эпох, могильников двух или трех эпох, поселения одной эпохи и могильника другой и т. д. Это дало повод думать, что такое же число памятников таится в недрах и тех дюн, которые еще не подверглись развеиванию ветрами. В 1949 г. были предприняты раскопки на трех таких дюнах, внешне ничем не выдававших присутствия в них каких-либо памятников древности.

В одном случае на дюне была вскрыта площадь в 48 кв. м, но ничего, кроме одного железного наконечника стрелы, здесь не было обнаружено.

В другом случае, в пункте БЕ XII², на маленькой с крутыми склонами дюне были открыты и исследованы четыре могильника (большереченского и березовского этапов большереченской культуры, одинцовского и переходного этапов верхнеобской культуры), два детских погребения андроновской культуры и, наконец, остатки литейной мастерской бийского этапа большереченской культуры.

Третья дюна, пункт БЕ XIV³, также служила местом погребения. Здесь были могильники андроновской культуры, большереченского и одинцовского этапов, одно погребение монгольского времени и два поздних, точно неопределимых.

На последних двух дюнах удалось сделать интересные стратиграфические наблюдения, позволяющие доказать хронологическую последовательность установленных групп памятников. Так, на значительной части дюны БЕ XIV наблюдался слой погребенной почвы на глубине до 70—80 см. Могилы андроновской культуры и большереченского этапа перекрыты этим слоем и, следовательно, сооружены задолго до того, как он стал погребенным. Могилы одинцовского этапа нарушили слой погребенной почвы и имеют в своем заполнении, на его уровне и ниже, прогибающиеся пестрые прослойки. Над могилами не успел образоваться прочный дерновый слой. Остатки намогильных тризн одинцовского этапа располагались в верхней части погребенного слоя почвы. Наконец, могила монгольского времени и обе более поздние вырыты с поверхности современного почвенного слоя и не доходят до слоя погребенной почвы или лишь слегка погружаются в него. Таким образом, стратиграфически распределяются три группы погребений: более древние — андроновские и большереченские; затем — одинцовские; наконец — монгольское и два поздних, точно неопределимых.

На дюне БЕ XII можно было наблюдать, что могилы большереченского этапа перекрыты культурным слоем, содержащим остатки литейной мастерской бийского этапа, а могилы березовского этапа перерезают как погребения большереченского, так и культурный слой. Таким образом, стратигра-

¹ В работах экспедиции в 1949 г. приняли участие, кроме автора, М. Н. Комарова, В. Н. Полторацкая, С. С. Сорокин, Е. И. Оятева, студенты Ленинградского университета, а также студенты Барнаульского педагогического института с их руководителем А. П. Уманским.

² Отдельно стоящая дюна, находящаяся к северу от пункта БЕ X и к юго-западу от пункта БЕ I. См. план Ближних Елбанов, приведенный на рис. 44 в указанной выше статье в КСИИМК, вып. XXVI.

³ Юго-западная оконечность дюны с пунктом БЕ I, рядом с пунктом БЕ XII. См. там же.

фически совершенно бесспорно устанавливается хронологическая последовательность памятников трех этапов большереченской культуры — большереченского (ранне-скифское время, VII—VI вв. до н. э.), бийского (V—III вв. до н. э.) и березовского (II в. до н. э.—I в. н. э.). Кроме того, на плане этого многовекового могильника можно видеть, что погребения одинцовского этапа занимают всю верхнюю площадку дюны, а открытые здесь же четыре погребения переходного этапа расположены на неудобном месте по северо-западному склону дюны за пределами одинцовского могильника. Такое распределение могил на дюне может объясняться лишь тем, что последние четыре могилы были устроены в то время, когда на одинцовских могилах были еще видимы намогильные сооружения или, во всяком случае, сохранялась память о месте их нахождения. Это значит, что памятники переходного этапа по времени следуют непосредственно за памятниками одинцовскими.

В краткой статье нет возможности сообщить о всех группах исследованных памятников, так как материал очень разнообразен. Здесь можно указать лишь то новое или наиболее интересное, что дали раскопки 1949 г.

Открытие могильника андроновской культуры на одной дюне и двух погребений на другой (всего 17 погребений) прибавило к истории населенного пункта на Ближних Елбанах еще несколько столетий в глубь веков. Погребения эти обычного для Верхней Оби типа.

Было продолжено исследование поселения большереченского этапа. Слабый растительный покров этого года позволил увидеть землянки не только в обнажениях дюны, но и на не тронутой ветрами ее поверхности. Удалось установить наличие на поселении шестнадцати землянок, расположенных в три ряда. Возможно, что их было несколько больше, но вряд ли более 20.

Закончено исследование землянки № 3, начатое раскопками в 1947 г. Первые две землянки удалось раскопать лишь частично, на площади в несколько метров шириной. Третья землянка в сохранившейся части исследована полностью. Осталась невыясненной незначительная ее часть вдоль задней, северо-западной стены, разрушенной ветрами.

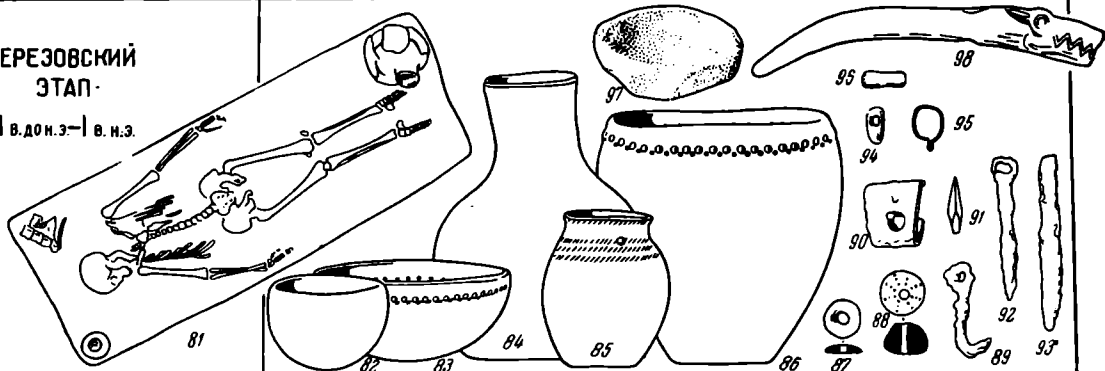
Определилась конструкция жилища. Полуземлянка, шириной 13 м и длиной, несколько превышающей ширину, располагалась на слегка покатой поверхности дюны. Передняя стена жилища со входом была сооружена на поверхности. Пол был горизонтальным, и поэтому жилище оказалось погруженным в землю сначала незначительно, а затем, ближе к западной стене, на глубину до 70 см. Вырытый для жилища котлован имел, таким образом, вид карьера, начинающегося с поверхности дюны и постепенно врезающегося в нее.

Боковые стены полуземлянки, судя по их прямизне, были, вероятно, укреплены бревнами, уложенными горизонтально. Передняя стена со входом имела столбовую конструкцию, следы которой сохранились в виде частого ряда ямок от столбов. Перед этим рядом, в 2 м от него, располагался второй ряд ямок, от второго ряда столбов, более редко поставленных. Посредине стены в обоих рядах столбов имелся перерыв немногим более метра шириной. Это вход в жилище, которое имело, видимо, двухскатную кровлю со стропилами, опирающимися своими концами прямо на землю или на низкие боковые стены. Передняя стена состояла из частого ряда столбов, забранных плетнем, а может быть, обшитых корьем или другим материалом. Вдоль передней стены были устроены сени или открытый навес шириной 2 м (рис. 29—35).

Очаг находился посредине жилища, ближе к его задней стене. Глиняная посуда в числе около 15 целых сосудов разных форм и размеров располагалась преимущественно в левом заднем углу жилища.

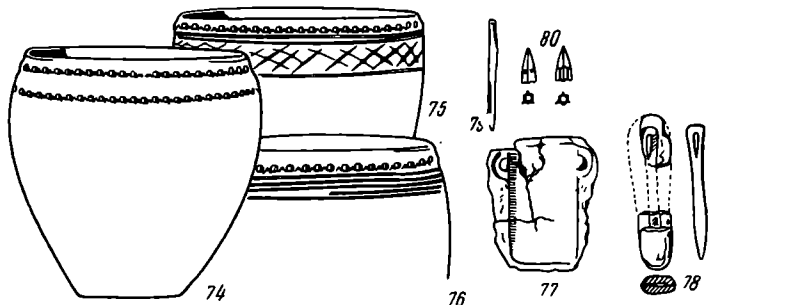
**БЕРЕЗОВСКИЙ
ЭТАП**

II в. до н.э. — I в. н.э.

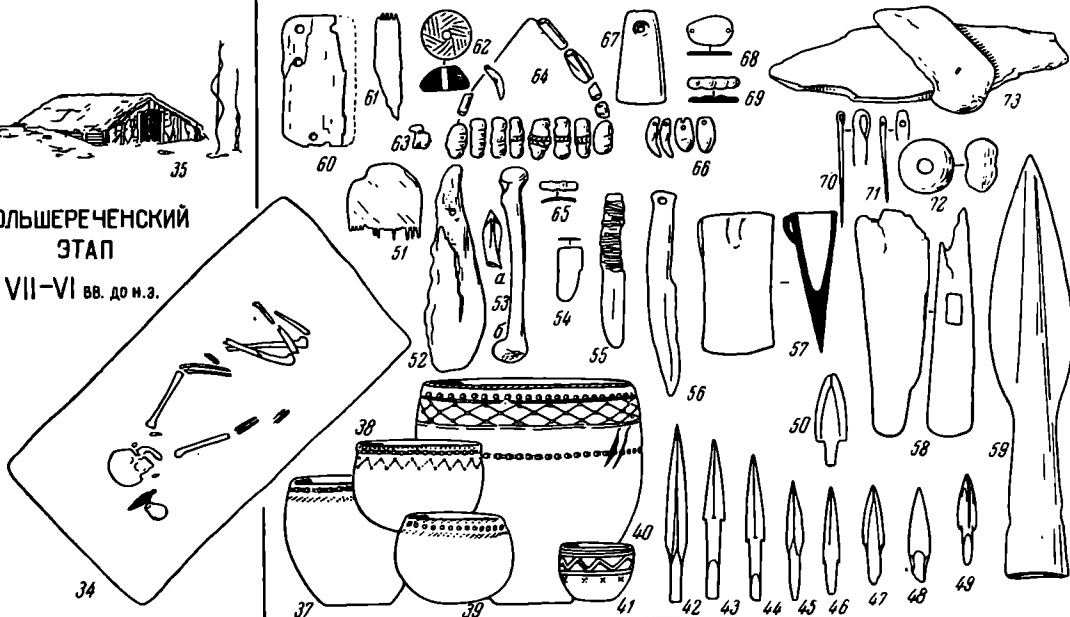
**БИЙСКИЙ
ЭТАП**

V-III вв. до н.э.

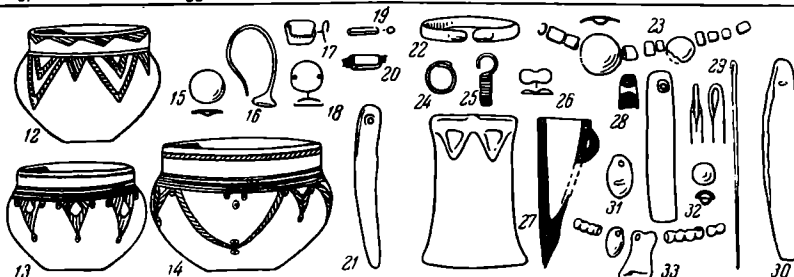
**БОЛЬШЕРЕЧЕНСКИЙ
ЭТАП**

VII-VI вв. до н.э.

**КАРАСУКСКАЯ
КУЛЬТУРА**

X-VIII вв. до н.э.

**АНДРОНОВСКАЯ
КУЛЬТУРА**

XV-XI вв. до н.э.

Рис. 29. Таблица культур района Верхней Оби.

(№№ 5-10 — из равных мест Верхней Оби; №№ 22-33 — из могильника на Долгой Гриве близ д. Камышенка; остальные — из раскопа на Ближних Елбанах).

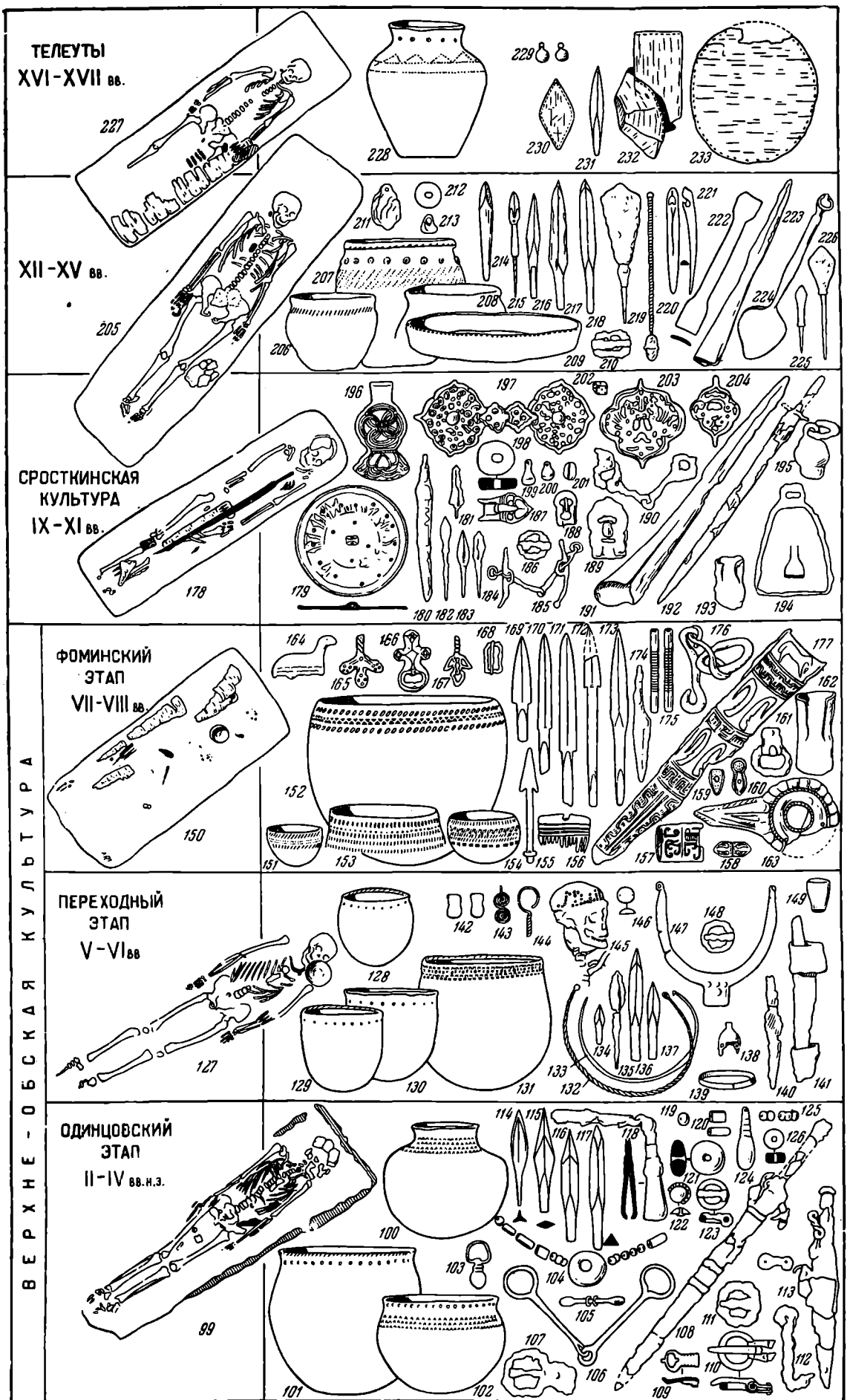

Рис. 30. Таблица культур в районе Верхней Оби
(по раскопкам на Ближних Елбанах).

По материалам первых двух лет раскопок уже отмечалось, что, вероятно, все эти жилища и весь поселок были оставлены их обитателями внезапно. Предполагалось, что причиной бегства жителей поселка было военное нападение со стороны кочевников, земли которых начинались по ту сторону Оби. В 1949 г. получено интересное указание на наличие военных столкновений жителей поселка на Ближних Елбанах с их соседями. В могиле № 11, в пункте БЕ XIV, был погребен пожилой мужчина. В левой бедренной кости, около коленного сустава глубоко засел бронзовый наконечник стрелы (рис. 29—53). Судя по положению наконечника, выстрел произведен спереди, в упор, на близком расстоянии. Рана на кости не имеет признаков заживления — погребенный умер, очевидно, сразу же после ранения.

Раскопки погребений в старом пункте (БЕ VII) и в двух новых (БЕ XII и БЕ XIV) дали дополнительный материал для характеристики культуры большереченского этапа, представленного теперь почти сотней погребений.

Для следующего этапа, бийского, интересно открытие литейной мастерской. На маленькой, отдельно расположенной дюне (БЕ XII), в нижней части почвенного слоя, обнаружены остатки кострища с большим количеством золы. В этом кострище и около него находилось множество мелких обломков литейных форм и сплески меди. По этим обломкам восстанавливается новый, неизвестный ранее ни в древней, ни в современной технике литейного производства способ изготовления форм.

По деревянной модели оттискивалась двухстворчатая глиняная форма, модель вынималась, створки складывались и в местах соединения для прочности облеплялись снаружи глиной. Полученная таким способом монолитная форма затем просушивалась и обжигалась и после отливки в ней одного изделия разбивалась на куски для извлечения отлитого предмета. Так отливали кельты, ножи и некоторые другие предметы.

В новом пункте, на дюне БЕ XII, открыто четыре погребения следующего этапа — березовского.

Памятники четырех последовательных этапов, от карасукской культуры до березовского этапа большереченской культуры, показывают, что в лесной части приалтайской равнины в течение этого времени, т. е. всего первого тысячелетия до н. э., непрерывно обитали племена одной и той же этнической группы оседлого населения, последовательно развивая здесь свою культуру. Рассматривая памятники каждого нового этапа в их развитии, можно каждый раз отчетливо видеть преемственность местных культурных традиций. Особенно четко это прослеживается на трех последних этапах, которые следует объединить вместе, как это и сделано на рис. 29. Культуру эту назовем большереченской по имени первого ее этапа.

В то же время рядом, в соседних степных и горных районах Алтайского края, пастушеско-земледельческие племена около VII в. до н. э. перешли к кочевому образу жизни, резко изменив хозяйственный и бытовой уклад и, вероятно, перераспределив области своего обитания. Таким образом, на берегах Оби, в лесных районах вплоть до р. Томи, развивалась своя местная культура, отличная как от культуры ранних кочевников Алтая, так и минусинских полуседлых племен, но имеющая с ними много общего, что объясняется наличием экономических и культурных связей. В своем развитии племена лесных районов Верхней Оби пережили те же этапы социально-экономического и культурного развития, что и их ближайшие соседи, но в несколько ином конкретном оформлении в связи с особенностями их хозяйственного уклада, географического положения и обусловленной этим политической ситуацией.

Существенно меняется историческая картина на Верхней Оби в первые века н. э. Раскопками 1949 г. получен значительный новый материал, позволяющий пересмотреть, уточнить и исправить датировки памятников первой половины I тысячелетия н. э.

На двух соседних дюнах (БЕ XII и БЕ XIV) открыты два могильника II—IV вв. н. э., характеризующие собой особый этап в истории верхнеобских племен, известный пока только по этим двум могильникам и одному погребению близ выселка Одинцовского (р. Обь, в 25 км от г. Бийска)¹, от которого и получил свое наименование. Всего исследовано около 25 погребений с характерным для них новым обрядом. В отличие от всех предыдущих, костяки в них лежат головой не на юго-запад, а на северо-запад. На территории кладбища в почвенном слое имеются обильные остатки намгильных тризн — разбитые горшки, остатки черепов и костей ног лошади, наконечники стрел, удила и некоторые другие предметы. Большая часть погребенных была с деформированной головой. Особенно следует отметить появление новых форм керамики — горшков с выпуклым дном и орнаментом из ряда круглых ямок, в сочетании с рядами оттисков гребенки или палочки (рис. 30—100—102). Все это характерно и для двух последующих этапов, только на последнем из них обряд трупоположения сменяется трупосожжением. Характерен и новый комплекс вещей в погребениях — палаш с колющим острием (рис. 30—108), нож в ножнах с железными обоймами и цепочкой (рис. 30—113), пряжки с хоботовидным язычком (рис. 30—110), ожерелья у мужчин с большой центральной бусиной и со стеклянными золотистыми бусами (рис. 30—104), пинцет для выщипывания волос (рис. 30—118), бронзовые пряжки таштыкского типа (рис. 30—109).

В памятниках одинцовского этапа не обнаруживается преемственности с предшествующим развитием верхнеобских племен, кроме, быть может, наличия некоторых общих для широких территорий вещей, как, например, крюк для колчана (ср. рис. 29—89 и 30—112). Со II—IV вв. н. э. следует предполагать появление на Верхней Оби нового населения или значительных групп нового населения. Слагается новая культура, для которой характерно наличие многих вещей юго-западных и западных типов (палаш, пряжка с хоботовидным язычком, золотистые бусы, слитые по 2—3 вместе, ожерелье с большой каменной бусой посередине, пинцет) и обычая деформирования головы. По общему же облику культуры, особенно по керамике, одинцовские племена принадлежат к группе лесных племен Западной Сибири, резко отличаясь от южносибирских племен (хотя и те и другие известны нам пока главным образом по несколько более поздним памятникам).

Одинцовские памятники надо связывать с группой угорских племен Западной Сибири, что более отчетливо может быть прослежено на следующих двух этапах — пока безымяном переходном, относящемся примерно к середине I тысячелетия н. э. (до раскопок 1949 г. датировавшегося мною первыми веками н. э.), и фоминском, датируемом VII—VIII вв. В 1949 г. исследовано 4 погребения переходного и 18 погребений фоминского этапов, но раскопки этих погребений не дали чего-либо принципиально нового по сравнению с раскопками прежних лет. Поэтому, не останавливаясь здесь на них, следует лишь отметить, что памятники всех этих этапов — одинцовского, переходного и фоминского — генетически тесно связаны друг с другом. Особенно отчетливо это выражено в керамике. Отдельные сосуды смежных этапов трудно различить. На территории могильника фоминского времени встречено погребение, по вещам (характерная серьга и сосуд) относящееся к памятникам переходного, а по обряду (трупосожжение) — фоминского этапов. В пункте БЕ XII, как уже отмечено выше, погребения

¹ Коллекция хранится в Бийском музее.

переходного этапа были совершены на окраине еще не забытого тогда одицовского могильника. Все три этапа, непосредственно следующие один за другим, принадлежат одной культуре, которую удобнее всего назвать верхнеобской. Памятники последнего этапа этой культуры, фоминского, уже совершенно очевидно принадлежат типу памятников лесных западносибирских племен, а верхнеобские племена этого времени по своему этнографическому облику полностью принадлежат к группе угорских племен Западной Сибири.

В IX—XI вв. местный процесс развития культуры на Верхней Оби вновь прерывается. Здесь широко распространены памятники сросткинской культуры, культуры иного типа, чем все предшествующие. Они отличаются новым обрядом погребения. На могилах сооружаются курганы. С умершим погребается седло и узда (а в некоторых местах — конь с седлом и уздой) и много оружия. При похоронах режется один или два барана, и курдюки их кладутся в могилу умершему. В погребениях совершенно отсутствует глиняная посуда. Сопровождающие умершего вещи принадлежат к типам, характерным для памятников тюркских племен (рис. 30—178—204). Вся область бассейна Верхней Оби была освоена в это время племенами с кочевой скотоводческой культурой тюркского типа.

В результате работ 1949 г. удалось, наконец, памятники II тысячелетия разделить на две хронологические группы. Ориентировочно к монгольскому времени могут быть отнесены поселение в пункте БЕ II с остатками круглого наземного жилища (раскопки 1946 г.) с культурным слоем, насыщенным костями домашних и диких животных и керамикой, несколько погребений в разных пунктах и курганы в пункте БЕ IX. Все курганы имели следы прежних раскопок (Н. С. Гуляев, 1912 г.), но желание определить дату курганного могильника и надежда найти хотя бы один черепок или какой-либо случайно пропущенный первым исследователем предмет побудили предпринять в 1949 г. раскопку одного кургана. Надежды оправдались. За пределами могильной ямы, на уровне погребенной почвы был обнаружен целый комплекс предметов — наконечники двух копий (рис. 30—223), остатки лука (рис. 30—221) и трех наборов стрел (рис. 30—215—218, 225, 226), две железные ложки (рис. 30—224), нож и серебряная подвеска (рис. 30—220), а в могиле нашлось несколько черепков, по которым удалось полностью восстановить форму сосуда (рис. 30—207).

В памятниках монгольского времени непосредственной преемственности с предшествующими, сросткинскими, не улавливается. Население было, видимо, полуседлым. Об этнической принадлежности его судить трудно, так как археологически Южная Сибирь этого времени слишком мало изучена.

Памятники последнего этапа в истории древних племен Верхней Оби можно связать с одним из современных этнических образований — телеутами. Исследовано 6 погребений в курганах в пункте БЕ VI. Наличие плоских, едва возвышающихся курганных насыпей было установлено только в 1949 г. благодаря слабому растительному покрову. В раскопанных в 1949 г. погребениях относительно хорошо сохранились берестяные покрытия могил и берестяные изделия — кошель, туяс, ситечко, подкладки под вышитые бисером украшения (рис. 30—230, 232, 233), а также остатки шелковых и шерстяных тканей. Бисер, голубые стеклянные бусы и медные пуговицы (рис. 30—229) аналогичны находимым близ Томска в курганах XVI—XVII вв. типа Тоянова городка.

По документам сибирских архивов, телеуты в XVII в. жили в районе Верхней Оби, находясь в составе Джунгарского ханства, и были скотоводами, легко порывавшими со своим местом обитания. Однако наличие в их быту, судя по нашим раскопкам, берестяной домашней утвари и глиняной посуды (рис. 30—228) указывает скорее на полуседлый тип их хозяйства.

В течение трех лет экспедиция производила тщательные разведки на Ближних Елбанах, где почти не осталось необследованных дюн. Однако нельзя еще считать, что все имеющиеся здесь памятники открыты. Они могут находиться на оставшихся еще не изученными нескольких малых дюнах или на не вскрытых участках больших дюн. Дальнейшие раскопки и разведки на Ближних Елбанах сулят не только обильный дополнительный материал по начатым раскопкам, но, несомненно, приведут к открытию и новых памятников из числа недостающих еще поселений для шести из одиннадцати представленных здесь культурно-исторических этапов и могильника для одного. Возможно открытие памятников и других этапов.

Б. М. РАБИЧКИН

ПОСЕЛЕНИЕ У ШИРОКОЙ БАЛКИ

В 1949 г. отряд Ольвийской экспедиции АН УССР¹ под руководством автора провел раскопки поселения у Широкой балки (в 1,5 км южнее Ольвии). Поселение расположено непосредственно за ольвийским некрополем на высоком плато, на юге и севере ограниченном глубокими древними балками. Восточная его граница идет по обрывистому берегу, возвышающемуся до 25 м над уровнем Бугского лимана.

Раскопкам подверглась центральная прибрежная часть плато, где были заложены участки общей площадью до 600 кв. м. Раскопки на всех участках доведены до материка (коричневого лёсса), подстилающего культурный слой, средняя мощность которого достигает здесь 1 м. Насыщенность его культурными остатками довольно значительна.

В результате раскопок на поселении открыты строительные памятники и бытовые предметы главным образом второй половины VI — начала V в. до н. э.

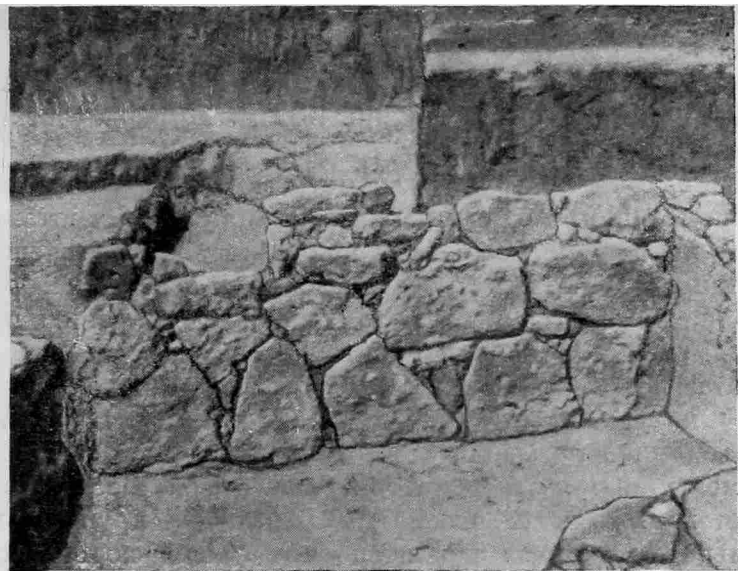
На вскрытой площади обнаружены остатки 6 жилищ полуземляночного типа. Их можно разделить на две группы. К первой группе, характеризующейся применением камня, относятся комплекс Ж и помещение А на участке № 4.

Комплекс Ж включает в себя прежде всего углубленное в материк прямоугольное помещение площадью $2,70 \times 2,20$ м. Его хорошо сохранившийся глинобитный пол лежит на 0,65 м ниже уровня материка. Западная стена помещения сложена в системе полигональной кладки из крупных плоских каменных плит неправильной формы (рис. 31—1). Широкие промежутки между отдельными камнями забиты кулачником и залиты глиной. Ближайшую аналогию для этой стены мы находим в единственно известной до сих пор ольвийской полигональной кладке, открытой в 1903 г. вблизи Зевсова кургана². Однако нам кажется, что полигональность ольвийской кладки скорее является декоративным мотивом, своеобразной данью предшествующей строительно-архитектурной традиции. В раскрытом нами помещении такая система кладки вызвана жесткой необходимостью экономить камень, которым жители поселения располагали в ограниченном количестве. Этим соображением продиктовано оригинальное устройство второй (восточной) стены помещения (рис. 31—2). Нижний ряд ее представляет полигональную кладку из трех больших камней треугольной и трапециевидной формы, которая подстилает несколько рядов плоских плит средних размеров, уложенных плашмя. Если западная стена в нижней своей части приставлена к материковой стенке котлована, то восточная стена врезана в материк,

¹ Начальник экспедиции — Л. М. Славин.

² ИАК, вып. 13, табл. IV, 1, 2.

причем крайние камни второго и третьего рядов кладки лежат на соответствующих материковых ступеньках, в силу чего вся стена в целом сужается книзу (длина верхнего ее ряда 2,30 м, нижнего 1,20 м).

1

2

Рис. 31. Поселение у Широкой балки. Комплекс „Ж“.

1 — западная стена жилого полуземляночного помещения;
2 — восточная стена того же помещения.

Южная и северная стены помещения никакой обкладки не имели и были сделаны прямо в лёссовом материке.

В северо-западном углу полуземлянки обнаружено скопление золы, углей и кусочков печины. Очевидно, здесь находился очаг, битый из сырой глины.

Северная материковая стена описанного помещения, толщиной 0,45 м, отделяет его от прямоугольного погреба (2,0 × 1,8 м), вырытого в мате-

рике на глубину до 1,05 м. В начальный период существования комплекса жилое помещение и погреб соединялись нешироким (0,65 м) дверным проемом, заложеным в следующем строительном периоде несколькими необработанными камнями.

К югу от жилого помещения, на расстоянии 0,5 м, в материке были вырезаны две зерновые ямы. Одна из них имела правильную грушевидную форму, одинаково расширяющуюся книзу во все стороны. Глубина ямы 1,1 м, верхний диаметр 1,35 м, нижний 1,85 м. При расчистке в ней обнаружены остатки зерен проса.

Вторая яма, глубиной 1,7 м и диаметром 1,8 м, в отличие от первой, имела горловину, обложенную мелкими камнями, обработанные стороны которых обращены внутрь. Высота горловины 0,5 м, внешний диаметр 1,1 м, внутренний 0,7 м. Ниже последнего ряда обкладки горловины стенки ямы резко расширяются на юг, так что ось горловины по отношению к центру дна ямы значительно сдвинута на север.

Другое жилое помещение открыто у берегового обрыва на участке № 4 (рис. 32—1). Оно углублено в материк на глубину 0,9 м и имеет в плане форму прямоугольника размером 2,8 × 2,5 м. Северной, западной и южной границами помещения являлись материковые стены. Восточной стеной служила каменная кладка. В ее основании лежат два крупных камня неправильной формы, на которых покоятся пять рядов хорошо обработанных плит, уложенных плашмя на глине с соблюдением горизонтальности каждого ряда.

В юго-западном углу помещения устроена лестница, три материковые ступени которой соединяли полуземлянку с дневной поверхностью. В северной стене вырезана ниша арочной формы (глубина 0,8, высота 0,5, ширина 0,38 м), в центре которой лежал небольшой плоский камень.

Пол помещения смазан толстым слоем глины. В северо-восточном и юго-восточном углах прослежены две небольшие конусообразные ямки, которые, возможно, являются следами от столбов, входивших в конструкцию перекрытия помещения.

Южная стена полуземлянки в своем верхнем горизонте соединена с круглой ямой, вырытой в материке (глубина 0,35 м, диаметр 1,3 м) и служившей, очевидно, для хозяйственных нужд обитателей помещения.

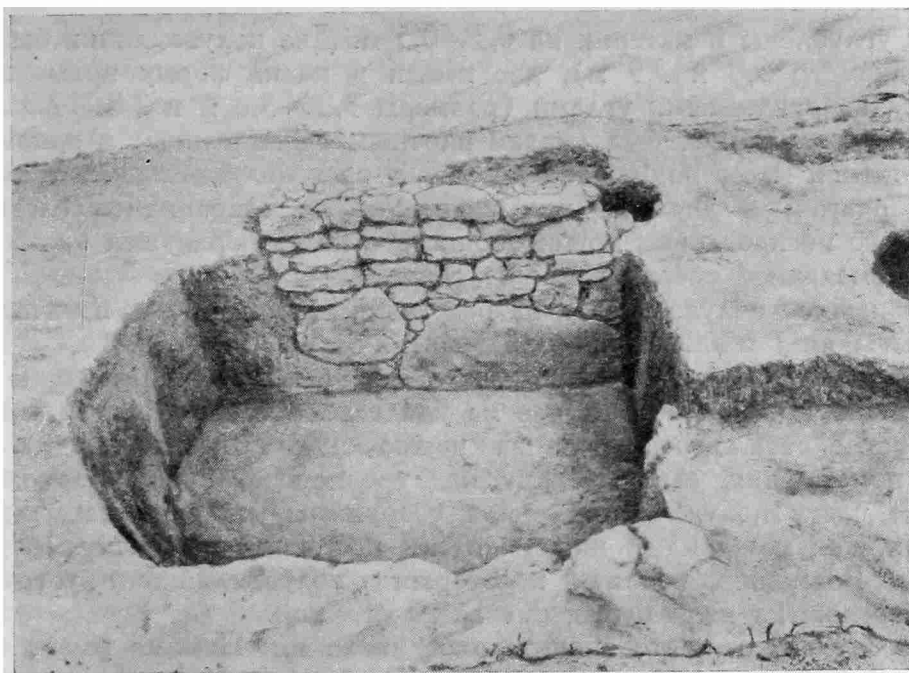
Каменное домостроительство на юге СССР имеет свои глубокие корни. Население Северного Причерноморья уже в эпоху средней и поздней бронзы, т. е. задолго до прихода сюда греков, широко пользовалось камнем для сооружения своих жилищ. Археологические исследования поселений II тысячелетия до н. э., проводившиеся А. В. Добровольским на территории порожистой части Днестра — в саду им. Шевченко, в Днепропетровске, на Виноградном острове (более ранние), на острове Хортица в ур. Сагайдачного, у Болкова хутора, возле с. Федоровки, у Донской балки и др. (более поздние), на Ингульце — возле с. Полтавки, на побережье Черного моря — на берегу Куяльницкого лимана возле хутора Шевченко, показали, что на всем понизовье степного Поднепровья Украины в этих поселениях обнаружены остатки жилищ, состоящих из нескольких помещений, при сооружении которых применялся камень¹.

Поселения первой половины I тысячелетия до н. э. на той же территории также характеризуются остатками жилищ, сооруженных из камня².

Ко второй группе жилищ, при сооружении которых камень, повидимому, не применялся, относятся четыре основания полуземлянок, открытые на участке № 4. Три из них частично разрушены обвалом берегового обрыва.

¹ А. В. Добровольский. Кам'яні спорудження Надпоріжжя, Археологічні пам'ятки. УРСР, том II, Київ, 1949, стр. 191—200.

² Там же.

1

2

Рис. 32. Поселение у Широкой балки. Участок № 4.

1 — полуземляночное помещение А; 2 — помещение Б с печью.

Все они углублены в материк на 0,3—0,5 м. Две полуземлянки были круглыми (диаметр 3,0 и 3,5 м), две имели в плане форму прямоугольника со слегка закругленными углами (размеры 3,8×3,6 м и 2,8×2,3 м). Пол во всех полуземлянках был смазан плотным слоем глины; в одном случае к глинобитной массе подмешана дрсва. В трех полуземлянках обнаружены остатки очагов; в двух из них фрагментарно сохранились следы пода, устроенного из прослойки крупнозернистого песка и ракушек (до 3 см толщиной), смазанной сверху глиной.

Близ каждой полуземлянки, на расстоянии 0,25—0,60 м, в материке были вырыты ямы хозяйственного назначения.

Как видно из нашего описания, все остатки жилищ прослежены с уровня материка. Ни в одном случае не удалось проследить их наземных частей и устройства перекрытия, за исключением каменных стен в двух первых помещениях, выступающих над уровнем материка. Возможно, что наземные части полуземлянок были сооружены из сырцовых кирпичей, которыми, как мы увидим ниже, жители поселения пользовались умело и свободно. Возможно, что над некоторыми полуземлянками устраивались легкие перекрытия из камыша, смазанного глиной.

На поселении открыто значительное число ям. Помимо имевших непосредственное отношение к жилищам, здесь их насчитывается еще 18. Большинство из них (12) расположено в прибрежной части участка № 9 на площади в 120 кв. м; несколько ям частично разрушено обвалом берегового обрыва. Все ямы вырыты в материке, и почти все они грушевидной формы. Глубина их 1,0—1,8 м, диаметр 1,4—2,0 м. Некоторые ямы имели венцы из хорошо обработанных каменных плит и накрывались плоской плитой округлой формы. Эти ямы повторяют хорошо известный и широко распространенный в античных поселениях тип зерновых ям-хранилищ¹.

На определенном этапе жизни поселения, когда отпала необходимость в таком числе зернохранилищ, некоторые ямы были использованы для других целей. Так, ямы № 1, 5 и 7, расположенные рядом, были переоборудованы и служили временным пристанищем, а может быть, и жильем. Для этого они были соединены между собой, причем ямы № 1 и 7 соединялись арочным проходом, вырезанным в их смежных стенках (высота 0,9 м, ширина 0,5 м). В средней яме, у ее южной стенки, на высокой глинобитной площадке был сооружен очаг, обложенный камнями, сохранившими ясные следы огня.

Наиболее интересным памятником на поселении является помещение Б, открытое в центральной части участка № 4 (рис. 32—2). Это помещение, на 1,2 м углубленное в материк, имеет в плане форму прямоугольника размером 4,3×2,7 м. Южная стена его остается материковой. Восточная и западная стены представляют кладки, сохранившие 14—16 рядов мелких, суммарно обработанных камней, приставленных к матерiku. Иногда, наряду с камнем, в системе кладки стен встречаются сырцовые кирпичи. Обе стены были сплошь обмазаны плотным (до 2 см) слоем глины. Северная стена имеет в своей подошве ряд камней средних размеров, подстилающих 7 рядов стандартных сырцовых кирпичей (их размеры 0,3×0,09×0,07 м). На сырцах покоятся 6—7 рядов мелких камней, уложенных на глине без строгой горизонтальности каждого ряда. Крайняя западная часть этой стены плавно поворачивает на север, оформляя вход в помещение, устроенный в его северо-западном углу. Три каменные ступени, из которых верхняя служит порогом, ведут вверх в полуземлянку, примыкающую к этому помещению с северо-запада. Она представляет собой круглую площадку

¹ См., например, И. Зеест. Земляные зернохранилища Пантикапея. КСИИМК. вып. XXIII.

диаметром 2,85 м, на 0,40 м углубленную в материк. Дно ее хорошо заглажено и утрамбовано, в нем прослежены 4 небольшие ямки, возможно, оставленные столбами перекрытия. С наружной стороны вход в помещение (ширина проема 0,6 м) оформлен в своей западной части большой каменной плитой, поставленной на ребро. Внутри помещения под нижней ступенькой на уровне пола лежит плоский камень с небольшим углублением в центре, куда входила, очевидно, дверная пята. Пол помещения устлан тонким слоем песка и ракушек и плотно смазан глиной.

Южную половину помещения *Б* занимают остатки печи размером $2,6 \times 2,2$ м. Ее корпус сооружен из стандартных сырцовых кирпичей на уровне пола и вплотную примыкает к южным частям западной и восточной стен помещения. Такое устройство печи в сочетании с глиняной обмазкой стен и пола помещения уменьшало потерю тепла и создавало условия для необходимого теплового режима. Печь была одноярусной и состояла из двух отделений: топки и трех камер. Топочное отделение восстанавливается нами по сохранившейся его восточной части. Канал топки шириной 0,8 м шел вдоль корпуса печи и имел, таким образом, протяженность во всю ширину помещения. Устройство топочного устья установить не удалось, но оно могло находиться только в центральной части не сохранившейся северной стены топки. Канал был заполнен большим количеством золы и обугленного камыша; дно его, проходящее непосредственно по полу помещения, обожжено и прокалено на значительную глубину. Камни нижних рядов кладки восточной и западной стен помещения, к которым примыкали сырцовые боковые стенки топки, под действием высокой температуры растрескались и расслоились.

К южной стенке топочного отделения примыкали три камеры, идущие одна за другой с востока на запад и разделенные между собой сырцовыми стенками. Восточная и центральная камеры размерами $0,86 \times 0,44$ м и $0,93 \times 0,78$ м имели прямоугольную форму. Западная — в плане овальная и сужается к северу; ее размеры $1,19 \times 0,75 - 0,45$ м. Под камер, возведенный на невысоком фундаменте из битой глины, представляет собой сырцовую массу с пористой поверхностью вследствие выгоревшей соломы, расположен на 0,28—0,30 м выше дна топочного отделения. Восточная и западная камеры сообщались с топкой одним-двумя жаропроводными каналами диаметром 0,13—0,20 м. Центральная камера таких люфтов не имела и была рассчитана, очевидно, на более низкую температуру, чем соседние. Между наружной стенкой западной камеры и нижними рядами кладки западной стены помещения шел вытяжной канал (длина 1,5, ширина 0,25, высота 0,2 м), соединявшийся с топочным отделением. Стенки канала были покрыты обильным слоем копоти. В юго-западном углу помещения вытяжной канал подымался вверх и выходил наружу, что обеспечивало воздушную тягу и удаление дыма. Как уже было замечено, топливом для этой печи служил камыш и, возможно, дрова, а также сухой бурьян, которым и поныне топят печи в окрестных селах.

Как были устроены верхние части печи, имели ли камеры свод и специальный загрузочный ход, — эти вопросы остались открытыми ввиду разрушенности памятника.

Не подлежит сомнению производственный характер всего комплекса в целом и печи в частности. Ряд существенных моментов не позволяет отнести ее к разряду керамических обжигательных печей. Оригинальная конструкция печи нарушает характерную для античных гончарных печей схему, вытекающую из законов движения тепловых потоков вверх¹. Устройство

¹ См. В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80.

ее не позволяет использовать восходящего пламени и не обеспечивает в камерах необходимой для обжига керамики температуры. Кроме того, ни в печи, ни в помещении, ни в ближайшем окружении не было найдено никаких отходов производства и фабрикатов, чем обычно сопровождается открытие подобного рода памятников. Учитывая высокопродуктивное зерновое хозяйство поселения, мы склонны рассматривать эту печь как предназначенную для сушки зерна, что было необходимо, так как зерно, помещаемое в ямы, в которых оно могло храниться длительное время, увлажнялось, а примитивный способ размола зерна в древности требовал, чтобы оно было как можно суше.

Основную массу находок на поселении составляют керамические остатки, представленные двумя группами — местной и привозной. Местная керамика включает в себя обломки сосудов, как круговых, так и изготовлявшихся ручным способом, без гончарного круга. К круговым сосудам относятся многочисленные обломки серых и реже красноглиняных кувшинов, горшков, мисок, чашек, представляющих основные типы и виды этой посуды, хорошо известной по раскопкам Ольвии, являющейся, несомненно, местом их производства¹. Много обломков серых сосудов с хорошим черным покрытием, а также сосудов с лощеной поверхностью. Иногда лощение дается по окрашенной поверхности. Значительное число обломков принадлежит серым кувшинам с округло изогнутой ручкой, выдающейся над венчиком, что характерно для архаического типа этих сосудов. Чаще всего среди керамики этой группы встречаются обломки серых чашек или мисок на кольцеобразной подставке, с округло-косыми стенками и загнутым внутрь краем; их поверхность во многих случаях покрыта темной краской и подвергнута лощению. Следует отметить частые находки обломков лутериев, имеющих не кольцеобразные подставки, а плоское дно, что является признаком раннего времени².

Менее многочисленную группу, по сравнению с предыдущей, составляют обломки лепной керамики (рис. 33). Здесь в основном фрагменты плоскодонных горшков с округлыми стенками и реже сосудов баночной формы, отличающихся глазным образом своими размерами, орнаментацией и устройством венчика. Венчик либо слегка отогнут наружу, либо имеет резкий, почти горизонтальный отгиб, либо вертикально направлен вверх. Во многих случаях венчики по краю украшены защипами, круглыми и миндалевидными вдавливаниями, косыми насечками. Часто насечки или вдавливания расположены на плечиках сосуда. Значительное число обломков принадлежит горшкам, украшенным наклепным валиком, который опоясывает сосуд в месте соединения горла со стенками, а также по краю венчика или под ним. Валики в большинстве своем расчленены защипами или глубокими вдавливаниями. Найдены единичные обломки горшков с венчиками, украшенными по краю вдавливаниями, под которыми в одном случае редко расставлены сквозные проколы, в другом — небольшой круглый выступ, «сосок». Помимо обломков горшков, встретилось несколько фрагментов мисок и чашек. Некоторые обломки принадлежат глубокой миске, внешняя поверхность которой была вылощена. Стенки миски косые, слегка округлые; край немного утолщен.

При рассмотрении лепной керамики из поселения у Широкой балки отчетливо выступает ее типологическая близость с материалом, известным по многим скифским памятникам. Как на ближайшую аналогию укажем хотя бы на керамику из Шарповского и Пастырского городищ, не говоря

¹ Эта группа керамики детально исследована Т. Н. Книпович в ее статье «Керамика местного производства из раскопа И.». Ольвия, т. I. Киев, 1940.

² Там же, стр. 152.

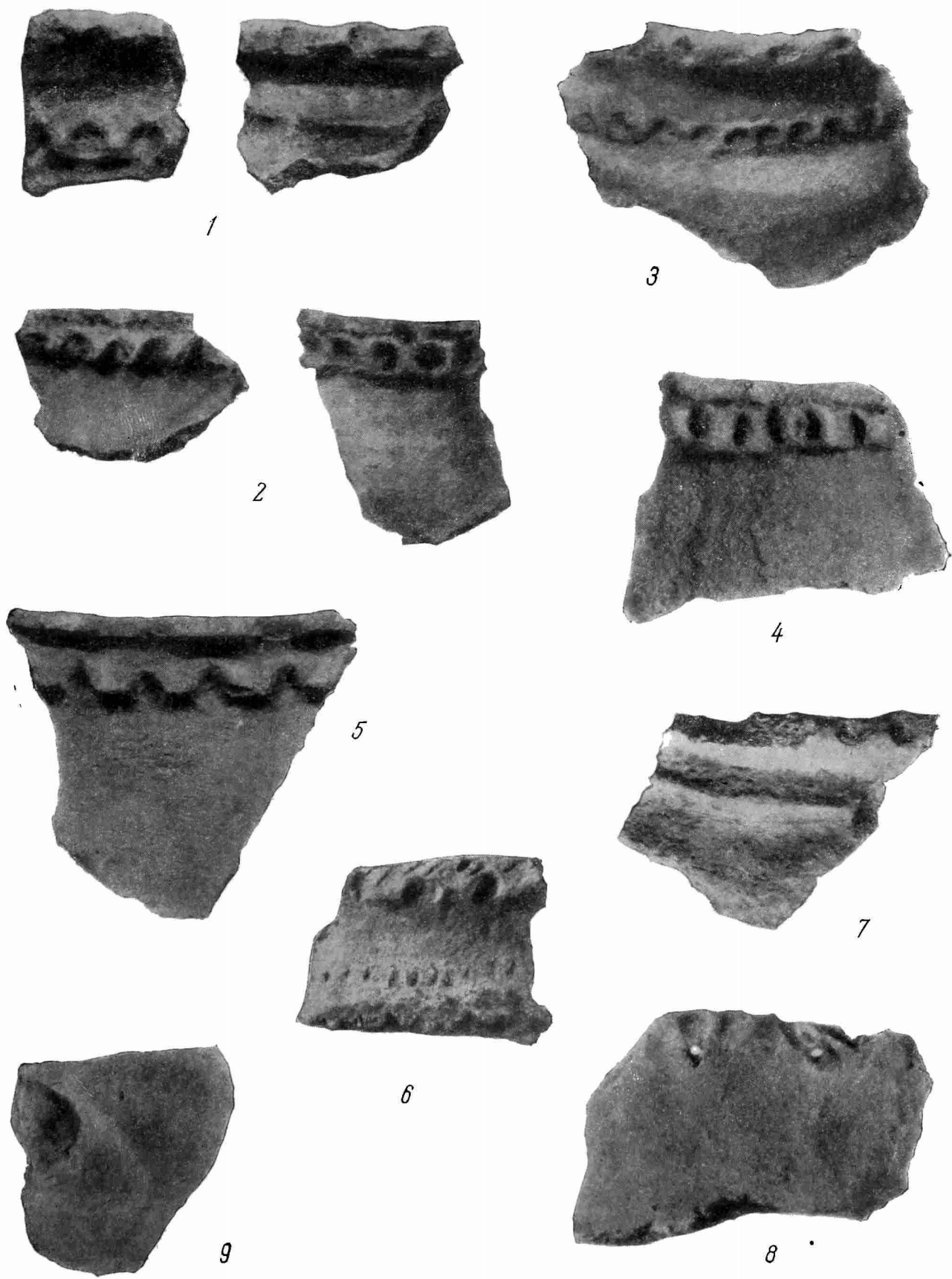

Рис. 33. Местная керамика с поселения у Широкой балки.

уже о лепной керамике из нижних слоев Ольвии и других поселений Бугского и Березанского лиманов, идентичной нашей.

Среди привозной керамики (рис. 34) особенно велика группа амфорных обломков, многие из которых принадлежат ранним формам амфор с припухлым горлом и коротким днищем, с глубокой выемкой на наружной стороне. Часто встречаются фрагменты с росписью в виде широких и узких поясков, нанесенных красной, коричневой или черной краской по венчику, ручкам и тулову.

При раскопках найдено много фрагментов ионийской посуды. Большинство обломков принадлежит сосудам с простейшей орнаментацией в виде поясков, полосок, волнистых линий. Встречаются обломки тонкостенных киликов с пурпурным пояском по темному покрытию внутренней стороны и обломки навкратийских кувшинчиков и кубков.

Аттическая керамика представлена многими обломками сосудов, покрытых хорошим, густым и блестящим черным лаком, а также фрагментами чернофигурных сосудов, где наряду с лаком применены пурпур, резьба и белая накладная краска. Следует отметить обломки кратера с двумя рядами листьев плюща на вертикально отогнутой части края и силуэтными изображениями львов и кабанов, помещенными на горизонтальной части. Эти изображения животных аналогичны изображениям на венчике кратера из афинского акрополя¹.

На поселении встретились также обломки коринфских арибалов и скифосов.

Основная масса керамического материала датируется позднеархаическим и раннеклассическим временем. Однако надо выделить значительную группу фрагментов сосудов, позволяющих датировать их более ранним временем. К ним прежде всего относится обломок ионийской амфоры, покрытой светложелтой обмазкой, по которой коричневой краской исполнена роспись в виде концентрических разводов. Много подобных фрагментов дают ранние слои Березани и Нимфея. Датируются эти амфоры концом VII — началом VI в. до н. э. Интересны обломки крышки аттической леканы стиля «Вурва» с изображениями сирен и пантер, стилистически близких изображениям на амфоре из афинского акрополя² и на обломке крышки леканы из Лейпцигского собрания³. Наши фрагменты несколько моложе указанных и должны быть датированы второй четвертью VI в. до н. э. К середине VI в. относится обломок навкратийского кубка с цветком лотоса, исполненным белой краской и пурпуром по темному фону внутренней стороны и фрагментарно сохранившейся, возможно человеческой, фигурой на внешней стороне; этому же времени принадлежит ряд обломков амфор и фрагментов чернофигурных киликов.

VII — первой половиной VI в. до н. э. должны быть датированы отдельные фрагменты лепных сосудов, в первую очередь лощеных, а также с валиком на плечиках. Эти сосуды находят свои прямые аналогии среди сосудов эпохи бронзы.

Помимо керамических остатков, другие предметы материальной культуры на поселении представлены единичными экземплярами. Отметим находки бронзовой бляхи от конского убора в виде головы льва с раскрытой пастью⁴, нескольких конических пряслиц, одно из которых украшено

¹ В. Graef. Die Antiken Vasen von der Akropolis zu Athen. Berlin, 1909, Tafel 40, 715, 716.

² Там же, табл. 17.

³ M. Nilsson. Attische Vasen mit turdstreifen Dekoration. J. Arch. Inst., 1909, В. XVIII, Tafel 9.

⁴ Бляха эта стилистически наиболее близка к бляхе из 32 кургана у с Эль-Теген. См. ОАК, за 1877 г., стр. 271.

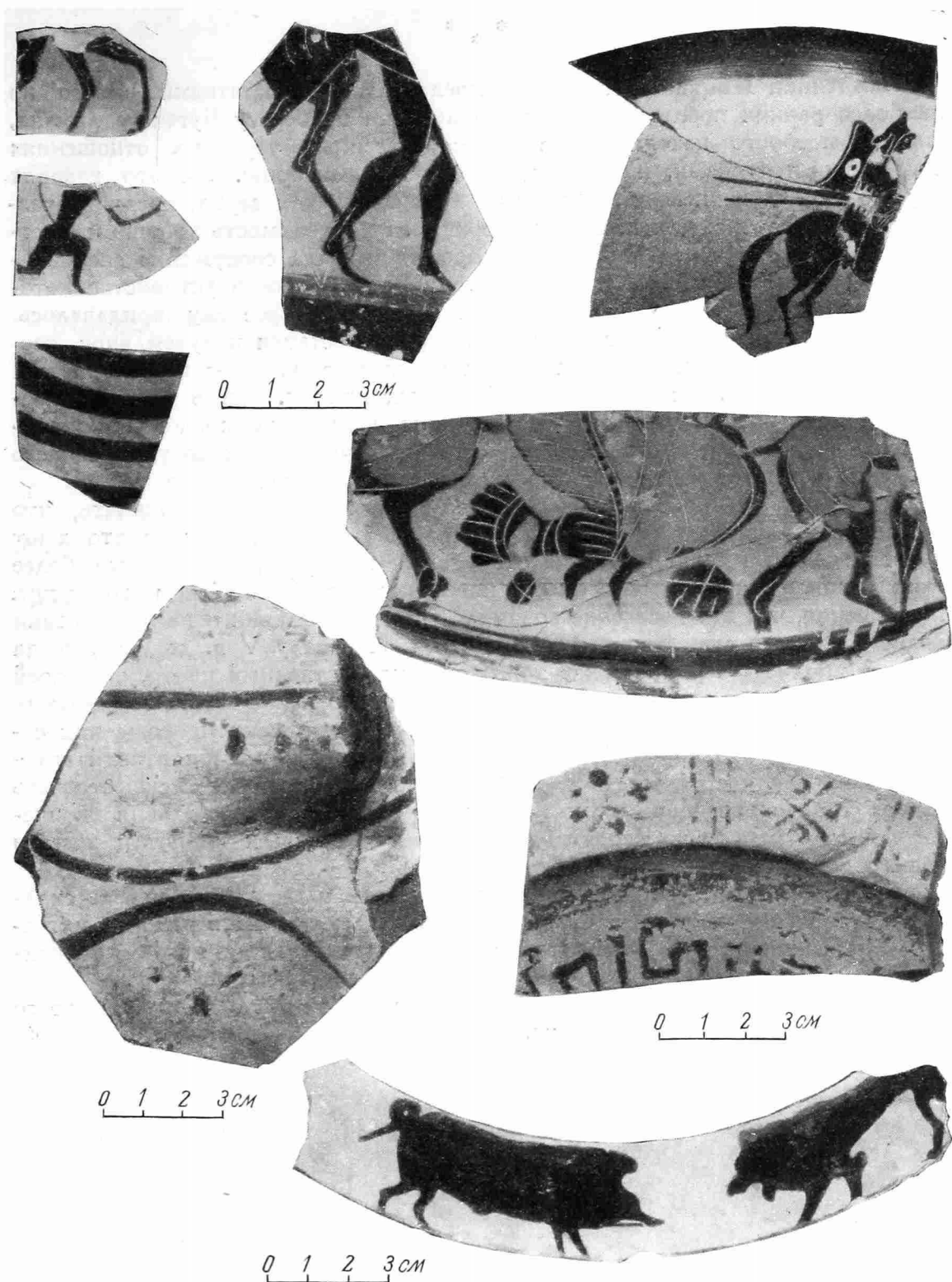

Рис. 34. Привозная керамика с поселения у Широкой балки.

круглыми вдавливами вокруг сквозного отверстия, железного ножа с костяной ручкой обычного скифского типа, плоских каменных рыболовных грузил с боковыми неглубокими вырезами для подвязывания.

* * *

Памятники Широкой балки нам представляются остатками одного из наиболее ранних поселений скифского времени на берегу Бугского лимана, жители которого находились в непосредственных торговых отношениях с греческими купцами, имевшими здесь свою факторию. За это говорят хорошо оборудованные вместительные хранилища для зерна, предназначавшегося, безусловно, для торговых операций. Необходимость хорошо и быстро сушить зерно перед длительной дорогой вызвала сооружение специального помещения с печью, тщательность и продуманность устройства которого свидетельствуют о том большом значении, которое ему придавалось. Наше предположение могут также подтвердить остатки полуземлянок, особенно второй группы, имевших весьма небольшие размеры и носящие характер временных, не постоянно обитаемых жилищ. Здесь могли помещаться прибывающие из-за моря торговцы и экипажи кораблей. Значительное число фрагментов высококачественных импортных сосудов раннего времени указывает на то, что торговые сделки совершались на месте.

У нас нет еще достаточных оснований категорически утверждать, что поселение у Широкой балки возникло раньше Ольвии, хотя на это дают право отдельные вещи и многие строительные остатки, датируемые более ранним временем, чем памятники, известные на Ольвийском городище. Несомненно, что это поселение возникло не позже Ольвии и на протяжении долгого времени существовало рядом с ней. К началу V в. до н. э., когда Ольвия вполне утвердилась как торгово-производственный центр, она своей успешной конкуренцией подорвала экономическую основу жизни поселения у Широкой балки. На это красноречиво указывает факт прекращения существования в это время большинства зерновых ям, жилищ второй группы и помещения с печью. Поселение еще как-то продолжает существовать в первой половине V в. до н. э., но к середине столетия Ольвия окончательно поглотила его. Вероятно, за ее стенами нашли приют и жители нашего поселения.

Таким образом, у Широкой балки мы имеем один из очагов, где складывались взаимновыгодные отношения между местными племенами и греками, наложившие свой отпечаток на дальнейшую экономическую, политическую и культурную жизнь населения северного Причерноморья.

Справедливость наших выводов покажут дальнейшие раскопки этого интересного и важного памятника.

Р. Б. АХМЕРОВ

УФИМСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ VI—VIII ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Город Уфа расположен на перекрестке трех крупнейших рек Башкирии: Белой, Уфимки и Демы. Территория города и его окрестностей составляет своеобразный полуостров. Крутые и высокие склоны Уфимской горы в древности служили надежной защитой от нападения соседних племен.

Реки Белая и Уфимка приобрели большое значение в позднейший период развития первобытно-общинного строя, когда усилились торговые связи с югом и востоком; поэтому не случайно, что в недрах уфимской земли были обнаружены исключительно интересные и своеобразные памятники материальной культуры. Особенно важными являются археологические находки, относящиеся к I тысячелетию н. э., к сожалению, в достаточной мере еще не изученные и не освещенные в литературе. Вот почему настоящую статью мы решили посвятить археологическим памятникам города Уфы VI—VIII вв. н. э.

7 июня 1936 г. при рытье котлованов для одного из корпусов Башкирского медицинского института в центре г. Уфы были обнаружены три погребения: мужское, женское и детское. О находке было сообщено дирекции Центрального краеведческого музея Башкирской АССР. Погребения своевременно были осмотрены и описаны научным сотрудником музея покойным М. И. Касьяновым.

К сожалению, об этих исследованиях имеется только небольшая статья М. И. Касьянова¹. Отсутствие подробного описания и чертежа погребений не позволяет с точностью восстановить места расположения отдельных предметов и затрудняет определение их назначения.

Из указанной статьи видно, что погребения № 1 (мужское) и № 3 (детское) полностью были разрушены. Из мужского погребения поступили в музей лишь обрывок кольчуги, костяные обкладки колчана (?), трехгранные железные наконечники стрел с остатками деревянных стержней (рис. 35—1), кусок полуистлевшей шелковой ткани и тонкие металлические блески в виде розеток, вероятно от покрывала. Местами сохранились следы истлевшего дерева от гроба, который был обит железными пластинками, собранными в большом количестве.

В детском погребении были найдены шейная серебряная гривна из скрученной проволоки, аналогичная Бахмутинской² (рис. 35—2), серебряная

¹ Опубликованная в газете «Красная Башкирия» от 17 июня 1936 г. под заголовком «Тысячелетняя могила».

² А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Издание Госплана БАССР, Уфа, 1929.

дугообразная пластинка с ушком на одном конце и «лопаточкой» на другом и обломки тонкостенного глиняного сосуда.

Колечки кольчуги, найденной в мужском погребении, плоские, крупные. Предполагаемые костяные обкладки колчана плохой сохранности. Аналогичные им пластинки были найдены в другом погребении в окрестностях Уфы еще в 1878 г.¹ Всего найдено шесть пластинок; из них две с загнутыми концами с одной стороны и полукруглой выемкой с другой, две прямые с заостренными концами с обеих сторон и парные сравнительно широкие, с утонченными концами. Все они с лицевой стороны хорошо отполированы. Подобные пластинки, найденные при раскопках Тиритаки в 1946 г., определены В. Ф. Гайдукевичем как накладки гунского лука конца IV в. н. э.²

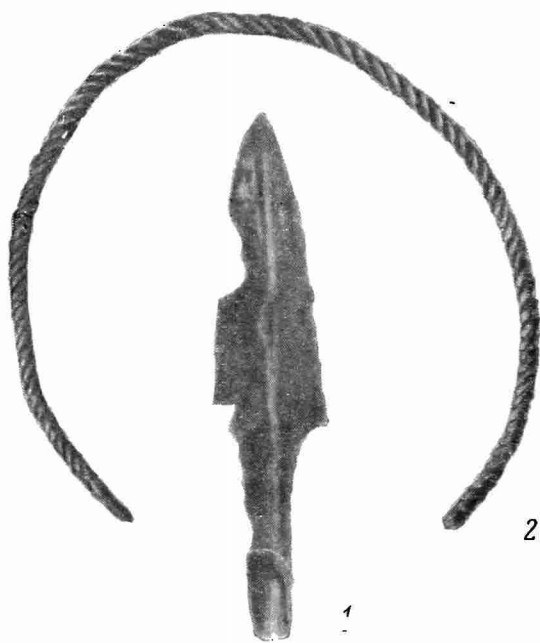

Рис. 35. Вещи из уфимских погребений VI—VIII вв.

1 — наконечник стрелы; 2 — шейная гривна.

Исключительно богатым и интересным оказалось женское погребение (№ 2).

По определению научных работников Медицинского института, женщина умерла в возрасте 25—30 лет. Костяк лежал на спине с вытянутыми конечностями. Голова была обращена на северо-восток. Глубина могилы 1,9 м. В верхних слоях насыпи изредка попадались древесные угли и куски обожженной глины. Костяк покрывала легкая вуаль, усыпанная мельчайшими звездочками тонкой ювелирной работы из металла серебристого цвета. Многочисленные кости домашнего скота, найденные в непосредственной близости от захоронения, свидетельствуют о богато отпразднованной тризне. Инвентарь

этого погребения состоял из золотых, серебряных и бронзовых предметов.

1. Самыми замечательными предметами являются золотые колты в виде овальных коробок с изумительно тонкой орнаментацией зернью, филигранью и цветными камнями. Колты почти одинаковы по размерам и по форме, но несколько отличны по орнаменту.

Первый из них (рис. 36—1, 2) сделан особенно изящно, с четким расчленением на орнаментальные полосы и точным геометрическим расположением отдельных деталей. Корпус колта изготовлен из целого тонкого золотого листа. По краям идет ряд крещатых кружков, припаянных друг к другу и к основанию. С лицевой стороны колт разделен на четыре основные орнаментальные полосы. Первая полоса разграничивается мелкой зернью по наружному краю и крупной — по внутреннему. Середина ее также заполнена зернью, сгруппированной в виде треугольников и пирамидок. Вторая полоса расположена между двумя поясами золотых шариков (зернь) и заполнена зернью в виде треугольников и полукружочков, чередующихся между собой через определенное расстояние. Третья полоска имеет вид ажурной лунницы с углублением для размещения волнисто-переплетенных золотых лент, с кружочком, украшенным зернью, и с гнездом

¹ Н. И. Булычев. Древности из Восточной России, М., 1902, ч. 1, табл. 3.

² В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 201.

для камня. Четвертая часть представляет подковообразное углубление, в котором размещена соответствующая ее форме бляшка с гнездом для камня в центре и зернью по краям. В верхней части оборотной стороны колта имеется небольшое отверстие для подвешивания его к головному убору. Длина колта 9,5 см, ширина 8,8 см, диаметр решетки 2,1 см.

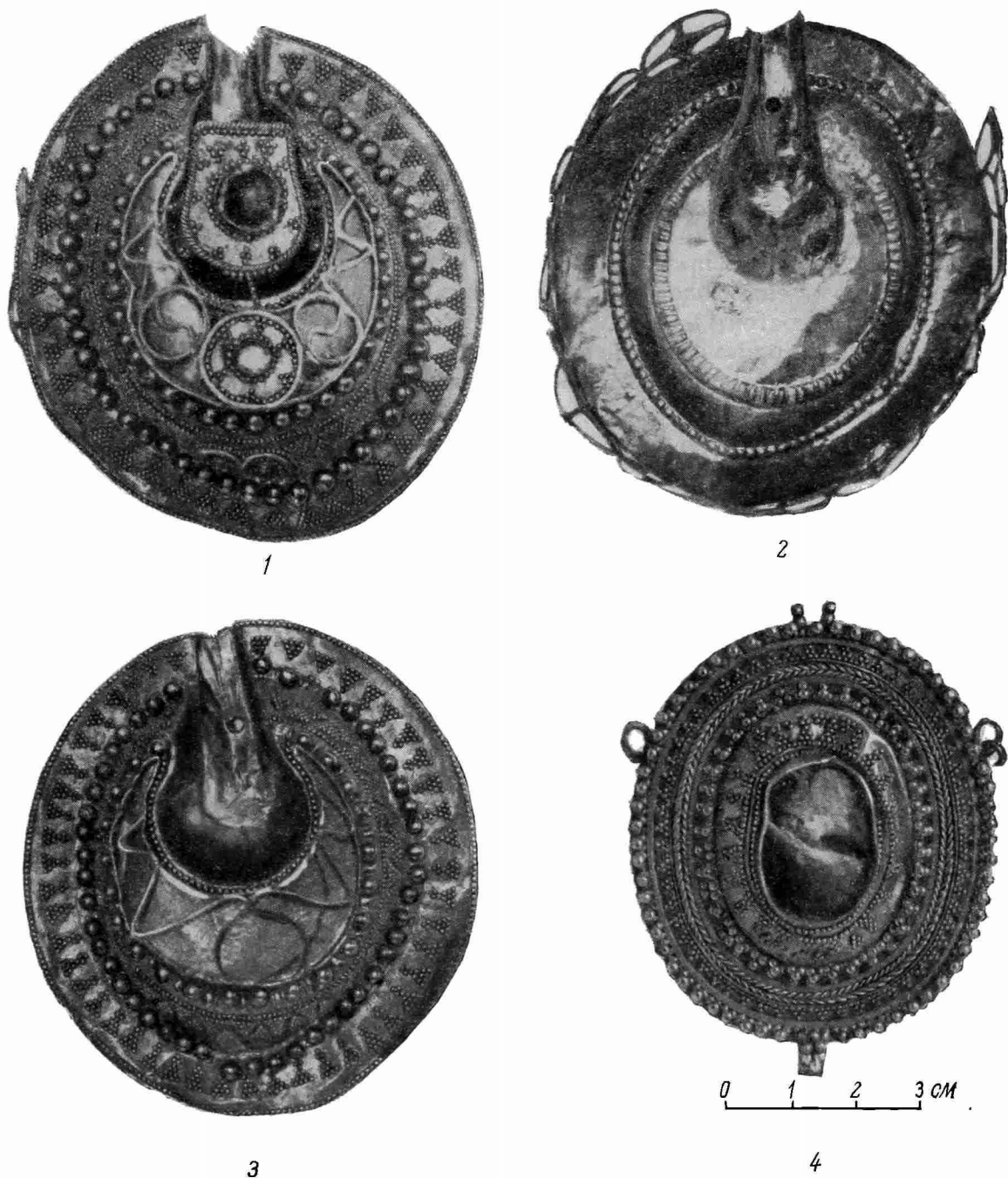

Рис. 36. Вещи из уфимских погребений VI—VIII вв.

1 — золотой колт; 2 — тот же колт с обор. стороны; 3 — колт; 4 — медальон.

Второй колт (рис. 36—3) по форме и величине аналогичен первому, но имеет более упрощенную орнаментацию. В пирамидках и треугольниках первой орнаментальной полосы зерни по количеству меньше, вторая полоска заполнена лишь треугольниками неправильной формы без чередования с кружками; орнамент лунницы более схематичен и не имеет гнезда для

камня, в подковообразном углублении нет вставной бляшки. По краям оборотной стороны колта крещатых колечек нет.

Колты, очевидно, были найдены около головы покойницы, так как обычно подвешивались, судя по изображениям на монетах хорезмского царя Шаушафара¹, с обеих сторон к головным уборам.

Они близки ранее обнаруженным около села Кайбелы Куйбышевской области и в Ульяновской области².

2. Вторым предметом по тонкости исполнения является большой золотой медальон овальной формы, с двумя выступами сверху, прямоугольным выступом снизу и с петлевидными для подвешивания колечками по бокам (рис. 36—4).

Основанием медальона служит цельная золотая пластинка. Лицевая поверхность состоит из двух орнаментальных полос, разделенных пирамидками из золотых шариков. Первая полоса орнаментирована мелкой зернью и парными кружками проволочек, свитых «веревочкой». Пирамидки и «веревочки» обрамлены толстыми ленточками по краям и тонкой посредине. Вторая полоса состоит из большого гнезда в середине медальона, с выпуклыми стенками, орнаментированными кругами и пирамидками из зерни. В гнезде пастовая, легко рассыпающаяся белая масса, покрытая прозрачным стеклом.

Орнаментация медальона, как и других золотых предметов погребения, составлялась из шариков, зерни, проволоки, ленточек и гнезда. Все элементы орнамента изготовлялись отдельно, а при помощи пайки комбинировались воедино.

К сожалению, мы не знаем, в какой части могилы был найден этот медальон. Можно предполагать, что он входил в состав ожерелья. Длина медальона 7,5 см, ширина 5,5 см.

Медальон имеет удивительное сходство с ониксом в золотой оправе, найденным на Северном Кавказе³.

Кроме вышеописанных вещей в женском погребении были найдены:

3. Медальоны парные, золотые, овальной формы меньшего размера, с колечками на верхнем и нижнем концах (рис. 37—1). Орнаментация лицевой поверхности состоит из концентрических кругов зерни, скани и узких лент. В центре — гнездо с выпуклыми стенками и с орнаментом из мелкой зерни в виде пирамид. Пастовая белая масса в гнезде покрыта стеклом темнофиолетового цвета. Длина 4,6 см, ширина 3 см.

4. Медальоны парные, золотые, овальной формы с колечками на обоих концах (рис. 37—2). Лицевая поверхность орнаментирована, подобно предыдущим, зернью и сканью. В центре в гнезде имеется выпуклое прозрачное стекло. Длина 3,7 см, ширина 2,4 см.

5. Медальоны парные, золотые, подобные вышеописанным (рис. 37—3). На одной из петелек сохранилось звено от золотой цепочки. Коричневая масса в гнезде покрыта прозрачным стеклом. Длина 3,3 см, ширина 2 см. Все эти медальоны составляли, вероятно, одно ожерелье.

6. Медальоны парные, золотые, овальной формы с припаянными по концам круглыми гнездами для камней (рис. 37—4); орнамент состоит из пирамидок и филиграни. Стекло центрального гнезда, обрамленного зернью, выпуклое, прозрачное, а стекла в маленьких гнездах светлокрасные. На обратной стороне бляшки заметны следы серебряной петельки. Длина 6 см, ширина 2,8 см.

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, 1948, стр. 208, рис. 79.

² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 1897, вып. 5, стр. 99 и 202.

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, 1890, стр. 123.

7. Брошка золотая, круглая, ажурная, орнаментированная зернью, с розеткой из четырех лепестков и спиц между ними (рис. 37—5). В центре гнездо для стразы, обрамленное зернью. Внешний обод состоит из двойных кругов зерни (мелкой и крупной) и скани между ними. С обратной стороны имеются остатки тонкой серебряной накладной пластинки. Диаметр брошки 4,1 см.

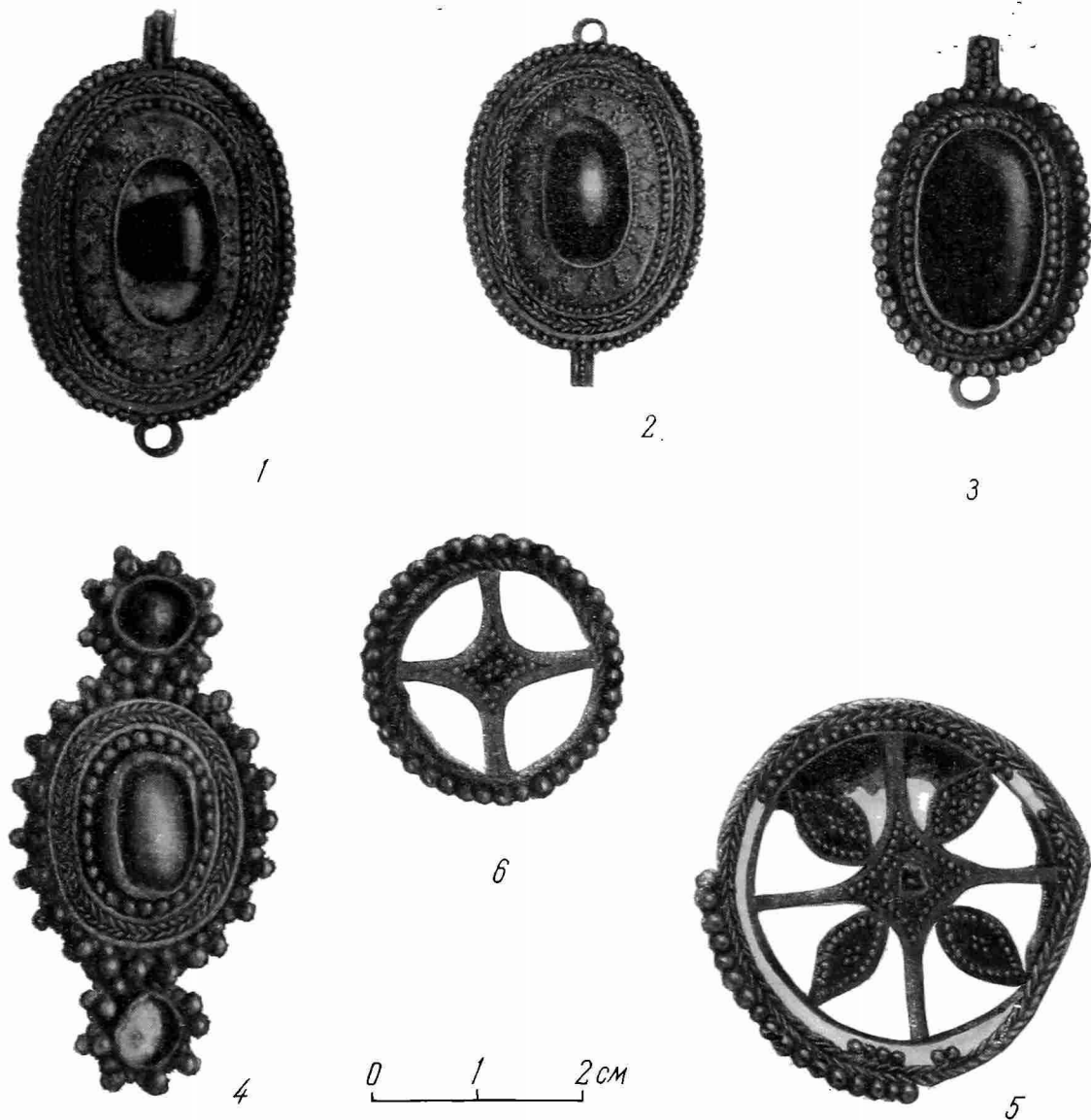

Рис. 37. Вещи из уфимских погребений VI—VIII вв.

1—3 — медальоны; 4—6 — бляшки.

Некоторое сходство с этой брошкой имеет эмалевая фибула, найденная в погребениях Камунты¹.

8. Брошки парные золотые, круглые с крещатой перегородкой и с зернью в центре (рис. 37—6). Пространства между перегородками заполнены прозрачным стеклом. Вокруг гнезда круговой орнамент из скани и крупной зерни. Обратная сторона покрыта золотой пластинкой и имеет следы петельки. Диаметр 2,3 см.

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, стр. 116, рис. 123.

9. Брошка круглая, золотая, с плоской стеклянной стразой прозрачного цвета, обрамленной зернью (рис. 38—1). Диаметр 1,6 см. На обороте имеется обломанный медный шпенек.

10. Бляшка золотая, овальной формы, с закругленными концами; покрыта орнаментом из зерни в виде крестообразных розеток из пирамид, обрамленных бисерной зернью. По краям бляшки двойной обод зерни. По концам бляшки имеются два серебряных штифта (рис. 38—2); длина 3,1 см, ширина 1,3 см.

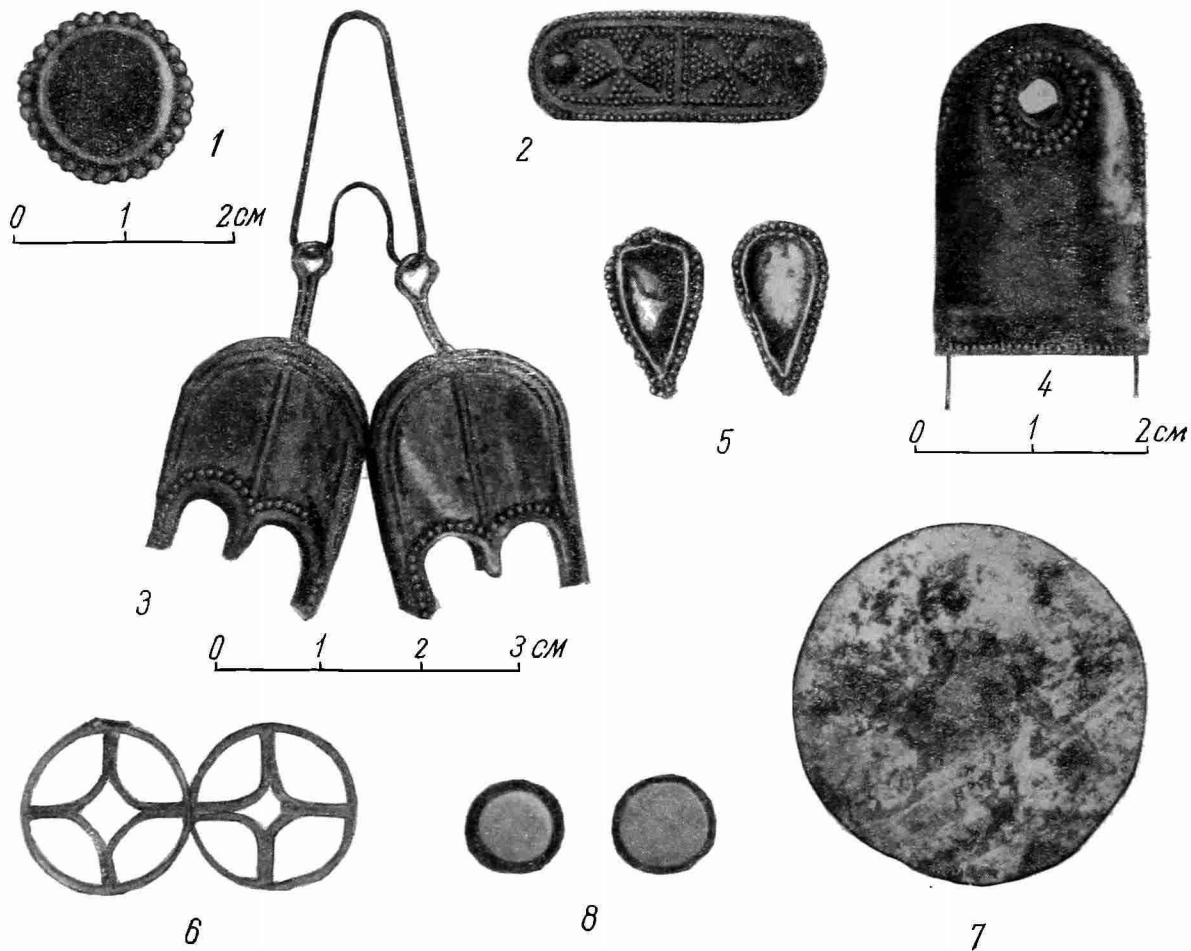

Рис. 38. Вещи из уфимских погребений VI—VIII вв.

1, 2, 7, 8 — бляшки; 3 и 5 — подвески; 4 — наконечник ремня; 6 — колечки от решетки колта.

11. Две полые золотые подвески в виде полуовальных коробок, прикрепленных удлиненными петельками к проволоке. Коробки снизу обрамлены арочным орнаментом с зернью (рис. 38—3). Стенки коробок тонкие. Длина их с петель 6,5 см.

12. Два наконечника ремня, золотые, полые, каждый из двух спаянных пластинок; по краям между пластинками проложена загнутая узкая ленточка, концы которой захватывали ремень сбоку; закругленные концы наконечников со сквозными отверстиями, обведенными зернью; по бокам наконечников двойной ряд бисерных зерен (рис. 38—4). Длина их 3,3 см, ширина 2,1 см.

13. Подвески золотые, плоские, каплевидной формы, со стеклянной вставкой; края украшены мелкой зернью (рис. 38—5); на обратной стороне имеется небольшое отверстие для подвешивания. Эти подвески, судя по

Эрмитажному собранию¹, возможно, прикреплялись колечками по бокам большого медальона (рис. 37—4). Кроме того, они имеют аналогию с золотыми серьгами, найденными в погребениях аула Камунты в Северной Осетии².

14. Орнаментальные колечки от решетки колта, золотые с четырьмя спицами (рис. 38—6). Диаметр 2,1 см. Почти такие же колечки прикреплены на золотую пластинку с инкрустациями красного стекла из Терской области³.

15. Бляха серебристой бронзы, круглая, с ушком на обратной стороне; диаметр 4,4 см (рис. 38—7).

16. Бляшки серебряные, круглые, плоские, со шпеньками на обратной стороне. Диаметр 1,2 см (рис. 38—8).

17. Несомкнутый браслет из прута серебристой бронзы. Диаметр 6,2 см (рис. 39—1). Аналогичные браслеты широко распространены и, в частности, найдены в Борковском и Кузьминском могильниках в пойме р. Оки и датированы А. А. Спицыным VIII—IX вв. н. э.⁴

18. Туалетная ложка из серебристой бронзы, овальной формы; ручка представляет стержень с заостренным концом (рис. 39—2); ширина ложки 5 см, длина с ручкой 28 см.

19. Две пряжки серебристой бронзы с прямоугольными петлями и овальной пластинкой (обоймицей) для ремня; края этой обоймицы отогнуты; с обратной стороны имеются шпеньки для прикрепления к ремню (рис. 39—3). Язычки пряжек железные. Длина 2,5 см.

20. Четыре бляшки бронзовые, трехлепестковые, с тремя отверстиями в центре, края бляшек отогнуты; с обратной стороны имеются шпеньки для прикрепления к ремню. Длина 3 см (рис. 39—4).

21. Две бляшки бронзовые в форме полуовала, слегка выпуклые, с четырьмя отверстиями и со шпеньками для ремня; края отогнуты книзу. Длина 2 см.

Аналогичные бляшки широко распространены в Восточной Европе, в частности найдены в Борковском и Кузьминском могильниках на Оке. По мнению А. А. Спицына, они попали туда с Дона или с Кавказа⁵.

22. Две бляшки бронзовые в виде узких пластинок, с закругленными концами; каждая из них с продольными нарезками и парными отверстиями; края отогнуты книзу, с обратной стороны имеются шпеньки для прикрепления (рис. 39—5). Длина 2,6 см. Точно такие же бляшки найдены в могильнике Агойского аула (Карповка) на Кавказе⁶ и в суджанском кладе, датированном Б. А. Рыбаковым V—VII вв. н. э.⁷

23. Наконечник ремня из двух тонких серебряных пластинок с остатками кожи и шелковой ткани между ними; один конец округлен, а на другом конце имеется сквозное отверстие. Длина 4,5 см.

24. Остатки украшения в виде серебряных розеток и блесток.

25. Остатки истлевшей черной кожи.

26. Остатки красной шелковой ткани.

27. Волосы покойницы темнокаштанового цвета.

Таков комплекс погребального инвентаря женского захоронения.

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. вып. 3. стр. 123, рис. 139.

² Каталог собрания древностей А. С. Уварова, отд. II, стр. 69, рис. 593.

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 127, рис. 149.

⁴ Древности бассейнов рек Оки и Камы, вып. 1, 1901, стр. 39, рис. 12; табл. XIII, рис. 7—8.

⁵ Там же, табл. XVI, № 7.

⁶ А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907. ИАК, вып. 83, стр. 91.

⁷ КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 75—90.

Рассмотрим его с точки зрения культурной принадлежности и сделаем некоторые обобщения и выводы. Прежде всего необходимо отметить, что погребения, открытые в 1936 г., не являются единичными или случайными для города Уфы. Аналогичные погребения и предметы были обнаружены и в других местах.

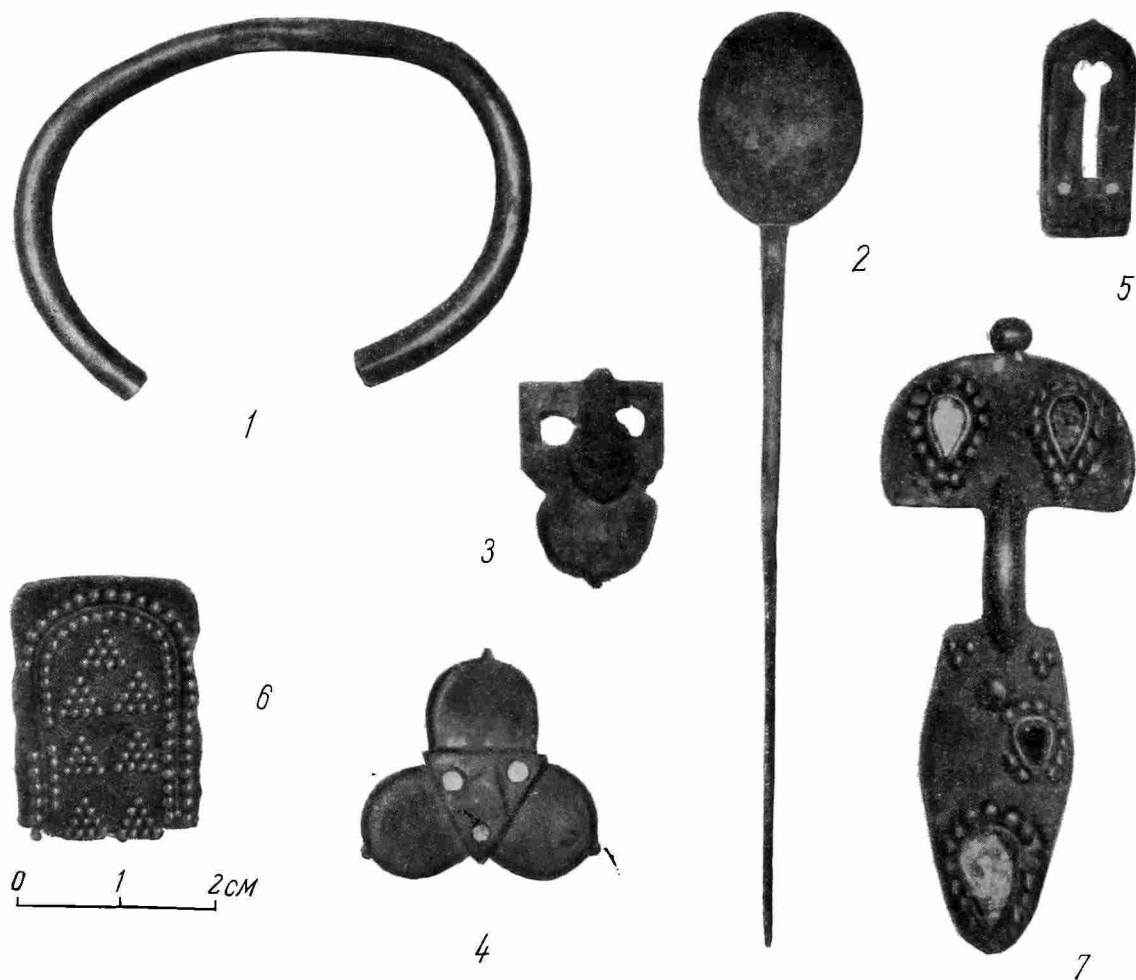

Рис. 39. Вещи из уфимских погребений VI—VIII вв.

1 — браслет; 2 — ложка; 3 — пряжка; 4, 5 — бляшки; 6 — бляшка золотая; 7 — фибула серебряная.

Еще в прошлом столетии во время строительных и земляных работ на территории города и в его окрестности были уничтожены многочисленные погребения и курганы. В 1827 г., когда в Уфе проводили несколько новых улиц, было срыто много могил и курганов, в которых находили остатки гробов и каменных склепов¹, а также золотые, серебряные, медные, железные вещи — оружие, предметы конского убора.

Из всех открытых памятников интересующего нас времени наиболее богатым оказалось погребение, открытое в 1878 г.² около деревни Новиновки,

¹ Р. Г. Игнатъев. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. Справочная книжка Уфимской губ., Уфа, 1883, стр. 328.

² Как мы знаем по документам, в 1782 г. на месте нынешней детской лечебницы г. Уфы, при постройке домов уфимского наместника Якобия, в кургане среди прочих вещей найден конский убор из чистого золота, который был отправлен в дар Екатерине II. Отсутствие этих вещей затрудняет определение их культурной принадлежности. Но учитывая то, что они найдены в кургане, мы относим их к группе сарматских памятников, которые имеются в пределах Уфы.

в окрестности Уфы. Там были найдены: серебряная чаша с изображением птицы, 42 серебряные пластинки, 4 золотые пластинки (вероятно, бляшки) (рис. 39—6), 3 пуговицы со вставками в середине (возможно, медальоны), железный меч, костяные пластинки от колчана, цепочка золотая с серебряным наконечником и серебряным крючком; цепочка весила около 128 г. Все перечисленные предметы были найдены при погребении на глубине около 2 м¹. Часть этих предметов опубликована Н. И. Булычевым². Судя по инвентарю, это было богатое мужское погребение. В том же районе Уфы в 1883 г. было обнаружено женское погребение, в котором найдены две золотые серьги, бронзовое кольцо и янтарные округло-плоские бусы³.

В центре города, около бывшей семинарской горы, во время земляных работ в погребении было найдено янтарное ожерелье с бусами величиной от яблока до грецкого ореха⁴. Одна из бусин поступила в бывший Уфимский губернский музей и была опубликована Н. И. Булычевым в вышеуказанной работе.

Во дворе одного из домов по ул. Карла Маркса 4 июня 1930 г. во время земляных работ на глубине 2 м было обнаружено женское погребение⁵. В насыпи могилы было встречено много золы и угля. Череп костяка был искусственно деформирован; при костяке оказались серебряная фибула со вставками красного стекла в гнездах (рис. 39—7), серебряная пластинка, сердоликовая бусинка, железный нож, обломки глиняного сосуда.

17 июня 1939 г. на усадьбе Башкирского государственного академического театра при производстве земляных работ были обнаружены два погребения, описанные и изученные Б. А. Коишевским. В первом погребении костяк лежал на спине, головой на север, на глубине 1,5 м. В насыпи могилы были найдены кости крупного животного. Погребальный инвентарь составляли две бронзовые серьги в виде полых шариков, напущенных на стержень из тонкой проволоки (рис. 40—1), подвески в виде полусферических колокольчиков с длинными язычками (рис. 40—2), стеклянные золоченые бусы, пряжки арочного типа с неподвижной фигурной обоймицей (рис. 40—3), браслеты из медного прута с утолщенными и не сомкнутыми концами (рис. 40—4), перстни с ромбическим сплошным щитком и перстни с гнездом для стразы (рис. 40—5), бляшки с точечным тиснением и глиняный сосуд. Более интересным оказалось погребение № 2 (глубина 2,16 м) на мощном слое дубового угля. На этом месте, вероятно перед захоронением, был разложен костер. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении; правая рука, согнутая в локте,— на груди. Ориентировка костяка головой на северо-восток. В насыпи погребения были найдены кости крупного рогатого животного. Характерно то, что покойник лежал в гробу, имеющем форму простого четырехугольного ящика, сделанном из тонких досок, скрепленных железными скобами. В погребении найдены: сердоликовая гемма с резным изображением сидящей женщины, играющей на инструменте типа арфы⁶, подвеска золотая в виде узкой, вытянутой пирамидки с четырьмя гранями (серьга?), бусы: три янтарные, одна хрустальная граненая и одна круглая глазчатая, бляшки, тисненные из тонкого золотого листа, часть серебряной обоймицы, стразы небольшого размера желтоватого и белого стекла, глиняный сосуд с плоским дном.

30 мая 1946 г. при рытье ямы во дворе дома по Социалистической улице также было обнаружено погребение, находящееся на глубине 1,82 м.

¹ Уфимские губернские ведомости, 1879, № 4—5.

² Древности из Восточной России, М., 1902, часть I, табл. II—III.

³ Там же, табл. II.

⁴ А. А. Пеккар. Исторический очерк Уфимского губернского музея. Уфа, 1891, стр. 9—10.

⁵ Газета «Красная Башкирия» от 19/VI 1930 г.

⁶ Этого предмета в фондах не оказалось.

Костяк, ориентированный головой на север, лежал на спине; кисти рук — на тазу. Череп костяка искусственно деформирован. В насыпи погребения встречены угли, зола и кости животных. В погребении найдены: бронзовый сосудик баночной формы с кольцевидным носиком, пряжки, покрытые с лицевой стороны тонкими золотыми пластинками и стеклянными вставками в гнездах, бляшки в виде лунницы с точечным тиснением; нож железный, обломки глиняного сосуда, кусочки кожи и др.¹.

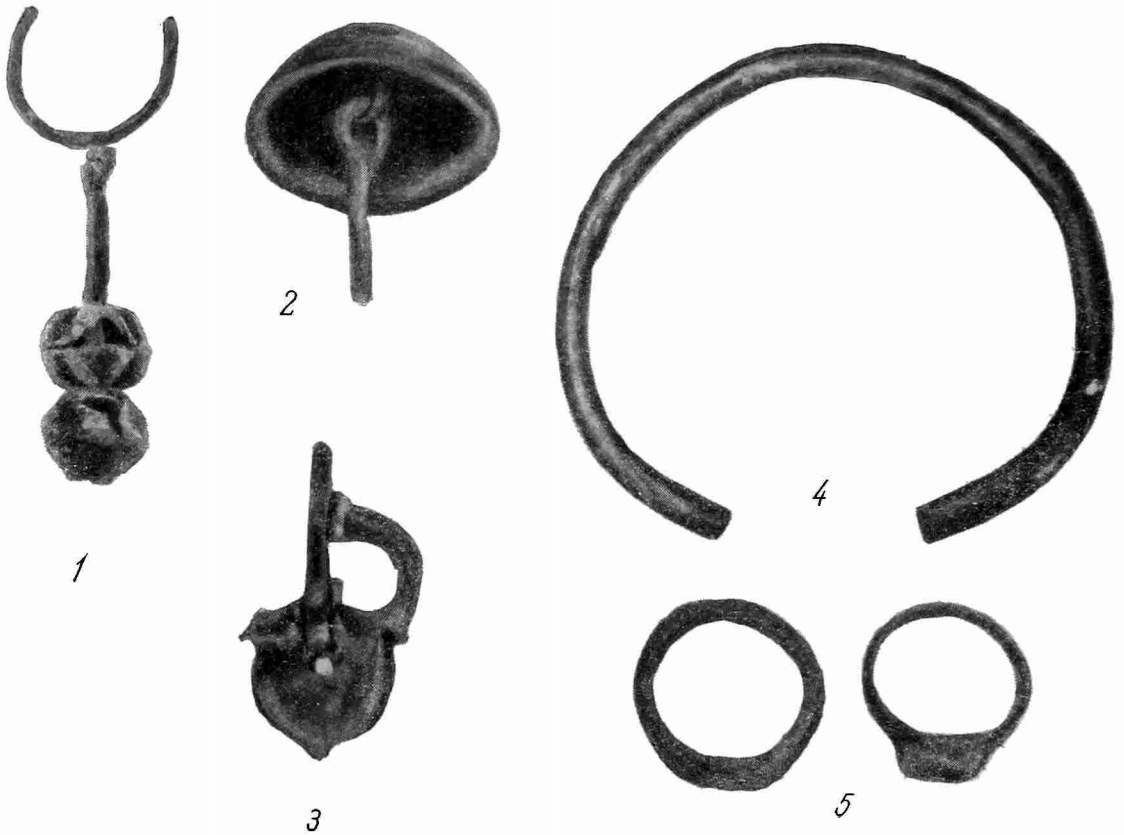

Рис. 40. Вещи из уфимских погребений VI—VIII вв.

1 — серьга, 2 — подвеска; 3 — пряжка; 4 — браслет; 5 — перстни.

Таким образом, на территории города Уфы было обнаружено большое число погребений одного и того же времени, с одинаковым обрядом и относительно богатым могильным инвентарем².

Могильные комплексы, несмотря на случайный характер их открытия, позволяют до некоторой степени осветить образ жизни, уровень материальной культуры и состояние общественных отношений того времени.

Покойники были захоронены на глубине 1,5—2 м, вытянуто, на спине. Кисти рук положены на животе или на тазовых костях. В насыпи и под костяками обнаружено много угля, золы и костей животных. Ориентировка погребений в большинстве случаев на север или на северо-восток. Некоторых покойников хоронили в гробах. Искусственная деформация черепов,

¹ Р. Б. Ахмеров. Древние погребения в г. Уфе. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 117—119.

² Аналогичные погребения встречаются и в других районах Башкирии, в особенности по среднему и нижнему течению рек Белой и Уфимки. Так, например, около колхоза «Уяндык» в Илишевском районе Башкирии в 1933 г. во время рытья силосной ямы на глубине 2 м было обнаружено погребение с интересным и богатым инвентарем. По рассказам очевидцев, здесь найдены: золотое украшение в виде полумесяца, спиралевидные серьги, перстни со вставными камнями, бляхи круглые бронзовые и др.

характерная для уфимских погребений, является как бы продолжением ала-но-сарматских традиций уже в новых условиях общественной жизни. Погребальный инвентарь могильников имеет специфические черты, отличающие его от инвентаря одновременных финских могильников Прикамья и Приуралья. Можно утверждать, что племена, жившие по среднему и нижнему течению рек Белой и Уфимки, испытывали на себе влияния не только племен Прикамья и Приуралья, но также и соприкасавшихся с ними племен Восточной Европы. Об этом свидетельствует удивительное сходство и совпадение многих предметов уфимских погребений с предметами, найденными в могильниках Северного Кавказа, особенно с вещами могильников Камунты и Камбулты¹. Интересно, что костяки некоторых погребений на Северном Кавказе, как и костяк Уфимского погребения № 2 из раскопок 1936 г., были засыпаны мелкими круглыми бляшками в виде розеток из тонкой золотой пластинки². Это говорит не только о сходстве предметов, но и о сходстве погребальных обрядов. Аналогичное совпадение культур в VI—VIII вв. существовало между Северным Кавказом и областью, расположенной по течению Донца. По мнению Ю. В. Готье, люди, обитавшие в Салтове, жили, одевались, веровали и хоронили совершенно так же, как обитавшие от них очень далеко жители современной Осетии³. В то время в Юго-Восточной Европе сложился Хазарский каганат, границы которого в период наибольшего расцвета доходили до Уральских гор и реки Яика.

Если учесть уход болгар с побережья Азовского моря и образование Камской Болгарии, то приходится думать, что на территории нынешней Башкирии происходили тогда какие-то смещения или передвижения отдельных племен, вызванные этими событиями. Говоря об изменениях в материальной культуре Прикамья еще в IV в. н. э., А. В. Шмидт предполагал возможность прихода в эту эпоху на Каму новой народности, загнанной в леса далекого севера бурными событиями нашествия гуннов⁴. Исходя из этого, М. И. Касьянов думал, что уфимские погребения, открытые в 1936 г., относятся к каким-то тюркским племенам. Однако такое толкование можно допустить лишь в известных пределах, а именно в пределах влияния культур южных народов, тогда как основной процесс сложения этнических групп шел на месте в результате длительного исторического развития. Многочисленные памятники материальной культуры свидетельствуют о том, что уже и в период бронзовой эпохи, а затем в период ананьинского времени территория Башкирии была заселена. Южные районы изобилуют групповыми и одиночными курганами сарматского времени.

Предметы Бахмутинского могильника А. В. Шмидт разделил на две хронологические группы: более ранние V—VI вв. и более поздние VI—VII вв. К первой группе он относил пряжки «сармато-готского» типа с длинным язычком, мелкорубленные и круглые пастовые бусы, серьги или привески в виде вопросительного знака с сомкнутыми кольцами и напушенными бусами на нижнем конце и др. К убранству поздней стадии могильников были отнесены сердоликовые бусы, уплощенные, с белой инкрустацией; синие круглые, стеклянные; фиолетовые и синие мелкие уплощенные стеклянные; золоченые стеклянные цилиндрической формы; крупные уплощенные янтарные; серебряные гривны витые и др.⁵ К последней группе относятся также предметы из погребений села Никольского на Уфимке.

¹ См. каталог А. С. Уварова, стр. 66.

² Там же, стр. 65, описание № 517.

³ Железный век в Восточной Европе, 1930, стр. 61.

⁴ К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля, Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. VI, 1927, стр. 160.

⁵ Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук, Уфа, 1929, стр. 16.

Бахмутинские погребения составляли первую стадию культуры I тысячелетия н. э. Уфимские же погребения относятся уже к заключительной стадии этой же культуры.

Вернемся теперь к предметам уфимских погребений, открытых в 1936 г. Часть этих предметов (бронзовые украшения и железные изделия), несомненно, относится к местному производству и аналогична предметам более северных прикамских могильников, имея в то же время своеобразные черты. Часть предметов из золота и серебра попала сюда, несомненно, в результате обмена. Колты, медальоны и бляшки с циркульно-геометрическими кругами в виде солнечного диска, украшения в виде лунницы, а также техника зерни и филиграни с эмалью генетически связываются с орнаментацией и техникой южных изделий. Об этом же говорят так называемые сасанидские серебряные блюда и чаши, найденные в 1878 и 1941 гг. И. А. Орбели и К. В. Тревер такие сосуды относили к изделиям сасанидского производства¹, С. П. Толстов же, основываясь на орнаментальных мотивах, считает возможным отнести их к изделиям Хорезма². Что касается золотых и серебряных украшений Уфимского могильника, то, как было сказано выше, они находят себе прямую аналогию в предметах северокавказских погребений. И. Толстой и Н. Кондаков, говоря о северокавказских предметах, утверждали, что они не отличаются особой оригинальностью, и большинство их носит печать местного производства. По их мнению, привозились в готовом виде золотые пластинки, скань, зернь и некоторые другие материалы, из которых на месте изготовлялись предметы украшения³. Ограниченность фактических данных не позволяет нам сказать утвердительно о месте изготовления уфимских золотых предметов, но локализация их производства Северным Кавказом нам кажется более убедительной и правдоподобной.

Уфимские золотые и серебряные предметы, янтарные, сердоликовые и стеклянные бусы свидетельствуют об интенсивности торговых сношений приуральских племен с югом и с некоторыми другими областями Азии и Восточной Европы. Среди племен Приуралья созрела потребность в изделиях роскоши. Развитие обмена и торговли, а также спрос на привозные товары были обусловлены высоким состоянием производительных сил. Уфимские погребения являются наглядной иллюстрацией резкой имущественной дифференциации патриархальных семей и выделения достаточно богатой родовой аристократии. А. В. Шмидт, подводя итоги результатам исследования Бахмутинского могильника, писал, что: «Процесс социально-экономического расслоения среди патриархальных семейных общин Башкирии шел, повидимому, более интенсивно, чем в Пермском крае»⁴. Интересно здесь отметить то обстоятельство, что поздние уфимские погребения встречаются не сплошным полем, а в различных местах по группам, что, вероятно, свидетельствует о семейном характере этих захоронений.

Погребения, открытые в 1936 г., дают ясное представление о социальном облике погребенных. Костяные обкладки колчана, наконечники стрел, части кольчуги, найденные в мужском погребении, свидетельствуют о том, что погребенный был вооруженным воином, может быть, начальником дружины или вождем племени. Несомненно, что в те времена кольчугами могли обладать только люди из привилегированных слоев общества и скорее всего из верхушки родовой аристократии.

¹ Сасанидский металл, М.—Л., 1935.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Изд. АН СССР, 1948, стр. 201.

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 116.

⁴ Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет, ПИМЖ, 1933, №№ 9—10, стр. 26.

Золотые предметы женского погребения — эти шедевры ювелирного искусства — и предметы из детского погребения также подтверждают знатность и богатство покойников. Все они относятся к патриархальной знати. Погребения, открытые на усадьбе Башкирского театра в 1939 г., с преобладанием бронзовых предметов местного производства и с незначительным количеством привозных изделий, свидетельствуют о сравнительной бедности их.

Из всего сказанного явствует, что общественные отношения того периода характеризуются дальнейшим упрочением патриархальной общины и развитием союзов племен, приобретающих черты уже государственной организации¹.

Однако из вышесказанного нельзя еще сделать вывод о том, что в VII—VIII вв. здесь сложились уже законченные классовые или феодальные отношения. Уфимские могильники лишь свидетельствуют, что распад родового строя вступил в свою последнюю фазу. Шел быстрый процесс классового образования, но еще сохранялись значительные пережитки первобытно-общинного строя. Нельзя забывать того обстоятельства, что борьба между отживающими первобытно-общинными и зарождающимися классовыми отношениями составляла целую историческую эпоху, продолжавшуюся в течение многих веков.

Несколько слов о датировке уфимских погребений. Сравнительный анализ предметов уфимских погребений с аналогичными предметами, найденными в других местах Советского Союза, приводит нас к заключению, что они могут быть датированы VI—VIII вв. н. э. Нужно полагать, что одни из них относятся к более раннему времени, а другие к более позднему. Случайный характер уфимских находок не позволяет нам в настоящее время классифицировать их по хронологическим группам. Что касается погребений, открытых в 1936 г., то приходится думать, что они скорее всего относятся к концу VII в. или, быть может, к началу VIII в. н. э. Говоря о привозных серебряных сосудах, О. Н. Бадер предполагает даже, что они попали в Прикамье только лишь в VIII—IX вв. нашей эры и главным образом через арабских купцов².

Таким образом, уфимские могильники вплотную подводят нас к IX—X вв. н. э., когда на историческую арену выступают башкиры. «Вполне законно предположение, что племена, оставившие эти памятники, вошли в качестве компонентов в тот союз племен, из которого образовался башкирский народ»³.

¹ П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена, 1948, стр. 151.

² О. Н. Бадер. Археологические памятники Прикамья. Молотов, ГИЗ, 1950, стр. 72.

³ Б. А. Коишевский. Итоги археологического изучения Башкирской АССР. Историко-археологический сборник. Изд. НИИ краевед. музейн. работы, 1948 г., стр. 169.

III. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д. А. АВДУСИН

К МЕТОДИКЕ РАСКОПОК БОЛЬШИХ КУРГАНОВ

Курганы — наиболее частый объект археологических раскопок. Много тысяч курганов раскопано в дореволюционное время, не меньшее число исследовано в наши дни. Это в основном небольшие насыпи, имеющие до 2—2,5 м высоты. Методика раскопок мелких курганов детально разработана советскими археологами, хотя, к сожалению, не обобщена ни в одной печатной работе. Большие курганы высотой 4 м и более до революции раскапывались довольно часто. Такие большие насыпи исследовали либо колодцем, либо траншеей, что соответствовало уровню развития археологической науки в то время. При вскрытии насыпи одним из этих способов полы кургана оставались не исследованными, в них часто оставались вещи, строение кургана не выяснялось. Впрочем, передовые археологи прошлого века уже ясно представляли себе пользу профилировки курганной насыпи. И. Е. Забелин разработал и ввел в употребление приемы изучения стратиграфии курганных насыпей.

В 1925 г. В. А. Городцов копал (близ Ульяновска) один из степных курганов высотой до 4 м. Ввиду сложной структуры кургана В. А. Городцов отказался от обычного приема раскопок одним колодцем и применил целую систему таких колодцев, позволившую гораздо полнее выяснить строение насыпи, но полы кургана все же остались не исследованными. Прием, примененный В. А. Городцовым, уже граничит с современной методикой раскопок курганов, основным требованием которой является полное исследование кургана (раскопки на снос).

А. В. Арциховский первый раскопал на снос большой курган (в селе Беседы Московской области, в 1946 г.), причем результаты раскопок этого кургана наглядно показали преимущество подобного метода.

В предлагаемой статье на основе опыта раскопок автором двух больших курганов в Гнёздове, близ Смоленска, рассматривается методика раскопок больших курганов, содержащих трупосожжение. Безусловно, нельзя заранее определить, содержит ли курган трупосожжение или трупоположение, но методика курганов с трупосожжением более сложна и вполне применима для раскопок курганов с трупоположением.

После обычной съемки плана курганной группы и фотографирования, если избранный курган покрыт кустарником, последний следует вырубить на ширину не менее чем 20 м вокруг основания кургана, чтобы обеспечить свободный отвоз земли и выявление ровиков. Если же на кургане растут большие деревья, то, заручившись согласием лесничества, их следует вырубать. При этом ни в коем случае не следует корчевать пней, так как этим

можно повредить погребение. Такие пни надо окапывать в ходе раскопок до тех пор, когда их можно будет удалить, не повредив погребения. Что касается деревьев, окружающих курган, то их рубить не следует, так как они обычно не мешают ни выявлению ровиков, ни отвозу земли.

Нивелировке кургана предшествует разбивка «бровок» — контрольных стенок, необходимых для получения профилей кургана. На мелких курганах разбиваются одна или две бровки, но их недостаточно для выяснения строения большого кургана. Если курган достигает 6—7 м высоты при диаметре 30—40 м и его насыпь сохранилась хорошо, можно рекомендовать разбить шесть бровок, из которых три проходят с севера на юг, а три с запада на восток. Впрочем, иногда в силу особой формы кургана приходится изменить направление нескольких или даже всех бровок, чтобы получить профили кургана в желаемых местах, но это бывает редко. Рекомендованное число бровок также, конечно, необязательно, но их должно быть достаточно для выяснения внутренней структуры кургана.

Разбивку бровок следует начинать с выбора центра координат, от которого будут производиться промеры. Удобнее всего за такой центр принять геометрический центр кургана, обычно совпадающий с его наивысшей точкой. При помощи буссоли, установленной точно на выбранном центре, провешиваются оси север — юг и запад — восток, причем вешки (кольшки, длиной до 0,4 м) вбиваются через каждый метр по горизонтали, для чего их разбивку производят с рейкой, уровнем и отвесом. Провешенные оси являются основой двух осевых бровок. Обычно удобнее, если остальные бровки разбиты параллельно осевым на равном в обе стороны расстоянии от них. В таком случае на заданном расстоянии, например на каждом восьмом коле от центра, ставится буссоль и провешивается линия, перпендикулярная оси, на которой установлена буссоль. Вешки ставятся через метр, как и раньше. Это основы дополнительных бровок.

Бровки следует разбивать так, чтобы провешенные линии, в том числе и осевые, совпадали с одним из срезов бровки. При этом для удобства вычерчивания удобнее бровку запад — восток отложить к северу от оси. Что касается крайних бровок, то они должны быть отложены обязательно к центру кургана, т. е. таким образом, чтобы профиль снимался с их внешней стороны. Для чего это нужно — будет видно из дальнейшего.

Все бровки должны проходить не только по поверхности кургана, но и пересекать курганные ровики.

Толщина бровок обуславливается грунтом, из которого насыпан курган. Если это песок, рекомендуется делать бровки не менее 1 м шириной; если же курган насыпан из плотной глины, бровки могут быть и уже. Во всяком случае их следует делать прочными, способными выстоять долго под солнцем и дождем, но чем уже, тем лучше. Оба края бровок следует отметить зарубками на поверхности кургана.

Сетка, разбитая при разметке бровок, служит также основанием для нивелировки поверхности кургана. Нивелировку поверхности больших курганов рекомендуется производить при помощи нивелира, который необходим и при раскопках. Без нивелира значительно снижается точность измерений и необычайно увеличивается время, необходимое для самых простых промеров.

За нулевую точку при нивелировке следует принять избранный при разбивке бровок центр координат, даже если он не совпадает с наивысшей точкой курганной насыпи. Рейка для нивелировки должна быть длиной не менее 4—5 м. Нивелир устанавливается на кургане возможно ниже, но так, чтобы его поле зрения не перекрывалось курганной насыпью. Вместе с тем, нивелир нужно установить возможно дальше от бровок, чтобы можно было рассмотреть цифры на рейке, поставленной у ближнего к нивелиру кола.

Рейка ставится вертикально у каждого кола, вбитого при разбивке бровок, и нивелиром определяется уровень понижения поверхности в этом месте. Данные нивелировки заносятся на план, причем цифры, обозначающие превышение над уровнем нулевой точки, заносятся со знаком плюс, а обозначающие понижение — со знаком минус.

Обычно высота кургана превышает длину рейки, и с одной точки стояния нивелира невозможно пронивелировать весь курган. Поэтому после того как с первой точки стояния отмечен уровень всех достигаемых точек, нивелир ставят поочередно на несколько дополнительных точек, расположенных ниже первой немного меньше чем на длину рейки. На каждой новой точке стояния связывают уровень стояния нивелира с уровнем на первой точке, а затем снимают недостающие нивелировочные данные той части кургана, которая видна в объектив. Если на поверхности кургана имеются ямы, их края и дно также следует пронивелировать.

Кроме нивелировки поверхности кургана нужно произвести нивелировку его основания. При этом особое внимание уделяется нивелировке ровиков. Если ровик кольцевой, его нивелировка не представляет трудности и производится по направлению разбитых бровок. Но иногда, как, например, у большого кургана Ольшанской группы в Гнёздове, ровики идут радиально. В этом случае направление нивелировки следует взять по ровикам, нивелируя их края и дно. Во всех случаях нивелируются также и перемычки.

Избранная нулевая точка кургана будет со временем снесена, и тогда для грубых промеров могут служить колы на бровках, так как высота каждого кола известна. Но ввиду того что колы легко могут быть потревожены, необходимо для точных промеров около кургана сделать не менее трех контрольных точек. Если неподалеку есть деревья, на нескольких из них делаются зарубки, и при помощи нивелира отмечается их высота по отношению к нулевой точке кургана. Желательно, чтобы разница в высотах была выражена круглой цифрой, например, высота кургана минус 3 м. Если же деревьев нет, то в трех-четыре местах вблизи кургана забиваются толстые колы. Колы забиваются так, чтобы их вершины не выступали из земли. На каждый кол ставится рейка и отмечается уровень понижения для каждого кола по отношению к нулевой точке. Желательно, чтобы колы были забиты на разных высотах по отношению к высоте кургана. Например, первый кол стоит ниже нулевой точки на 2,25 м, второй — на 3,74 м, третий — на 5,1 м. Зная отметки зарубок на деревьях или колов, при помощи нивелира всегда легко обратным пересчетом вычислить глубину любой прослойки или находки в кургане.

Все полученные данные служат основанием для составления плана кургана, который лучше всего вычерчивать в горизонталях, как обычный топографический план с высотой сечения 0,5 м. Все цифры нивелировки лучше наносить на особую схему.

После того как окончена съемка плана кургана, необходимо выбрать направление для укладки рельсов вагонеток. Без вагонеток начинать раскопки кургана высотой 5—6 м невозможно, так как три четверти рабочего времени уйдет на бесполезную перекидку земли. Вагонетки же дают большую экономию времени и средств. Еще лучше, если можно применить 15-метровый транспортер с электрическим мотором, но, к сожалению, большие курганы почти всегда далеко отстоят от электрической сети, а тянуть дополнительно проводку обычно невыгодно. Существуют, правда, транспортеры с приводом, скажем, от трактора, но подобная установка не имеет главного качества транспортера с электрическим мотором — подвижности. Для раскопок только одного, хотя бы и большого, кургана нерентабельна также динамомашинка, соединенная с мотором внутреннего сгорания, дающая ток транспортеру.

Практика показала, что удобнее всего рельсы вагонеток располагать у самого основания кургана по касательной к нему. Если по соседству с курганом есть овраг, или большая яма, или естественное углубление, то для свалки земли лучше всего использовать их. При этом рельсы необходимо уложить с наклоном от кургана. Вагонетки должны быть установлены еще до начала земляных работ.

Для того чтобы не засыпать полы кургана и бровки, удобно в нескольких местах установить дощатые щиты размером 2×2 м, на которые и производится отброс земли, а уже со щитов земля сбрасывается вниз, прямо в вагонетки. Если же скаты кургана недостаточно круты, щиты можно установить в 2 яруса и больше. Для установки щитов удобно использовать поврежденности курганной насыпи. В этих местах вырезаются горизонтальные площадки, на которые и кладутся щиты. Впрочем, такие горизонтальные площадки можно сделать и в неповрежденных местах. Наличие щита устраняет смешивание выбранной земли с нетронутой и втоптывание ее в насыпь кургана. На кургане шестиметровой высоты устанавливается до 10 щитов. Как устанавливаются щиты, видно на рис. 41.

В дальнейшем, когда площадь вскрытой поверхности станет большой и землю будет трудно добросить до щита, на этой поверхности, во избежание перекидки, устанавливаются тачки, обеспечивающие подвоз земли к щитам. Землю, сброшенную со щитов, следует отвозить на расстояние не менее 20 м от подножия кургана.

При раскопках большого Ольшанского кургана в Гнёздове была сделана попытка применения деревянных желобов для сброса земли. Желоба были установлены на наиболее крутых скатах кургана, но угол наклона для скатывания земли оказался слишком мал, и от применения желобов пришлось отказаться, несмотря на то, что курган был настолько крут, что подниматься на него было трудно.

Работа с правильно установленными вагонетками, щитами и тачками полностью обеспечивает отвоз выброшенной земли и предохраняет от «завалов», которые чрезвычайно тормозят работу. На рис. 42 представлен нивелировочный план кургана (с горизонталями). На плане отмечено расположение щитов и рельсов вагонеток.

Самые раскопки кургана следует начинать с прорытия канавок по ровикам вдоль бровок для прослеживания профиля ровиков. Большой частью ровик сильно заплывает, и подобная профилировка позволяет выяснить его истинную глубину. Полученные данные немедленно заносятся на чертежи профилей. После этого можно приступать к раскопкам кургана с вершины. Раскопки ведутся, как обычно: насыпь снимается пластами по 20 см, начиная сверху. После снятия каждых 2—3 пластов, лучше через каждый пласт, производится тщательная горизонтальная зачистка вскрытой поверхности с целью выявления расположения слоев насыпи. Разумеется, что бровки не вскапываются, а их вертикальные стенки тщательно зачищаются. Когда будет снято 1,5—2 м насыпи, считая от вершины, работа на центральных квадратах, две стенки которых образованы центральными бровками, прекращается, и рабочие переводятся на внешние секторы. Здесь работа идет тем же порядком до тех пор, пока уровень крайних секторов не станет ниже уровня центральных на 1,5—2 м. После этого производится зарисовка профилей бровок, и бровки срезаются до уровня центральных квадратов. Затем рабочие вновь переводятся на центральные квадраты и продолжают снимать пласт за пластом, не оставляя внешних бровок до тех пор, пока разница уровня центральных квадратов и внешних секторов станет около 0,4 м. Чтобы земля не сыпалась с центральных квадратов на внешние, удобно по краю оставлять барьер шириной 0,2 м и через каждые два штыка обрушивать его по направлению к центру кургана.

По достижении указанной разницы в уровнях внешние бровки снова следует оставлять. Обычно удобно с внешней стороны внешних бровок проводить линию, до которой можно снимать бровку. Такая линия проводится по нивелиру, строго горизонтально, и ее уровень известен. Эта линия нужна не только для того, чтобы рабочие не позабыли, до какого уровня следует снимать бровку, но и для того, чтобы облегчить увязку уже снятой части профиля с еще не снятой.

Из сказанного ясно, почему внешние бровки должны откладываться к центру кургана. Если бы они откладывались наружу, было бы невозможно сносить их вместе со вскапыванием центральных квадратов, и это тормозило бы работу.

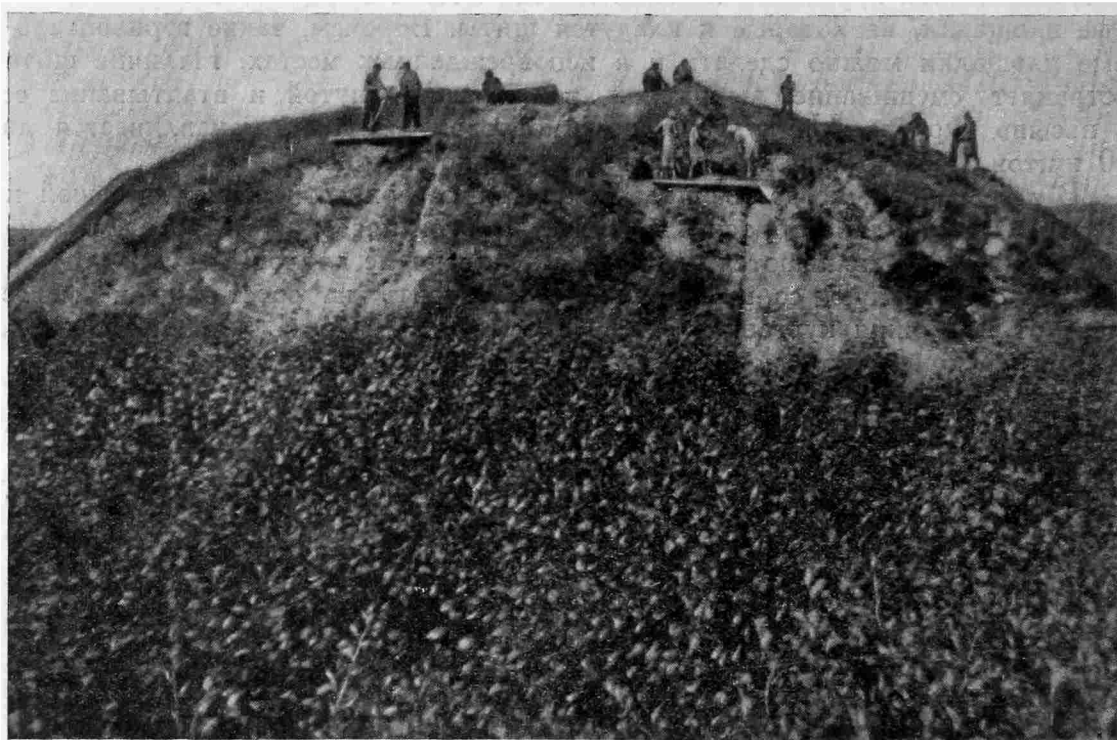

Рис. 41. Общий вид Ольшанского кургана с установленными щитами.

После того как уровень центральных квадратов сравнялся с уровнем внешних секторов, рабочие опять переводятся на внешние, и т. д. Такая система позволяет, не тормозя хода работы, выяснить боковые профили кургана, наиболее рационально использовать рабочую силу и устраняет высокие барьеры между секторами и излишнюю перекидку земли.

Осевые бровки желательно сохранить возможно дольше. Однако при высоте бровок свыше 2,5 м они становятся неустойчивыми и опасными, поэтому их также приходится разбирать. Кроме того, курганы часто бывают изрыты лисьими и барсучьими норами, которые сильно ослабляют устойчивость бровок, и тогда нельзя допускать, чтобы бровки были выше 2 м.

Разумеется, во время снятия пластов ведется дневник, как и во время всяких раскопок. В насыпи неоднократно встречаются находки, которые лучше всего наносить на особый план («план находок в насыпи»), а в дневнике отмечается глубина каждой находки. Находкой считаются не только древние, но и поздние вещи, которые иногда указывают на перекопы. Отмечается все, начиная от консервных банок и гвоздей, причем берутся, ко-

нечно, только древние вещи. Необходимо также отмечать все встречающиеся в насыпи зольные пятна, скопления углей и головни. Отдельные угольки, конечно, не регистрируются.

По мере необходимости производится съемка планов вскрытой поверхности.

Рис. 42. План большого Гнездовского кургана и расположение щитов и рельсов для вагонеток.

При снятии осевых бровок нужно перенести центральный кол вниз по вертикали. Для этого сносимые бровки в центре подрубаются так, чтобы иметь возможность отвесом наметить новое место этого кола. Новое положение кола проверяется bussолью, установленной поочередно на колыях обеих центральных бровок. Колы, на которых устанавливается bussоль, следует выбирать на непо потревоженных скатах кургана.

Весьма часто в верхних слоях кургана наблюдаются поздние ямы. Например, в большом Ольшанском кургане была обнаружена разведочная

траншея, сделанная В. И. Сизовым, а верхние слои большого Центрального кургана были сплошь перерыты поздними погребениями, так как на этом кургане еще 50 лет тому назад было функционирующее кладбище. В обоих случаях перекопы лучше всего выявлялись в профилях, чему помогли довольно частые бровки, отстоящие друг от друга на 6—8 м. В некоторых случаях такие ямы выявляются, так сказать, с «обратной» стороны бровок. При этом, если необходимо, вычерчиваются дополнительные профили. Вводные погребения обычно датируются именно по профилям. Датировке поздних могил помогают находимые в них монеты. Так, в Центральном кургане Гнёздова в могилах найдены монеты с 1741 до 1902 г.

Поздние ямы, могилы и вводные погребения регистрируются, как обычно, согласно требованиям полевой методики.

При описанной выше системе работы кострище появится прежде всего на внешних секторах, где раскопки сразу прекращаются и переносятся на центральные квадраты. При этом зарисовываются профили всех бровок и бровки сносятся целиком, но нужно следить, чтобы центральный кол был установлен точно в центре кургана.

Обнажение внешней поверхности кострища, т. е. отделение нескольких последних сантиметров грунта, которые нельзя добрать лопатами без риска повредить поверхность, производится мелким инструментом. При этом, если грунт глинистый, он легко отделяется как раз по верхней границе кострища. Этого не бывает при песчаном грунте, и там при выходе на верхнюю границу приходится соблюдать особую осторожность.

Для удобства регистрации находок на вскрытой поверхности кострища разбивается сетка квадратов (1 кв. м каждый), стороны которых параллельны осевым бровкам. Линии этой сетки слегка прочерчиваются кольщиком или ножом.

Так как кострище обычно бывает неровным, то вскрытую поверхность следует пронивелировать по всем углам квадратов сетки. Кроме того, если наблюдаются ложбины или бугры, их также следует пронивелировать по дну или по гребню. После нивелировки следует сделать фотографию.

Кострище в глинистых курганах обычно тонкое, опрессованное, а в песчаных — пухлое, толстое. Следует различать черный, жирный угольный слой — основной остаток трупосожжения — и серый зольный слой, распространяющийся обычно на значительно большую поверхность. Иногда после сожжения черный угольный слой сгребался к центру кургана. В этом жирном угольном слое встречается основная масса находок. На плане отмечаются границы обоих описанных слоев.

Разборку кострища следует начинать с крайних квадратов сетки по направлению к центру. Кострище следует разбирать вертикальными срезами, имея перед собой его передвигающийся профиль. При этом нужно получить профили кострища по линии бровок для нанесения его на чертеж и для описания в дневнике.

Регистрация находок, их фотографирование, описание и т. д. производятся обычным порядком. Измерение глубин производится нивелиром. Когда разборка кострища произведена, следует восстановить метровую сетку и заново пронивелировать. Результаты нивелировки покажут мощность кострища в любом месте.

После разборки кострища производится такая же тщательная разборка подкострищного обожженного слоя, в котором также могут быть находки. Разборка подкострищного слоя производится тоже от края к центру. При выходе на поверхность кострища, при его разборке, а также при разборе обожженного слоя отработанную золу, угли и землю следует ссыпать в тачки или на щиты, иначе эта зола, угли и прочее легко втаптываются в землю и производят впечатление огрехов, допущенных при расчистке.

По окончании этой работы следует тщательно зачистить всю вскрытую поверхность для обнаружения ям, находящихся под кострищем. Они легко обнаруживаются по разнице в цвете,— как правило, такие ямы наполнены золой. Кроме того, заполнение их обычно менее плотное, чем окружающая почва. Обнаруженную яму следует разбирать по половинам, чтобы получить ее профиль. Если яма узка, то для снятия профиля нужно заложить квадратный раскопчик, одна сторона которого проходит через яму.

После снятия кострища, находящегося на подсыпке, бровки нужно снова оставлять. Направление бровок прежнее. Оно легко восстанавливается буссолью по оставшимся на скатах кургана кольям.

Далее раскопки продолжаются по описанной выше системе.

Погребенная почва в гнездовских курганах обычно залегает непосредственно под кострищем и представляет собой слой оподзоленного белого песка, который ранее ошибочно принимали за специально подсыпанный. В тех случаях, когда при погребении кострище сгребалось к центру кургана, этот белый песок часто был потревожен и при раскопках прослеживался только под кучкой угля.

По достижении материка, который опять-таки появляется прежде всего на внешних секторах, определяется уровень его залегания на этих секторах, затем поверхность материка зачищается для обнаружения материковых ям. После этого материк вскапывается на штык для проверки. При этом земля не вывозится. Затем производится та же работа на центральных квадратах, и раскопки кургана закончены. После раскопок от насыпи кургана не остается ничего, кроме груд выброшенной земли, кольцом окружающей площадку раскопанного кургана, представляющую собой древнюю поверхность, на которой он был насыпан.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	— Академия Наук СССР
АС	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ИА УССР	— Институт археологии Украинской ССР
ИГАИМК	— Известия Государственной академии материальной культуры
ИАН ОИФ	— Известия Академии Наук Отделения истории и философии
ИАК	— Известия археологической комиссии
КПИ	— Комитет полевых исследований
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР
НИС	— Новгородский исторический сборник
ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
СИФ	— Серия истории и философии в трудах АН СССР
СЭ	— Советская этнография
ФАН	— Филиал Академии Наук
ВГА	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

о докладах и полевых исследованиях Института истории
материальной культуры. Вып. XXXI—XXXIX

Содержание

Вып. XXXI

В. И. Громов. Работы М. В. Воеводского и изучение истории четвертичного периода
Список печатных работ М. В. Воеводского

I. Статьи и доклады

- М. В. Воеводский и А. Е. Алихова-Воеводская. Авдеевская палеолитическая стоянка
М. Д. Гвоздовер. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 г.
А. И. Москвитин. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки
П. И. Борисковский. Некоторые многослойные палеолитические памятники бассейна р. Десны
М. В. Воеводский. Палеолитическая стоянка Погон
С. Н. Замятин. О первоначальном заселении пещер
А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I
М. Н. Грищенко. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита
А. П. Черныш. Новые исследования Владимировской палеолитической стоянки

- М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы
М. В. Воеводский и А. В. Збруева. Мало-Окуловская неолитическая стоянка
И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский
А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане
Е. И. Горюнова. Реставрация древней керамики

II. Мелкие статьи и заметки

- М. П. Грязнов. Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири
С. А. Семенов. Топор в верхнем палеолите
О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции
Н. Н. Гурина. Техника изготовления грузил на стоянке Вой-Наволок 9
О. Н. Мельниковская. Памятники палеолита Новгород-Северского района
Н. Н. Левшин. Древняя стоянка в верховьях р. Якитикивеема
А. П. Окладников. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова
Список сокращений

Вып. XXXII

Значение трудов товарища Сталина для изучения ранних периодов истории

I. Сообщения

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований ИИМК за 1948 г.

Информация

II. Доклады на сессии

С. И. Руденко. Раскопки Пазырыкской группы курганов

III. Доклады на пленуме

- А. П. Черныш. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре
Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре
В. И. Бибилова. Домашние и дикие животные из поселения Лука-Врублевская
П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на средней Суре
А. В. Збруева. Памятники поздней бронзы в Прикамье

IV. Статьи и заметки

- Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области
И. В. Синицын. Археологические памятники на реке Малый Узень
К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа.
Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы
- Е. Векилова. Позднепалеолитические стоянки в Крыму
В. И. Зубков. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке
В. М. Раушенбах. Неолитическая стоянка у дер. Буньково
Г. Г. Леммлей. Опыт классификации каменных бус
Список сокращений.

Вып. XXXIII

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых исследований Института истории материальной культуры за 1948 г.

I. Доклады на сессии

- А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде
В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея

II. Доклады на пленуме

- И. И. Ляпушкин. Памятники полей погребений левобережья Днепра
Е. И. Горюнова. Итоги работ Муромской экспедиции
С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова
З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов и О. С. Хованская. Раскопки Великих Болгар
М. Г. Рабинович. Археологическая разведка в Полоцкой земле
М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории
И. Б. Зеев. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора

III. Статьи и сообщения

- С. И. Капошина. Золотые серьги из окрестностей Ольвии
Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов
Н. М. Бачинский. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении.
А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят
А. М. Беленицкий. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни
Б. А. Колчин. Несколько замечаний к главе «О железе» минералогического трактата Бируни

IV. Авторефераты защищенных диссертаций

- А. И. Тереножкин. Согд и Чач

V. Хроника

- Н. Я. Мерперт. Археологические исследования в РСФСР за 1948 г.
Список сокращений

Вып. XXXIV

I. Статьи и доклады

- Б. Н. Граков. Очередные задачи археологии в изучении скифосарматского периода
Б. Н. Граков. Скифский Геракл
В. Д. Блаватский. О стратегии и тактике скифов
А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов
С. И. Капошина. Памятники звериного стиля из Ольвии
В. В. Шлеев. К вопросу о скифских наверхиях
Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье
О. Н. Мельниковская. Могильники у с. Долинское Черниговской обл.

- П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине
Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья
К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия
К. В. Сальников. Сарматские погребения в районе Магнитогорска
Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами

II. Критика

- Н. Н. Погребова. К вопросу о скифском зверином стиле.
В. А. Ильинская. По поводу так называемой «зольничной культуры»

I. Статьи и доклады

- Б. А. Рыбаков. Уличи
 С. А. Тараканова. О происхождении и времени возникновения Пскова
 В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье
 М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на Десне

II. Методика археологических исследований

- В. Д. Блаватский. Культурный слой античного города
 Е. И. Горюнова. К вопросу об «остеологической статистике»

III. Полевые археологические исследования

- М. Э. Паничкина. Древнепалеолитическая стоянка Сатани-Дар в Армении
 С. Н. Бибииков. Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевецкой на Днестре

- А. П. Окладников. Археологические исследования в низовьях реки Селенги
 К. В. Сальников. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска
 Т. Н. Книпович. Основные итоги Ольвийской экспедиции
 А. Л. Якобсон. Раскопки средневековых слоев Херсонеса
 В. Р. Тарасенко. Раскопки минского Замчища

IV. Мелкие статьи и заметки

- А. П. Черныш. Редкая находка палеолитического кремневого наконечника на Среднем Днестре
 С. А. Семенов. Верхнепалеолитические костяные рукоятки
 Л. Р. Кызласов. Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дала
 Р. Л. Розенфельдт. Старорязанский врезной замок
 Н. А. Черницын. Археологическая карта Тотемского района Вологодской области

Вып. XXXVI

I. Доклады

- С. В. Киселев. Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию

II. Статьи

- Н. Я. Мерперт. О генезисе Салтовской культуры
 Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тире
 Л. Р. Кызласов. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай)
 Ф. Д. Гуревич. Рагинянский могильник
 Э. А. Володченко. Перстень-печать XII в.
 Е. С. Видонова. Детская одежда начала XVI в.

III. Полевые археологические исследования

- М. Э. Паничкина. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении
 Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму
 Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры
 А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска
 К. В. Сальников. Раскопки на озере Березовом
 М. Р. Полесских. Археологические разведки в долине р. Оки, притока Ангары

- А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе
 С. А. Тараканова. Псковские курганы с трупосожжением
 М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г.

IV. Информация

- О. Н. Бадер. Мустьерское местонахождение у дер. Мазанки в Крыму
 В. В. Пиотровский. Неолитическая стоянка на берегу озера Круглого (Московская область)
 А. М. Ефимова. Сверлёные молоты из коллекции Государственного музея Татарской АССР
 Н. В. Хоштария. Об одном бронзовом орудии из Колхиды.
 М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане
 А. И. Минорский. Древние наскальные рисунки горного Алтая
 Л. А. Евтюхова. К вопросу о писаницах Алтая
 П. П. Хороших. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи)
 В. Ф. Генинг. К вопросу о северных границах распространения ананьинской культуры
 В. Оборин. Плеховский могильник на Каме

V. Хроника

- Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания

С. И. Вавилов

I. Сообщения

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований за 1949 г.

Информация

II. Доклады на сессии и пленуме

- П. И. Борисковский. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культурных мест
 А. Н. Рогачев. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костёнках
 Н. Н. Гурина. Результаты работ Карельской археологической экспедиции
 Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов-Яр
 П. Д. Степанов. Итоги раскопок фатьяновских поселений на Средней Суре
 А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция
 В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой Лог
 К. В. Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях
 И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане

- С. И. Руденко. Пятый пазырыкский курган
 А. И. Тереножкин. Скифская Днепровская правобережная экспедиция
 И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная балка Полтавской области
 Б. Н. Граков. О работе Степной скифской экспедиции
 П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки
 С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция
 К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана
 А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского
 Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции
 И. Б. Зеест. Разведочные раскопки в Феодосии
 И. Б. Зеест. Жилые дома древнего Киммерика
 В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата
 В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея
 Д. Б. Шелов. Городище около хутора Ильичевки
 М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории
 Н. В. Анфимов. Раскопки Семибратнего городища
 В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе.

I. Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, посвященная полевым археологическим исследованиям ИИМК за 1949 г.

I. Доклады на сессии и пленуме

- М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища
 А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани
 Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно
 Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже (1948—1949 гг.)
 Н. Н. Воронин. Раскопки в Старице
 М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве в Китай-городе
 А. В. Никитин. Оборонительные сооружения Засечной черты в районе Тула—Одоев—Белев
 Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнёздове
 Я. В. Станкевич. Археологическая разведка в Великолукской области

- Ф. Д. Гуревич. Древние поселения Калининградской области
 Т. Н. Никольская. Огубское городище
 А. Е. Алихова. Авдеевское селище
 К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник—памятник хазарской культуры Дагестана
 О. С. Хованская. Новые данные о городе Болгаре
 А. М. Ефимова. Металлургические горны в XI—XII вв. в городе Болгаре
 П. Д. Степанов. Итоги раскопок древнемордовских памятников
 А. Н. Бернштам. Древний Тянь-Шань
 М. Е. Массон. О северо-восточных пределах парфянского государства
- II. Методика археологических раскопок*
 Н. Н. Воронин. Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города
- III. Хроника*
 Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1949 г.
 Список сокращений

I. Статьи и доклады

- А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры
- А. Л. Есипенко. Петуховская оборонительная система
- А. П. Иванова. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины
- Г. Г. Виницкая. Технологические основы производства терракот в Ольвии
- Д. Б. Шелов. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах
- В. Н. Скалон и П. П. Хороших. Об оленных писаницах Северной Азии
- В. Л. Воронина. К вопросу о древней методологии Средней Азии
- И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике
- II. Полевые археологические исследования*
- А. П. Окладников. Каменные орудия с острова Фаддея
- Г. А. Чернов. Петрушинская стоянка на Средней Печоре
- Г. А. Чернов. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры
- О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г.
- О. М. Джапаридзе. Краткий отчет об археологических разведках в Гурии в 1949 г.

- Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка Ульяновского района Одесской области
- О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения Кизилкобинской культуры в 1949 г.
- Р. Б. Ахмеров. Новые археологические находки в Башкирии

III. Мелкие статьи и заметки

- Ф. И. Петровых. Бляха с Ирьякского городища
- В. П. Кравец. Глиняные трипольские модельки саночек и челна в коллекциях Львовского исторического музея
- В. Д. Блаватский. Пустотелый керамический цилиндр
- В. Д. Блаватский. Каменное ядро из Фанагории
- Н. Н. Воронин. Скульптурный портрет Всеволода III
- Р. Л. Розенфельдт. Новая конструкция древнерусских врезных замков
- В. Б. Гиршберг. Надгробие 1655 г. из Богоявленского монастыря в Москве

IV. Тезисы защищенных диссертаций

- В. Р. Тарасенко. К истории Верхнего Поднепровья и Белоруссии в I тысячелетии н. э.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>А. Л. Монгайт.</i> Кризис буржуазной археологии	3
<i>А. П. Смирнов.</i> Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар	16
<i>В. А. Ильинская.</i> О скифах-пахарях и будинах Геродота	28
<i>М. М. Дьяконов.</i> Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии	34
<i>А. П. Смирнов.</i> К вопросу о бургасах	45
<i>А. Ф. Медведев.</i> Водоотводные сооружения древнего Новгорода	51
<i>М. А. Ильин.</i> К изучению древнейших памятников каменного зодчества Переславля Рязанского	74

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Е. К. Черныш.</i> Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировки	85
<i>Г. А. Чернов.</i> Археологические находки на реке Щучьей	96
<i>М. П. Грязнов.</i> Археологическое исследование территории одного древнего поселка	105
<i>Б. М. Рабичкин.</i> Поселение у Широкой балки	114
<i>Р. Б. Ахмеров.</i> Уфимские погребения VI—VIII веков нашей эры	125

III. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Д. А. Авдусин.</i> К методике раскопок больших курганов	138
Список сокращений	146
Краткие сообщения ИИМК, XXXI—XXXIX выпуски (содержание)	147

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
23	1 сн.	архивные	археологические
42	13 сн.	в помещении 10-а	в помещении 10
47	1 сн.	том XV	том XXV
58	14—13 сн.	трапециевидные	трапециевидное
60	2 сн.	на очень	не очень
98	3 сн.	со стоянки	со стоянок

Краткие сообщения ИИМК. вып. 40.